

Карагандинский научно-исследовательский университет имени академика
Е. А. Букетова

УДК 930.85(574)"19/20":930(100-87)

На правах рукописи

МЕЙРАМБЕКОВ АСЛАН КУАНЬШУЛЫ

**История культуры Казахстана советского периода в зарубежной
историографии второй половины XX - начала XXI веков**

8D02202 – История

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор
Жумашев Р.М.

Республика Казахстан
Караганда, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1 ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА: ОТ СОВЕТОЛОГИИ К ПОСТСОВЕТСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ.....	31
1.1 Формирование зарубежных представлений о Казахстане.....	31
1.2 Идеологические аспекты и их влияние на исследования истории культуры	44
2 ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	54
2.1 Трансформация культуры Казахстана в контексте советского влияния: взгляд зарубежных историков.....	54
2.2 Культурное сопротивление и компромисс: ислам в советском Казахстане глазами зарубежных ученых.....	62
2.3 Борьба с неграмотностью и языковая политика в Казахской ССР: оценки западных ученых.....	73
3 ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА ПОСЛЕ РАСПАДА СССР.....	85
3.1 От советизации к независимости: культурные процессы в Казахстане через призму зарубежных исследований.....	85
3.2 Казахстанский кинематограф в контексте советской культурной политики: анализ западных историков.....	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	97
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	110

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Культура – живая ткань, из которой соткана идентичность каждого народа. Когда мы погружаемся в изучение культурных процессов советского Казахстана, перед нами разворачивается уникальная картина трансформации целого общества. Период "культурного строительства" не просто оставил свой след – он коренным образом изменил культурный ландшафт страны, заложив фундамент современной культурной инфраструктуры.

В сегодняшнем Казахстане мы наблюдаем удивительный синтез: наряду с классическими институтами культуры советской эпохи – театрами, кинотеатрами, музеями, филармониями – происходит яркое возрождение национальных традиций. Наурыз мейрамы, День домбры, праздники национальной одежды – эти события уже не просто даты в календаре, а живые свидетельства культурного возрождения.

Особый интерес представляет то, как зарубежные исследователи советского периода воспринимали и интерпретировали эти культурные процессы. Насколько глубоко они понимали значимость возрождения национальных традиций? Как оценивали роль культуры в формировании самосознания казахского народа?

Современная культурная политика независимого Казахстана – это многогранный проект, направленный на сохранение культурного многообразия всех этнических групп страны. Через призму зарубежной историографии советского периода мы можем не только выявить малоизученные аспекты этого процесса, но и обогатить наше понимание культурного наследия новыми подходами и интерпретациями.

Во второй половине XX века западная историография обогатилась новыми методологическими подходами к изучению культурной истории. Это позволило взглянуть на вопросы идентичности, национального самосознания и взаимодействия власти с культурной сферой под новым углом. Сейчас мы наблюдаем растущий интерес зарубежных исследователей к переосмыслению советского культурного наследия, в том числе и казахстанского опыта.

В свете увеличивающегося потока публикаций о культурной истории Казахстана становится очевидной необходимость их глубокого анализа и систематизации. Каждое новое исследование – это еще один шаг к пониманию нашего культурного наследия, но вместе с тем возникает потребность в критическом осмыслении накопленного историографического материала.

Как подчеркнул Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: «Национальная культура является зеркалом жизни народа, проявлением его бытия, а духовное развитие страны напрямую связано с развитием национального самосознания» [1]. Эти слова подчеркивают важность сохранения и изучения культурного наследия как ключевого элемента формирования современной национальной и культурной идентичности.

В современном мире историческая наука и историография проходят через значительные изменения, отказываясь от традиционных методов и переосмысливая устоявшиеся стереотипы, сложившиеся в европейской интеллектуальной культуре с эпохи Просвещения. В конце XX и начале XXI века с появлением новых подходов к изучению истории сформировалось понимание того, что прошлое не является единым и однозначным. Напротив, оно представляет собой множество интерпретаций, каждая из которых определяется культурным контекстом и методологией исследования. Таким образом, любой исторический дискурс позволяет выявить не только достоинства и недостатки существующих концепций и школ, но и продемонстрировать многогранность исторического знания, его зависимость от культурных, социальных и политических факторов.

Как отмечает известный российский историк Л.П. Репина, современные подходы к изучению истории позволяют осуществить «десакрализацию научной картины исторического прошлого» [2], что, в конечном счете, ведет к освобождению сознания от иллюзий и заблуждений, поиску и истолкованию новых смыслов, приводящих к теоретическому обновлению самой исторической науки. Это расширяет наши знания об изучаемой реальности, позволяет лучше понять процессы, происходившие в прошлом, и их влияние на настоящее.

Знания, полученные в процессе изучения зарубежной историографии, позволяют актуализировать ранее изученный материал, сопоставить точки зрения различных авторов, выделить малоизученные и незатронутые проблемы исследования, а также ознакомиться с техникой и методологией исторического исследования. В этом контексте, анализ трудов, посвященных культурным процессам в Казахстане в советский период, становится особенно важным. Он позволяет выявить, насколько объективно и полно зарубежные исследователи отражали специфику развития культуры в условиях советской системы, какие аспекты они выделяли, и какие методологические подходы использовали.

Важным аспектом актуальности является то, что культура казахского народа имеет богатые истоки и самобытные традиции, ярко проявляющиеся в национальной одежде, обычаях, обрядах, музыке и творчестве акынов. Эти элементы национальной культуры на протяжении веков играли важную роль в формировании национального самосознания и идентичности казахского народа. Как отметил Глава государства Касым-Жомарт Токаев: «Истоки самобытной культуры казахского народа заложены в традициях и обычаях, музыке и творчестве акынов. Своеобразие нашей культуры находит свое яркое воплощение и в национальной одежде» [3]. Эти слова подчеркивают важность изучения того, как национальная культура Казахстана советского периода находила отражение в зарубежных исследованиях, и какие аспекты этого богатого культурного наследия получили внимание зарубежных ученых.

Нельзя не отметить особую важность исследования того, как зарубежные авторы анализировали влияние советской идеологии на

культурное развитие Казахстана. Советская система, пронизывающая все сферы жизни общества, создавала уникальный контекст культурного развития. Через призму работ зарубежных исследователей мы можем увидеть, как процессы русификации и стремление сохранить национальные традиции формировали сложную культурную мозаику того времени.

Золотой фонд казахской культуры советского периода представлен выдающимися именами, чье творчество заслуживает пристального внимания историографов. Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Абдильда Тажибаев – эти творцы не просто создавали произведения искусства, они выковывали культурный код нации в сложнейших исторических условиях. Как зарубежные исследователи оценивали масштаб их вклада? Насколько глубоко им удалось проникнуть в суть культурных процессов, происходивших в литературе, изобразительном искусстве, музыке, театре и кино Казахстана?

Важно подчеркнуть, что в рамках нашего исследования мы фокусируемся на работах ученых из стран, не входивших в состав СССР. После 1991 года российская историография, как и исследования других постсоветских стран, сформировала особое направление, требующее отдельного изучения. Это разграничение не случайно: историки постсоветского пространства, при всем разнообразии их подходов, объединены общим историческим опытом и методологическими традициями советской исторической школы. Их преимущество в доступе к архивным материалам и понимании локального контекста создает иную исследовательскую перспективу, существенно отличающуюся от взгляда западных коллег.

Значимость данного исследования выходит далеко за рамки чисто академического интереса. Анализируя зарубежные труды о советской культуре в Казахстане, мы не только оцениваем полноту и объективность отражения культурных процессов, но и открываем новые горизонты в понимании нашего культурного наследия, его роли в формировании национального самосознания.

Особенно важно отметить практическую ценность исследования. Глубокое понимание исторических корней взаимодействия религии и государства в казахстанском контексте может стать ключом к выстраиванию более эффективной политики в сфере межконфессиональных отношений в современном Казахстане.

Степень изученности проблемы. История изучения Казахстана и Центральной Азии в зарубежной историографии представляет собой увлекательное, но недостаточно исследованное направление в казахстанской исторической науке. Долгое время этот пласт исследований оставался в тени доминирующей историографической традиции нашей страны.. Этот регион привлекал внимание западных исследователей, что отразилось в многочисленных трудах, посвященных различным аспектам его истории, культуры и политики. Взаимная критика между советской и западной историографиями стала особенно заметной во второй половине XX века, в

период холодной войны. Советская историография, подверженная влиянию государственной идеологии, формировала критическое отношение к западным исследованиям, называя их «буржуазными фальсификациями» и «антиисторическими». В то же время западные исследователи критиковали советские подходы, отражая собственные идеологические позиции.

Важность изучения зарубежной историографии заключается в возможности более глубокого понимания того, как внешний мир воспринимал и интерпретировал события и процессы, происходившие в Казахстане в различные исторические периоды. Эти исследования позволяют выявить разнообразие взглядов и подходов, которые зачастую отличаются от официальных советских интерпретаций, предоставляя альтернативные точки зрения на исторические события. В этом контексте работы казахстанских исследователей, анализировавших и критиковавших как зарубежные, так и отечественные труды, играют важную роль, способствуя формированию более комплексного и объективного понимания истории Казахстана.

При выделении хронологических этапов особое внимание следует уделить периоду с 1950-х годов, когда началась холодная война и идеологическое противостояние между Востоком и Западом усилилось. В этот период взаимная критика и противостояние в историографии стали более выраженными. Поэтому важно осторожно подходить к анализу этого времени, учитывая, что до этого периода отношения и восприятие между странами могли быть более нейтральными или даже позитивными. Такой подход позволит избежать однобокости и предоставить более сбалансированное представление о развитии исторической науки.

Рассмотрение проблемы изучения Казахстана в зарубежной историографии целесообразно предполагается разделить на три группы. Первая группа включает исследования советского периода (1950-е – 1980-е годы), характеризующиеся критикой западной историографии под влиянием идеологии. Вторая группа относится к постсоветскому периоду (1990-е годы), когда исследования стали более открытыми и объективными. Третья группа представляет современный этап (2000-е годы и далее), отражающий интеграцию в мировой научный контекст и развитие междисциплинарных подходов.

В первые десятилетия советской власти отечественные историки были сосредоточены на формировании марксистско-ленинской методологии и утверждении новой идеологической базы. Критика западной историографии в этот период была обусловлена стремлением противопоставить «буржуазным» теориям советскую научную парадигму.

В 1970-е годы работы И.И. Грошева и О.И. Чеченкиной «Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС» [6] отражали стремление советских историков опровергнуть западные интерпретации национальной политики партии. Они утверждали, что западные исследователи намеренно искажают факты, представляя национальную политику КПСС в негативном свете.

Критика западных интерпретаций культурной революции в Казахстане была важным направлением исследований. Н.К. Бегалиев в работе «Критика буржуазных интерпретаций культурной революции в СССР (на примере КазССР)» [7] акцентировал внимание на том, что западные авторы недооценивают значение культурных преобразований в республике. Г.С. Бейсембаева в своем труде «Культурная революция в Казахстане и несостоятельность ее буржуазных "критиков"» [8] стремилась опровергнуть западные оценки, подчеркивая достижения советской власти в культурной сфере.

В.И. Коршунов в работе «Некоторые проблемы истории социалистического строительства в Казахстане в современной англо-американской буржуазной историографии» [9] критиковал западные труды о социалистическом строительстве, утверждая, что они предвзято оценивают процессы индустриализации и коллективизации, игнорируя их позитивные аспекты.

Методологические аспекты критики западной науки были также важны для советских ученых. Б.А. Амантаев и Н.К. Бегалиев в работе «Критика методологических основ современного антикоммунизма» [10] подчеркивали необходимость разработки собственных методологических основ для эффективного опровержения западных концепций. Они утверждали, что критика должна базироваться на глубоком понимании методологии противника и использовании марксистско-ленинской теории.

Х.Ш. Иноятов в труде «Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане» [11] использовал методологический анализ первоисточников для опровержения западных интерпретаций. Он доказывал, что советская методология позволяет более объективно оценивать исторические события, чем западные подходы.

Д.К. Кшибеков в работе «Критика буржуазной фальсификации опыта строительства социализма в Казахстане» [12] предлагал методы детального анализа западных работ с целью выявления их методологических ошибок и идеологических предубеждений.

В конце советского периода, на фоне начавшихся реформ, исследователи стали проявлять больше интереса к диалогу с западными коллегами. П.В. Волобуев в статье «"Круглый стол" советских и американских историков. 9-11 января 1989 г.» [4] описывает опыт совместных дискуссий, подчеркивая необходимость обмена мнениями и критического осмысления различных подходов.

Г.Ф. Дахшлейгер в работе «Проблема присоединения Казахстана к России и современная буржуазная историография» [5] продолжал критиковать западные интерпретации истории присоединения Казахстана к России, но уже с учетом новых методологических подходов и смягчения идеологического давления. Также Есмагамбетов К.Л. 1972 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы истории Казахстана XIX-начала XX вв. в

англо-американской историографии» [13] которая была написана согласно марксистско-ленинской идеологии.

С распадом СССР и обретением независимости Казахстаном в 1991 году наступает новый этап в развитии отечественной историографии. Исследователи получают возможность свободно изучать и анализировать зарубежные работы без идеологических ограничений.

К.Л. Есмагамбетов в своем труде «Что писали о нас на Западе» [14] проводит глубокий анализ западных исследований, отмечая их ценность для понимания внешнего взгляда на историю Казахстана. Он подчеркивает необходимость критического, но непредвзятого осмысления этих работ, указывая на возможность обогащения отечественной историографии новыми подходами.

Б.М. Сужиков в работе «Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центральноазиатских исследованиях» [16] исследует западные подходы к изучению этнических процессов, указывая на их влияние на формирование национальной идентичности в Казахстане. Он отмечает, что западные исследования могут быть полезны при условии их адаптации к локальному контексту и учета специфики региона.

В начале XXI века казахстанские исследователи продолжают развивать национальную историографию, активно взаимодействуя с международным научным сообществом и применяя междисциплинарные подходы.

М.Т. Лаумулин в работе «История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике» [15] анализирует западную ориенталистику, подчеркивая ее роль в изучении региона. Он отмечает, что интеграция западных методологий может обогатить отечественную науку и способствовать более глубокому пониманию исторических процессов, а также стимулировать развитие новых исследовательских направлений.

Г.Б. Бырбаева в труде «Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии» [17] обращает внимание на то, что западные исследования часто рассматривают регион через призму геополитических интересов. Она призывает к критическому осмыслению этих работ и использованию их для развития новых теоретических подходов, способных учесть сложность и многогранность исторических процессов в Центральной Азии.

Р.Б. Абдуллин в своей диссертации «Западная школа среднеазиеведения: организационные основы, исследовательская база и историографические направления (1917-1991)» [18] исследует институциональные основы западных исследований Центральной Азии. Его работа подчеркивает важность понимания организационных и методологических особенностей западной науки для эффективной интеграции ее достижений в отечественную историографию.

К.Р. Несипбаева в статье «Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII – нач. XX вв.)» [19] анализирует современные западные подходы к изучению

колонизации региона, подчеркивая необходимость критического восприятия и адаптации этих концепций к казахстанскому контексту.

Р.М. Таштемханова в диссертации «История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XIX в. – 1991 г.)» [20] исследует немецкую традицию изучения Казахстана, отмечая ее значительный вклад и особенности. Она подчеркивает, что понимание зарубежных научных традиций способствует более полному и объективному осмыслению истории Казахстана.

С.И. Ковальская в своей монографии «Судьбы модернизации Казахстана в англоязычной историографии» [21] анализирует актуальные проблемы истории модернизации Казахстана в англоязычной литературе. Изучая взгляды западных авторов по различным аспектам модернизации, она подчеркивает, что это не только дополняет наше представление об историческом процессе, но и углубляет понимание качественных характеристик реформ и их преобразовательных возможностей, которые иногда нарушают исторические традиции. Работа Ковальской рассчитана на специалистов, преподавателей и студентов, интересующихся историей Казахстана, и способствует расширению знаний в этой области.

З.Д. Шаймарданова в статье «Современные методологические подходы французской историографии по изучению истории Казахстана» [22] описывает процессы, происходящие во французской исторической науке в области изучения Центральной Азии и Казахстана. Она анализирует теоретико-методологические подходы французских исследователей, отмечая отказ от стереотипных шаблонов советского периода и переход к системному и междисциплинарному изучению истории региона. Шаймарданова подчеркивает, что современные французские подходы способствуют более глубокому и объективному осмыслению исторических процессов в Казахстане.

Рассмотренные исследования позволяют сделать важные выводы о значении отечественных исследований зарубежной историографии Казахстана. В ходе анализа трудов казахстанских ученых, занимающихся критикой и изучением западных работ, становится очевидным, что эти исследования сыграли ключевую роль в формировании национальной историографической традиции. Советские и постсоветские историки не только подвергали критике западные концепции, но и разрабатывали собственные методологические подходы, позволяющие более объективно и глубоко осмысливать исторические процессы в Центральной Азии.

Советская историография, несмотря на идеологические ограничения, заложила фундамент для развития казахстанской науки. Работы этого периода помогли сформировать критическое отношение к источникам и необходимость разработки собственных методологических инструментов. Они способствовали укреплению национального самосознания и пониманию уникальности исторического пути Казахстана.

В современный период казахстанские ученые продолжают развивать эти традиции, расширяя их за счет интеграции международного опыта и междисциплинарных методов. Они подчеркивают важность критического анализа зарубежных исследований, учитывая их контекст и методологические основы. Такой подход позволяет не только обогащать отечественную науку новыми идеями и концепциями, но и вносить значимый вклад в развитие мировой историографии.

Дальнейшее изучение зарубежной историографии Казахстана связано с необходимостью расширения междисциплинарного подхода и усиления международного сотрудничества. Такой подход позволит более полно осмыслить влияние западных исследований на восприятие истории и культуры Казахстана, а также выявить новые аспекты взаимодействия между различными научными традициями. Активное участие казахстанских ученых в глобальных научных дискуссиях будет способствовать повышению престижа национальной науки и укреплению ее позиций на международной арене.

В этом контексте важно не только продолжать критическое осмысление западных трудов, но и активно взаимодействовать с зарубежными коллегами, участвуя в совместных проектах и конференциях. Это позволит обмениваться опытом, развивать новые методологические подходы и обеспечивать динамичное развитие казахстанской историографии.

Целью данной работы является изучение истории культуры Казахстана советского периода в зарубежной историографии второй половины XX-го - начала XXI-го веков. Исследование направлено на то, чтобы дать детальное представление о том, как культура Казахстана, как неотъемлемая часть его истории, изображалась, интерпретировалась и понималась в зарубежной академической сфере.

Для достижения этой цели в исследовании ставятся следующие задачи:

1. Рассмотреть эволюцию институциональных подходов к изучению культуры Казахстана советского периода в зарубежной историографии второй половины XX - начала XXI веков.
2. Исследовать эволюцию подходов зарубежной историографии к изучению культуры Казахстана советского периода с учетом влияния идеологических факторов и геополитического контекста второй половины XX - начала XXI веков.
3. Проанализировать и систематизировать взгляды зарубежных историков второй половины XX - начала XXI веков на трансформацию культуры Казахстана в контексте советского влияния.
4. Охарактеризовать интерпретацию зарубежными исследователями второй половины XX - начала XXI веков роли ислама в сохранении культурной идентичности казахского народа в условиях советского режима.
5. Проанализировать интерпретации зарубежными исследователями советской языковой политики в Казахстане, включая кампанию по ликвидации

неграмотности, реформу алфавита, русификацию казахского языка и политику двуязычия, а также их влияние на формирование национальной идентичности казахского народа.

6. Провести анализ интерпретации зарубежными исследователями конца XX - начала XXI веков культурных процессов в Казахстане от советизации к независимости, уделяя особое внимание трансформации национальной идентичности, роли культурных элит и переосмыслению советского наследия.

7. Попытаться раскрыть эволюцию восприятия и оценки казахстанского кинематографа советского периода в зарубежной историографии конца XX - начала XXI веков.

Объектом нашего исследования являются – труды зарубежных авторов второй половины XX-го - начала XXI-го веков, посвященных истории советской культуры Казахстана.

Предмет исследования – интерпретация истории культуры Казахстана советского периода в исследованиях зарубежной историографии со второй половины XX-го - начала XXI-го веков.

Источниковая база диссертации В процессе исследования истории культуры Казахстана советского периода в зарубежной историографии второй половины XX – начала XXI веков, ключевым аспектом является анализ источниковой базы, которая охватывает значительное количество работ, выполненных специалистами в области центральноазиатологии и советологии. Для систематизации и углубленного анализа мы разделили источники на три основные группы, каждая из которых отражает определенный этап развития зарубежной историографии, связанной с культурой Казахстана в советский период.

Первая группа включает труды классиков зарубежного центральноазиатологии, которые заложили фундамент для последующих исследований региона. Эти авторы, такие как Эдвард Олуорт, Александр Беннигсен, Элен Каррер-д'Анкос и другие, своим глубоким пониманием культурных и политических процессов в Центральной Азии внесли существенный вклад в изучение советского Казахстана.

Вторая группа охватывает работы среднего поколения специалистов, которые посвятили свою жизнь изучению региона и стали признанными авторитетами по советскому периоду. Исследователи, такие как Мари Беннигсен-Броксап, Марта Брилл Олкотт, Шанталь Лемерсье-Келькеже и другие, развили и углубили знания о Казахстане, фокусируясь на сложных процессах национальной идентичности, исламизации и социально-политических изменениях в советский период.

Третья группа включает труды новой генерации авторов, работы которых уже получили широкий резонанс в научном сообществе. Современные исследователи, такие как Уильям Фиерман, Диана Кудайбергенова, Харун Йилмаз, Адиб Халид и другие, продолжают традиции своих предшественников, но при этом вводят новые методологические

подходы и темы, связанные с постсоветскими трансформациями и изменениями в области культурной и национальной идентичности.

Классики зарубежного центральноазиатедения внесли неоценимый вклад в понимание сложных процессов, которые происходили в Центральной Азии, в том числе в Казахстане, в период советского правления. Их работы охватывают широкий спектр тем, от политических и социальных трансформаций до культурных и религиозных аспектов, оказывая значительное влияние на развитие историографии региона и служа основой для последующих исследований.

Эдвард Олуорт (Edward A. Allworth), американский историк и один из пионеров в изучении Центральной Азии, посвятил свою научную деятельность исследованию национальных движений и культурных изменений в регионе. В работе “Central Asian Publishing and the Rise of Nationalism (Издательское дело в Центральной Азии и рост национализма)” [23] Олуорт углубляется в исследование механизмов издательской деятельности в Центральной Азии, рассматривая, как книги и периодические издания способствовали распространению идей национализма и сопротивления в среде интеллигенции и широкой общественности. Его фундаментальный труд “Central Asia: A Century of Russian Rule (Центральная Азия: столетие российского господства)” [24] представляет собой комплексный анализ столетнего периода российского правления в Центральной Азии, охватывающий как дореволюционный, так и советский периоды. В этой книге автор прослеживает трансформацию политических, социальных и культурных структур под влиянием российской и советской колониальной политики. Олуорт также изучает модернизацию и изменения в социальной структуре, вызванные влиянием русской культуры, что имело глубокие последствия для таких республик, как Казахстан. В своей работе “The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present (Современные узбеки: с четырнадцатого века по настоящее время)” [25] он исследует историческую эволюцию узбеков, уделяя особое внимание влиянию советской власти на национальное самосознание и культурное наследие. Эта работа является важным вкладом в понимание того, как национальная идентичность сохранялась и трансформировалась под влиянием внешних факторов, что также применимо и к казахскому народу.

Александр Беннигсен (Alexandre Bennigsen), выдающийся французский историк и один из ведущих специалистов по истории ислама в Советском Союзе, сосредоточил свои исследования на роли ислама в советской политике и его влиянии на мусульманские сообщества Центральной Азии. Его работа “Islam in the Soviet Union (Ислам в Советском Союзе)” [26] представляет собой одно из первых крупных исследований, посвященных анализу положения мусульман в Советском Союзе. Беннигсен рассматривает ислам как важный элемент национальной идентичности и культуры, который, несмотря на репрессии и антирелигиозную политику советского государства, продолжал играть значительную роль в жизни мусульманских народов региона. Он

утверждает, что ислам не только сохранил свою культурную значимость, но и стал формой пассивного сопротивления советской ассимиляционной политике. В книге “Muslim National Communism in the Soviet Union (Мусульманский национал-коммунизм в Советском Союзе)” [27], написанной в соавторстве с С. Эндерсом Уимбушем, Беннигсен исследует феномен мусульманского национального коммунизма, который возник в Центральной Азии в начале советского периода. Авторы анализируют, как идеи коммунизма и национализма взаимодействовали в мусульманской среде, создавая уникальные политические и культурные движения, которые пытались найти компромисс между традиционной исламской культурой и идеологиями, навязанными советской властью. Эта работа подчеркивает сложность и многослойность культурных и политических процессов в регионе, что актуально и для Казахстана, где ислам также играл важную роль в национальной идентичности. В своей последней крупной работе “The Islamic Threat to the Soviet State (Исламская угроза Советскому государству)” [28], написанной в соавторстве с дочерью, Беннигсен анализирует потенциал ислама как политической силы, способной дестабилизировать Советский Союз. Авторы утверждают, что исламские движения в Центральной Азии могут стать серьезной угрозой для советского государства, что частично подтвердилось в постсоветский период, когда религия вновь заняла центральное место в общественной жизни региона.

Элен Каррер-д'Анкос (Hélène Carrère d'Encausse), французский политолог и историк, сосредоточила свои исследования на анализе национальных движений в Советском Союзе и их роли в распаде империи. В своей работе “Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt (Закат империи: Советские социалистические Республики в состоянии восстания)” [29] она предсказывает распад Советского Союза, акцентируя внимание на демографических и культурных факторах, которые, по ее мнению, играли ключевую роль в дестабилизации советской власти. Каррер-д'Анкос утверждает, что национальные республики, включая Казахстан, были подвержены сильному давлению со стороны центра, что привело к росту национального самосознания и, в конечном итоге, к стремлению к независимости. Ее работы, такие как “Lenin: Revolution and Power (Ленин: революция и власть)” [30] и “Stalin: Order through Terror (Сталин: Порядок через террор)” [31], предлагают глубокий анализ политической системы Советского Союза и роли террора в поддержании власти. Эти исследования подчеркивают, как политические репрессии и насилие использовались для подавления национальных движений, что особенно актуально для понимания истории Казахстана в советский период, когда республики сталкивались с политическим и культурным давлением.

Джордж Конквест (George Conquest), один из самых известных западных историков, исследовавших массовые репрессии и голод в Советском Союзе, внес значительный вклад в документирование трагических аспектов советской истории. Его книга “The Great Terror (Великий террор)” [32] стала одним из

первых детальных исследований сталинских чисток, в которых погибли миллионы людей. Конквест анализирует механизмы террора, рассматривая его как средство подавления политической оппозиции и контроля над населением. Эта работа оказала огромное влияние на западное восприятие советской системы и раскрыла жесткость сталинского режима, который также отразился и на казахском народе. В своей книге “The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine (Жатва скорби: советская коллективизация и террор-ашаршылык)” [33] Конквест рассматривает коллективизацию и вызванный ею ашаршылык как один из самых трагических эпизодов в истории Советского Союза. Он подчеркивает, что эти события имели не только политические, но и глубокие культурные последствия, затронувшие традиционный уклад жизни народов Центральной Азии, включая Казахстан.

Кемаль Карпат (Kemal Karpat), американский историк турецкого происхождения, посвятил свои исследования вопросам политической и социальной трансформации в Турции и Центральной Азии. В своей книге “The Politicization of Islam (Политизация ислама)” [34] он анализирует процессы политизации ислама и их влияние на социальные изменения в регионе. Карпат утверждает, что ислам играл важную роль в формировании национальной идентичности в Центральной Азии, что стало особенно заметно в постсоветский период. Его работа “Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System (Политика Турции: Переход к многопартийной системе)” [35] представляет собой исследование политических изменений в Турции, но также имеет значение для понимания процессов демократизации и модернизации в Центральной Азии, где Казахстан, как и другие республики, сталкивался с вызовами, связанными с переходом к многопартийной системе.

Джеффри Уилер (Geoffrey Wheeler), британский историк, специализировавшийся на изучении Центральной Азии, в своих работах уделял особое внимание взаимодействию ислама и советской власти. В книге “The Modern History of Soviet Central Asia (Современная история советской Центральной Азии)” [36] он анализирует историю региона с середины XIX века до советского периода, рассматривая, как российская и советская колониальная политика повлияли на культурные и социальные структуры народов Центральной Азии, включая Казахстан. Уилер утверждает, что советская власть, несмотря на свои усилия по ассимиляции, не смогла полностью подавить ислам как культурное и религиозное явление, что способствовало сохранению национальных традиций и идентичности. В работе “Russia and Islam: New Trends in Soviet Policy (Россия и ислам: новые тенденции в советской политике)” [37] он рассматривает политику Советского Союза в отношении ислама, подчеркивая, что, несмотря на официальные декларации о светскости, ислам продолжал играть важную роль в жизни мусульманских народов, в том числе казахов.

Мустафа Шокай (Mustafa Shokay), казахский политический деятель и мыслитель, внёсший огромный вклад в национальное движение в

Центральной Азии, в своих работах критиковал советскую политику и отстаивал идею независимости Туркестана. В книге “*Chez les Soviétés en Asie Centrale. Response aux communistes francais (У советских людей в Средней Азии. Ответ французским коммунистам)*” [38] он анализирует советскую политику в регионе, рассматривая её как продолжение колониальной экспансии России. М. Шокай подчеркивает, что советская власть, хотя и провозглашала идеи равенства и братства народов, на самом деле продолжала политику угнетения и ассимиляции, что привело к утрате национальной идентичности и культурных традиций. Его работы являются важным источником для понимания того, как советская политика воспринималась и критиковалась казахскими интеллектуалами и лидерами национального движения. И все же можно согласиться с мнением Лаумулина М.Т. о том, что М. Шокай по праву считается «одним из основателей теории «советского колониализма», которая было популярна на Западе, но и сейчас продолжает иметь своих сторонников [15, 70].

Труды классиков зарубежного центральноазиатедения предлагают комплексное и многоаспектное понимание истории и культуры Центральной Азии, в том числе Казахстана, в советский период. Эти работы заложили фундамент для последующих исследований и продолжают оказывать значительное влияние на современную историографию региона. Их вклад заключается не только в документировании и анализе исторических событий, но и в раскрытии глубоких культурных и социальных процессов, которые формировали современную Центральную Азию.

Среднее поколение специалистов, изучающих Центральную Азию и Советский Союз, представлено такими выдающимися учеными, как Мари Беннигсен-Броксап, Пол Хензе, Шанталь Лемерсье-Келькеже, Марта Брилл Олкотт, Тереза Раковска-Хармстоун и Майкл Ривкин. Эти исследователи, каждый по-своему, внесли значительный вклад в понимание политических, культурных и религиозных процессов, происходивших в Центральной Азии, в том числе и в Казахстане, в советский и постсоветский периоды. Их работы характеризуются глубоким анализом и широтой охвата, что позволило сформировать основу для дальнейших исследований региона.

Мари Беннигсен-Броксап (Marie Bennigsen-Brochup) продолжила дело своего отца, Александра Беннигсена, став одной из ведущих исследовательниц ислама и национализма в Советском Союзе. В своей работе “*The Islamic Threat to the Soviet State (Исламская угроза Советскому государству)*” [28], написанной в соавторстве с отцом, она исследует угрозу, которую ислам представлял для советского государства. Беннигсен-Броксап акцентировала внимание на том, что ислам, несмотря на жесткие репрессии, сохранял свою значимость как культурный и политический феномен в Центральной Азии, включая Казахстан. Она утверждала, что исламские движения могли стать источником дестабилизации советской власти, что частично подтвердилось в постсоветский период, когда религиозные и национальные движения играли ключевую роль в формировании независимых государств. В своей работе “*The*

North Caucasus Barrier (Северокавказский барьер)” [39] она подробно анализирует ситуацию на Северном Кавказе, которая была тесно связана с исламскими и национальными движениями. Эта книга также важна для понимания процессов, происходивших в Центральной Азии, поскольку многие аспекты политической и религиозной борьбы на Кавказе были схожи с теми, что наблюдались в Казахстане и других республиках региона.

Пол Хензе (Paul Henze), американский исследователь и бывший сотрудник ЦРУ, внес значительный вклад в изучение этнической и религиозной политики Советского Союза. Его работа “The Plot to Kill the Pope (Заговор с целью убийства папы Римского)” [40], хотя и фокусируется на инциденте с покушением на Папу Иоанна Павла II, раскрывает механизмы советской дезинформации и пропаганды, которые использовались для управления восприятием религии и этничности в Советском Союзе и за его пределами. Хензе был также активным участником разработки стратегии поддержки национальных движений в Центральной Азии, видя в них способ ослабления советского влияния. Его исследования оказывали значительное влияние на западные подходы к изучению и пониманию этнических и религиозных вопросов в Советском Союзе. В своей работе “Layers of Time: A History of Ethiopia (Слои времени: История Эфиопии)” [41] он исследует сложные исторические процессы в Эфиопии, что, хотя и не напрямую связано с Центральной Азией, показывает его подход к анализу многонациональных и многоконфессиональных государств, что также актуально для Казахстана.

Шанталь Лемерсье-Келькеже (Chantal Lemercier-Quelquejay), французский историк и социолог, сосредоточила свои исследования на роли ислама в Советском Союзе и на взаимоотношениях между религией и государством. Ее работа “Islam in the Soviet Union (Ислам в Советском Союзе)” [26], написанная в соавторстве с Александром Беннигсеном, стала одной из первых серьезных попыток осмыслить ислам как важный элемент советской политики и культуры. Лемерсье-Келькеже и Беннигсен утверждали, что, несмотря на репрессии, ислам сохранял свою значимость в жизни мусульманских народов Советского Союза, особенно в Центральной Азии, где религия играла важную роль в формировании национальной идентичности. В своей книге “Le Soufi et le Commissaire (Суфий и комиссары)” [42] она исследует взаимодействие суфийских орденов и советской власти, показывая, как религиозные лидеры адаптировались к новым условиям и сохраняли свою значимость в обществе, несмотря на репрессии. Эти исследования имеют большое значение для понимания культурной и религиозной жизни в Казахстане, где ислам также играл ключевую роль в формировании национальной идентичности.

Марта Брилл Олкотт (Martha Brill Olcott), американский политолог и эксперт по Центральной Азии, является одной из ведущих исследователей региона. В своей работе «The Kazakhs» («Казахи») [43] она подробно исследует историю и культуру казахского народа, уделяя особое внимание вопросам национальной идентичности и роли ислама в жизни общества. Эта

книга была частью большого проекта, посвященного изучению национальностей Советского Союза (Nationality Studies), который включал более десяти книг о различных народах, таких как крымские татары, волжские татары, узбеки, молдаване и эстонцы. Проект финансировался Госдепартаментом США и был направлен на глубокое изучение национальных вопросов в СССР. Однако с распадом Советского Союза проект был возобновлен с акцентом на постсоветские трансформации. В своей другой работе «Kazakhstan: Unfulfilled Promise» («Казахстан: Невыполненное обещание») [44] Олкотт анализирует политические и экономические проблемы, с которыми столкнулся Казахстан после обретения независимости. Она рассматривает вызовы, связанные с переходом к рыночной экономике и многопартийной системе, а также вопросы национальной идентичности и этнических отношений. Олкотт подчеркивает, что, несмотря на значительные природные ресурсы и экономический потенциал, страна столкнулась с многочисленными трудностями в период становления независимости. Эти работы являются важными источниками для понимания современного Казахстана и его места в Центральной Азии. Они предоставляют глубокий анализ исторических и современных процессов, происходящих в стране, и помогают осмыслить сложность трансформаций, с которыми столкнулось казахстанское общество в постсоветский период.

Тереза Раковска-Хармстоун (Teresa Rakowska-Harmstone), польско-канадский политолог, специализировавшаяся на политике Советского Союза и Восточной Европы, также внесла значительный вклад в изучение Центральной Азии. В своей книге «Communism in Eastern Europe (Коммунизм в Восточной Европе)» [45] она рассматривает особенности коммунистических режимов в Восточной Европе и их влияние на общественные и политические процессы. Хотя книга сосредоточена на Восточной Европе, многие выводы и методы анализа могут быть применены к Центральной Азии, где коммунистические режимы также пытались контролировать и формировать общественную жизнь. В своей работе «Russia and Nationalism in Central Asia (Россия и национализм в Центральной Азии)» [46] Раковска-Хармстоун фокусируется на взаимодействии между советской властью и национальными движениями в Центральной Азии. Она рассматривает, как национализм в регионе развивался под влиянием советской политики, и как эти процессы формировали политическую и культурную идентичность народов, включая казахов. Эти исследования важны для понимания того, как национальные движения в Центральной Азии реагировали на советскую власть и как они повлияли на формирование независимых государств после распада Советского Союза.

Майкл Ривкин (Michael Rywkin), американский историк и политолог, внес значительный вклад в изучение Центральной Азии и мусульманских общин в Советском Союзе. В своей работе «Moscow's Muslim Challenge (Мусульманский вызов Москвы)» [47] он исследует вызовы, с которыми столкнулась Москва в попытках контролировать мусульманские общины в Советском Союзе. Ривкин анализирует, как исламские движения и

национальные идентичности сохранились и развивались в условиях советской репрессии, и как эти процессы повлияли на стабильность Советского Союза. В своей другой работе “Russia in Central Asia (Россия в Центральной Азии)” [48] он рассматривает историю российской и советской колонизации Центральной Азии, анализируя, как эти процессы повлияли на социальные, политические и культурные структуры региона. Ривкин подчеркивает, что, несмотря на все усилия Москвы по ассимиляции и контролю, Центральная Азия сохраняла свою уникальную идентичность, что в конечном итоге сыграло ключевую роль в формировании независимых государств после распада Советского Союза.

Эти исследователи среднего поколения заложили важные основы для изучения Центральной Азии и Советского Союза, предложив новые подходы и методы анализа. Их работы отличаются глубоким пониманием культурных, политических и религиозных процессов, происходивших в регионе, и оказывают значительное влияние на современную историографию Центральной Азии. Они продолжили и развили идеи, заложенные предыдущим поколением ученых, и создали новую основу для исследований, которая остается актуальной и сегодня.

После обретения независимости Казахстана в научном сообществе появилась новая генерация исследователей, которые предлагают свежие перспективы и подходы к изучению культурных, политических и социальных процессов в постсоветский период. К этим ученым относятся Диана Кудайбергенова, Харун Йылмаз, Рико Айзекс и другие.

Диана Кудайбергенова — социолог и политолог, чьи работы фокусируются на вопросах национальной идентичности, социальной стратификации и трансформации власти в Казахстане и Центральной Азии. В своих исследованиях она анализирует процессы формирования элит и роль культурных практик в политике.

Харун Йылмаз — историк, специализирующийся на национализме и исторической памяти в постсоветских государствах. Его работы рассматривают влияние исторических нарративов на современную политическую культуру Казахстана и региона в целом.

Рико Айзекс — политолог, изучающий авторитаризм, политические партии и электоральную политику в Центральной Азии. Его исследования предоставляют глубокий анализ политических институтов и процессов в Казахстане, раскрывая механизмы функционирования власти.

Их работы отражают современные тенденции в исследовании региона, уделяя особое внимание вопросам национальной идентичности, языковой политики, медиа и визуальной культуры. Важно отметить, что среди них есть представители различных дисциплин — истории, политологии, социологии и культурологии, что способствует междисциплинарному подходу к изучению Казахстана и Центральной Азии. Это разнообразие специализаций обогащает научный дискурс и позволяет более полно охватить сложные процессы, происходящие в регионе в постсоветский период.

Уильям Фиерман (William Fierman), американский исследователь, специализирующийся на языковой политике и образовании в Центральной Азии, в своей работе “Language and Education in Post-Soviet Kazakhstan (Язык и образование в постсоветском Казахстане)” [49] анализирует изменения в языковой политике Казахстана после распада Советского Союза. Он рассматривает, как язык становится ключевым элементом национальной идентичности и государственной политики в независимом Казахстане. Фиерман акцентирует внимание на сложностях внедрения казахского языка как основного средства обучения и на влиянии этих изменений на этнические и культурные процессы в стране. В своей другой работе “Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia (Идентичность, символика и языковая политика в Центральной Азии)” [50] он расширяет этот анализ, исследуя символическое значение языка и его роль в формировании политической идентичности в постсоветских государствах Центральной Азии. Фиерман подчеркивает, что языковая политика становится важным инструментом в борьбе за культурное наследие и национальную идентичность, что особенно актуально для Казахстана, где вопросы языка играют ключевую роль в политической и социальной жизни.

Диана Кудайбергенова (Diana Kudaibergenova), казахстанский социолог и политолог, исследует процессы формирования национальной идентичности и культурной трансформации в постсоветском Казахстане. В своей работе “National Identity Formation in Post-Soviet Central Asia (Формирование национальной идентичности в постсоветской Центральной Азии)” [51] она анализирует, как в условиях независимости формируется новая казахстанская идентичность, основывающаяся на переосмыслении истории, культуры и национальных символов. Кудайбергенова подчеркивает, что этот процесс включает в себя сложные взаимодействия между различными этническими и культурными группами, что создает уникальную и многослойную национальную идентичность. В книге “Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature (Переосмысление нации в современной казахской литературе)” [52] она исследует, как литература становится важным инструментом в формировании и переосмыслении национальной идентичности. Кудайбергенова показывает, как современные казахские авторы обращаются к истории и традициям, чтобы создать новые нарративы, отражающие изменения в обществе и политике Казахстана. Эти работы важны для понимания того, как культура и литература способствуют созданию нового национального самосознания в постсоветском Казахстане.

Харун Йилмаз (Harun Yilmaz), британский историк, специализирующийся на истории Центральной Азии, уделяет особое внимание советской политике и ее влиянию на формирование национальных идентичностей. В своей работе “The Soviet Construction of Kazakh Batyrs (Советское строительство казахских батыров)” [53] он исследует, как советская власть использовала исторические образы и фигуры, такие как батыры, для создания новых национальных героев и формирования казахской

идентичности в рамках советского государства. Йилмаз показывает, что эти попытки интеграции национальной истории в советскую идеологию были сложными и неоднозначными, отражая как стремление к сохранению национальной культуры, так и необходимость соответствовать требованиям советской пропаганды. Эта работа подчеркивает, что процессы национального строительства в Казахстане в советский период были не просто механическим внедрением идеологии, но включали сложные взаимодействия между культурными, политическими и историческими элементами.

Адиб Халид (Adeeb Khalid), американский историк и политолог, сосредотачивает свои исследования на истории ислама и культурных трансформациях в Центральной Азии в советский и постсоветский периоды. В своей книге “The Politics of Muslim Cultural Reform (Политика мусульманской культурной реформы)” [54] он анализирует движение джадидов в Центральной Азии, которое стремилось к реформированию исламской культуры и образованию в условиях российского и советского правления. Халид подчеркивает, что это движение стало важным элементом в формировании современной национальной идентичности в регионе. В своей работе “Islam after Communism (Ислам после коммунизма)” [55] он рассматривает, как исламские общины Центральной Азии адаптировались к новым условиям после распада Советского Союза, анализируя роль ислама в политической и социальной жизни постсоветских государств, включая Казахстан. Халид показывает, что ислам в Центральной Азии переживает сложный процесс реинтеграции в общественную жизнь, сталкиваясь с новыми вызовами и возможностями в условиях независимости. Его работы являются важными для понимания того, как религия и культура продолжают играть ключевую роль в формировании национальной идентичности в постсоветский период.

Рико Айзекс (Rico Isaacs), британский политолог, исследующий процессы политической и культурной трансформации в Центральной Азии, в своих работах акцентирует внимание на визуальной культуре и политических институтах. В книге “Film and Identity in Kazakhstan (Кино и идентичность в Казахстане)” [56] он исследует, как казахстанское кино становится инструментом формирования и выражения национальной идентичности. Айзекс анализирует, как фильмы отражают изменения в обществе и политике, а также как они способствуют созданию новых образов и нарративов, которые поддерживают государственную идеологию и укрепляют национальное самосознание. В своей работе “Party System Formation in Kazakhstan (Формирование партийной системы в Казахстане)” [57] он исследует процессы формирования партийной системы в независимом Казахстане, анализируя, как политические институты и элиты влияют на развитие демократии и политической конкуренции в стране. Айзекс подчеркивает, что политическая система Казахстана характеризуется сильной концентрацией власти и ограниченной политической конкуренцией, что оказывает значительное влияние на процессы демократизации и политического развития.

Эти работы важны для понимания того, как визуальная культура и политические институты взаимодействуют в процессе формирования национальной идентичности и политической культуры в Казахстане.

Питер Роллберг (Peter Rollberg), американский исследователь, специализирующийся на истории кино и медиа в Советском Союзе и постсоветском пространстве, в своей работе “Historical Dictionary of Russian and Soviet Cinema (Исторический словарь русского и советского кинематографа)” [58] предлагает обширный обзор истории кино в России и Советском Союзе, включая Центральную Азию. Роллберг показывает, как кино стало важным инструментом советской пропаганды и культурного влияния, и как оно продолжает играть важную роль в формировании национальной идентичности в постсоветский период. В своей другой работе “The Media Landscape in Central Asia (Медиа-ландшафт в Центральной Азии)” [59], написанной в соавторстве с Марлен Ларюэль, он исследует современные медиа в Центральной Азии, анализируя их роль в политической и социальной жизни региона. Роллберг подчеркивает, что медиа в Центральной Азии продолжают быть важным инструментом государственного контроля, но также становятся платформой для выражения альтернативных мнений и культурных практик. Эти исследования важны для понимания того, как медиа и визуальная культура влияют на процессы политического и культурного развития в постсоветском Казахстане и Центральной Азии в целом.

Шейла Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick), австралийский историк, специализирующийся на истории Советского Союза и сталинской эпохи, также внесла значительный вклад в изучение культурных и социальных процессов в постсоветском Казахстане. В своей работе она сосредоточилась на социальных аспектах жизни в СССР, предлагая «историю снизу» и критически переосмысливая концепцию тоталитаризма. В своих ключевых трудах, таких как “Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s (Повседневный сталинизм: обычная жизнь в необычные времена: Советская Россия в 1930-е годы)” [60], “Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization (Сталинские крестьяне: сопротивление и выживание в российской деревне после коллективизации)” [61] она исследует, как сталинизм формировал повседневную жизнь и социальные структуры в Советском Союзе. Эти работы подчеркивают важность изучения социальной истории для понимания механизма функционирования советского режима.

Фицпатрик активно исследовала тему социальной мобильности в Советском Союзе, показывая, как сталинизм позволил рабочему классу подняться и занять позиции в новой элите, что легитимизировало режим. Она утверждает, что сталинизм, несмотря на свою жестокость, поддерживал определённый консенсус между государством и обществом в 1930-е годы. В своей книге “Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia (Сорвите маски! Идентичность и самозванство в России двадцатого века)” [62] Фицпатрик также исследует вопросы идентичности и социальной

мобильности, раскрывая сложные процессы, происходившие в советском обществе.

Фицпатрик рассматривает историю Советского Союза не только через призму политической власти, но и через анализ социальных и культурных изменений, происходивших в обществе. Этот подход помогает глубже понять процессы, которые продолжают влиять на политическую и культурную жизнь в постсоветских государствах, включая Казахстан.

Эти работы вносят значительный вклад в понимание сложных процессов, происходящих в регионе в постсоветский период. Их работы охватывают широкий спектр тем, от языковой политики и национальной идентичности до визуальной культуры и политических институтов, предлагая новые подходы и перспективы, которые позволяют глубже понять динамику культурных, социальных и политических изменений в Казахстане и других республиках Центральной Азии.

В основе источниковой базы нашего исследования лежит богатый массив электронных ресурсов и баз данных, значительно расширивших горизонты научного поиска. Именно цифровые коллекции открыли нам доступ к уникальным материалам – от академических публикаций до исторических документов первостепенной важности.

Фундаментальными платформами в нашей работе стали JSTOR и ProQuest. Их обширные цифровые архивы позволили нам погрузиться в глубины академической мысли о советском Казахстане, открывая доступ к редким статьям, диссертациям и первоисточникам, проливающим свет на тончайшие нюансы развития казахского национального самосознания в советскую эпоху.

Особую ценность представили цифровые коллекции Библиотеки Конгресса и Europeana, предоставившие нам бесценные визуальные и документальные свидетельства эпохи – исторические фотографии, карты и документы, которые помогли воссоздать живую картину культурных процессов того времени.

NathiTrust и Европейская библиотека открыли доступ к редким текстам и документам, которые иначе остались бы недоступными для исследования. Google Scholar служил надежным проводником в мире междисциплинарных исследований, позволяя обнаруживать неожиданные связи и параллели в работах из различных научных областей.

DBria и электронный каталог РГБ обогатили наше исследование региональной перспективой, предоставив доступ к местной научной литературе и уникальным источникам, что позволило существенно укрепить аргументационную базу работы.

WorldCat, Academic Search Premier и Project MUSE помогли нам оставаться в курсе новейших исследований по истории советского Казахстана и теории национализма, обеспечивая всесторонний охват современной научной мысли.

Теоретико-методологические основы исследования. В основу нашего исследования легли фундаментальные принципы историзма, научности и объективности. Это позволило нам создать надежный методологический фундамент для анализа культурных трансформаций, происходивших в Казахстане на протяжении XX века. Мы намеренно соединили классические исторические методы с современными междисциплинарными подходами, что придало исследованию особую глубину и многогранность.

Работа с англоязычными источниками потребовала применения методов лингвистического анализа и межкультурной коммуникации. Мы использовали как сплошную, так и выборочную обработку информации, тщательно классифицировали материалы, проводили сравнительный анализ. Герменевтический подход помог нам глубже проникнуть в контекст исследуемых работ и точнее понять позицию каждого автора.

Для достижения максимальной объективности мы применили строгие процедуры внешней и внутренней критики источников. Каждый текст прошел многоступенчатый анализ: мы исследовали историю его создания, осуществляли тщательный перевод и интерпретацию, анализировали систему ссылок и библиографию. Такой комплексный подход позволил нам минимизировать возможные искажения при работе с материалом.

В исследовании применяется метод компаративистики, что позволяет провести сравнительный анализ точек зрения казахстанских, российских и евро-американских исследователей по ключевым вопросам трансформации казахской культуры в XX столетии. Включение историко-философского подхода в методологию дает возможность рассмотреть изучаемые процессы в широком историческом и философском контексте, что углубляет понимание культурных явлений и тенденций.

Междисциплинарный характер исследования обеспечивается за счет сочетания исторических методов с методами лингвистики и межкультурной коммуникации. Это позволяет учесть различные аспекты изучаемой темы и предоставить более целостную картину культурных процессов, происходивших в Казахстане в указанный период.

Исследование опирается на историко-философский подход, который позволяет рассматривать культурные процессы в Казахстане через призму историософских исследований западных авторов. Такой подход способствует конструированию упорядоченной и структурированной исторической реальности, где разрозненные факты складываются в единую картину культурного развития региона. Это позволяет преодолеть узкоэтнический и изолированный подход к истории, подчеркивая значимость общечеловеческих ценностей и единства исторического процесса.

Одним из теоретических источников для исследования стали труды Питера Берка. В своей книге “What is Cultural History? (Что такое История культуры?)” [63] Берк анализирует развитие культурной истории как дисциплины, акцентируя внимание на взаимодействии культурных процессов с социальными и политическими контекстами. Это позволило исследовать, как

культурные явления в Казахстане формировались под влиянием советской власти. Также значимым источником стала книга Берка “Social History of Knowledge: From Gutenberg to Diderot (Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро)” [64], где рассматривается трансформация знаний и культурных форм в Европе, что помогло понять аналогичные процессы в советском Казахстане.

Работы Роджера Шартье, в частности его труд “Cultural History: Between Practices and Representations (Культурная история: между практиками и репрезентациями)” [65], оказались важными для анализа взаимодействия культурных практик и представлений. Шартье рассматривает культурные формы как результат взаимодействия социальных и интеллектуальных сил, что дает возможность изучить влияние советской культурной политики на идентичность казахского народа.

Использование данных теоретических трудов позволяет обеспечить комплексный подход к исследованию культурных процессов в Казахстане, расширяя понимание их трансформаций в условиях советской власти и открывая новые перспективы для дальнейших исследований.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XX века до начала XXI века. Этот период начинается с послевоенной эпохи, когда Советский Союз, включая Казахстан, находился в процессе значительных социально-политических преобразований. В это время происходили важные изменения в культурной политике, которые существенно влияли на развитие национальной идентичности и культурных процессов в Казахстане. Хронология охватывает также период “перестройки”, который стал началом глубоких изменений в советском обществе, в том числе в культурной сфере.

Продолжение хронологических рамок исследования на период распада Советского Союза и первых лет XXI века позволяет проанализировать, как эти изменения повлияли на культурное развитие Казахстана в переходный период. Исследование охватывает время, когда Казахстан начал формировать свою национальную идентичность в условиях независимости, и как это отразилось в зарубежной историографии. Это позволяет провести обширный анализ того, как культурный ландшафт Казахстана интерпретировался и представлялся в международной научной среде.

Такой временной охват исследования обоснован необходимостью комплексного анализа длительных процессов, связанных с трансформацией культурной идентичности Казахстана. Включение периода с середины XX века до начала XXI века позволяет проследить эволюцию взглядов на культурные процессы в Казахстане как в советское время, так и в постсоветский период.

Территориальные рамки исследования сосредоточены на Казахстане в период его пребывания в составе Советского Союза, что охватывает значительную часть XX века. Казахстан в этот период являлся одной из ключевых республик СССР, и его культурное развитие находилось под

значительным влиянием советской идеологии и политики. В рамках данного исследования рассматриваются культурные процессы, происходившие в Казахстане, с акцентом на формирование национальной идентичности и взаимодействие с центральной властью.

Однако исследование не ограничивается только территорией Казахстана. Оно также включает анализ международной базы источников, охватывающей труды иностранных авторов, базирующихся в Европе, Северной Америке и других регионах мира. Такой подход позволяет исследовать, как Казахстан и его культурное развитие интерпретировались в зарубежной историографии, что способствует более полному пониманию влияния внешних факторов на внутренние культурные процессы.

Научная новизна данной диссертации определяется тем, что в настоящее время в казахстанской историографии нет специальных работ анализирующих труды зарубежных исследователей, посвящённые истории культуры Казахстана советского периода. В этом и состоит научная новизна данной диссертации. Научная новизна данной диссертации определяется также и тем, что в ней впервые осуществляется сравнительное рассмотрение взглядов западных авторов на культурное развитие Казахстана в советский период. Такое исследование позволяет выявить не только разницу в подходах к анализу культурных процессов, но и глубже понять влияние внешних и внутренних факторов на формирование культурной идентичности в условиях советской власти. Использование сравнительного подхода помогает создать целостную картину исторического развития, которая открывает новые горизонты для осмысления культурной истории Казахстана.

Анализ западной историографии, представленный в работе, направлен на освобождение исторического сознания от стереотипов и идеологических конструктов, сформированных в советский период. Наше исследование открывает новые горизонты в осмыслении исторического прошлого, помогая преодолеть устоявшиеся стереотипы, которые сегодня нередко трансформируются в формы этноцентризма и религиозного радикализма. Интеграция западных методологических подходов позволила нам достичь особой точности и глубины в анализе культурных процессов.

Мы предлагаем свежий взгляд на культурное развитие советского Казахстана, выходящий за рамки привычного национального нарратива. Такой подход позволяет увидеть неразрывную связь между прошлым и настоящим, создавая более объективную и многогранную картину культурных трансформаций.

Научно-практическая значимость исследования. Практическая ценность нашей работы проявляется как в академической сфере, так и в области практической политики.

В научном плане исследование существенно обогащает понимание советской истории Казахстана и Центральной Азии, представляя детальный анализ культурных процессов той эпохи. Наши выводы создают прочный фундамент для дальнейших исследований в области национальной

идентичности и открывают новые перспективы для изучения взаимодействия между государственным аппаратом, научным сообществом и деятелями культуры. Материалы исследования могут лечь в основу инновационных учебных курсов по зарубежной историографии и культурной истории Казахстана XX века.

В политической плоскости наши результаты представляют особую ценность для постсоветских государств, решающих задачи укрепления национальной идентичности. Глубокое понимание сложности этих процессов может помочь политикам в разработке эффективных стратегий поддержки культурного многообразия и социальной консолидации. Наши выводы о влиянии языковой политики и образовательных реформ могут стать ориентиром для педагогов и разработчиков учебных программ в создании более инклюзивной образовательной среды.

Богатая источниковая база и разработанная методология исследования открывают широкие возможности для новых научных изысканий в смежных областях. Материалы диссертации могут успешно использоваться при создании учебных курсов по культурной истории Казахстана, историографии и проблемам национальной идентичности.

Апробация результатов. Основные положения исследования получили широкое признание в научном сообществе, что подтверждается семью публикациями. Из них две работы были представлены на международных научных конференциях, а пять статей опубликованы в ведущих научных журналах, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Отдельные положения исследования прозвучали в выступлениях на научных и научно-практических конференциях республиканского и международного уровня, среди которых «Жуасовские чтения» и другие.

Положения, выносимые на защиту.

1. Институциональное развитие зарубежных исследований культуры Казахстана советского периода во второй половине XX - начале XXI веков характеризуется переходом от идеологически обусловленных интерпретаций в рамках советологии к более комплексному и междисциплинарному анализу. Этот процесс отражает не только эволюцию научных подходов, но и изменения в глобальном геополитическом ландшафте. Исследование выявляет три ключевых этапа в развитии зарубежной историографии культуры Казахстана:

- 1950-1970-е годы: формирование базовых концепций в контексте холодной войны и анализ национальной политики СССР.

- 1980-е - начало 1990-х годов: расширение тематики исследований, включение вопросов этнической идентичности и исламского фактора, развитие региональных школ изучения Центральной Азии.

- С середины 1990-х годов: переориентация исследований на процессы культурного возрождения и государственного строительства в независимом Казахстане, интеграция различных национальных школ и подходов.

Анализ показывает, что несмотря на изначальную политизированность, зарубежные исследования культуры Казахстана советского периода эволюционировали в сторону более объективного и нюансированного понимания культурных, социальных и экономических процессов, что способствовало формированию более целостного представления о культурном наследии и развитии Казахстана в мировой историографии.

2. Зарубежная историография культуры Казахстана советского периода во второй половине XX - начале XXI веков прошла сложный путь трансформации, обусловленный изменением геополитической ситуации и преодолением идеологических ограничений. Эволюция исследовательских подходов характеризуется переходом от доминирования тоталитарной модели, свойственной ранней советологии периода холодной войны, основанная на концепции колониализма и модернизации, к более комплексным и междисциплинарным методам анализа в постсоветский период. Этот процесс сопровождался постепенной деполитизацией исследований, расширением источниковой базы и развитием новых перспектив в изучении культурных процессов в Казахстане.

Современные зарубежные исследования культуры Казахстана советского периода отличаются стремлением к более объективному и нюансированному пониманию исторических процессов, учитывающему как влияние советской системы, так и локальные особенности развития казахского общества. Это проявляется в возросшем внимании к вопросам идентичности, национального строительства и культурной трансформации, а также в более глубоком анализе взаимодействия традиционных и модернизационных элементов в культуре Казахстана советского периода.

Преодоление ограничений ранних советологических парадигм открыло новые возможности для изучения культурных процессов в Казахстане, способствуя формированию более сбалансированного взгляда на советское наследие и его роль в современном развитии казахстанской культуры.

3. Зарубежная историография второй половины XX - начала XXI веков рассматривает трансформацию культуры Казахстана советского периода как сложный и противоречивый процесс, характеризующийся глубоким влиянием советской культуры при одновременном сохранении элементов национальной идентичности. В работах зарубежных историков данный процесс интерпретируется через призму нескольких ключевых аспектов:

- Реализация концепции “советского человека”, которая, с одной стороны, стремилась к созданию унифицированной идентичности, а с другой - сталкивалась с сопротивлением и стремлением к сохранению национальной самобытности.

- Трансформация литературной традиции, выразившаяся в переходе от устного эпоса к письменной литературе социалистического реализма, что

привело как к обогащению, так и к частичной утрате традиционного культурного наследия.

- Демографические изменения создавали новые социально-политические вызовы и влияли на межэтнические отношения.

- Противоречия между советской модернизацией и сохранением национальной идентичности, проявлявшиеся в различных сферах общественной жизни и культуры.

- Эволюция официальной интерпретации исторических событий, в частности, оценки российского завоевания Центральной Азии, что отражало изменения в советской национальной политике.

Зарубежные историки интерпретируют эти процессы как ключевые факторы, определившие долгосрочные последствия советского влияния на культуру Казахстана, сформировавшие уникальный культурный ландшафт, сочетающий элементы советской модернизации и традиционных ценностей. Этот синтез, по мнению зарубежных исследователей, продолжает играть важную роль в формировании постсоветской идентичности казахского народа и определяет современные культурные и социально-политические процессы в Казахстане.

4. Зарубежная историография второй половины XX - начала XXI веков, исследуя феномен “советского ислама” в Казахстане, выявила уникальный механизм культурного сопротивления и адаптации, который позволил казахскому народу сохранить свою религиозную и национальную идентичность в условиях советского атеистического режима. Западные исследователи подчеркивают, что, несмотря на официальную антирелигиозную политику и репрессии, ислам в Казахстане трансформировался в многофункциональный социокультурный институт, выходящий за рамки чисто религиозной сферы. Он стал инструментом сохранения национальных традиций, противодействия культурной ассимиляции и советизации, а также фактором формирования “параллельного” гражданского общества. Гибкость и адаптивность казахского ислама, его синкретический характер, сочетающий элементы традиционных верований с исламской догматикой, позволили ему выжить в условиях советского режима и сохранить своё влияние на общество.

Западные историки отмечают, что этот опыт культурного сопротивления и компромисса не только обеспечил преемственность исламской традиции в Казахстане, но и заложил основу для возрождения религиозной жизни в постсоветский период. Это имеет важное значение для понимания современных процессов в области религии и культуры в независимом Казахстане.

5. Зарубежная историография второй половины XX — начала XXI веков рассматривает культурные процессы в Казахстане как сложное взаимодействие между советским наследием и стремлением к созданию уникальной национальной идентичности. Западные исследователи подчёркивают ключевую роль советской языковой и культурной политики в

институционализации казахской культуры и литературы, что заложило основу для современного понимания казахской идентичности.

Советская языковая политика в Казахстане рассматривалась как комплексный инструмент социокультурной трансформации, направленный на создание новой советской идентичности. Западные исследователи интерпретируют кампанию по ликвидации неграмотности, реформу алфавита, русификацию казахского языка и политику двуязычия не только как образовательные и лингвистические меры, но и как ключевые элементы советской стратегии по интеграции Казахстана в единое советское культурное пространство. При этом зарубежные историки подчёркивают противоречивость данной политики, отмечая её влияние на трансформацию традиционной казахской культуры и формирование национальной идентичности, балансирующей между советской идеологией и этническими корнями.

Однако национальная идентичность в советский период не исчезла, а претерпела значительные изменения. Советская политика "коренизации" и создание национальных культурных институтов, таких как Союзы писателей Казахстана, способствовали развитию казахской культуры и литературы в рамках советской системы. Это позволило сохранить элементы традиционного культурного наследия, одновременно вводя новые формы его интерпретации и трансляции. Примером такого подхода является творчество казахских писателей, работающих на русском языке, таких как Олжас Сулейменов, который внес значительный вклад в развитие литературы, отражая многонациональный характер Советского Союза.

6. В постсоветский период Казахстан столкнулся с необходимостью переосмысления своей национальной идентичности. Зарубежные историки фиксируют активное переосмысление исторических личностей и событий культурными элитами Казахстана, создание новых национальных символов и нарративов. Этот процесс характеризуется трансформацией идентичности от советских форм к постсоветским, что отражает стремление к сохранению этнических корней при интеграции в глобальное сообщество.

Особое внимание уделяется трансформации гендерных отношений и роли женщин в сохранении и развитии национальной культуры. В отличие от других постсоветских стран, где акцент делался на материнстве, в Казахстане образы женщин-героев, такие как Алия Молдагулова и Маншук Маметова, символизируют силу и отвагу, что способствует продвижению идей гендерного равенства в рамках патриотического воспитания.

Кроме того, зарубежные историки отмечают роль современных писателей и интеллектуалов в формировании новой национальной идентичности. Например, Мухтар Шаханов и Олжас Сулейменов активно участвуют в создании литературных произведений, которые отражают актуальные социальные и культурные проблемы, способствуя осмыслению исторического опыта и поиску национальной идентичности в современных условиях.

Процесс формирования новой идентичности также включает переоценку советского наследия и интеграцию его элементов в постсоветский контекст. Создание новых национальных символов, таких как памятники, переименование улиц и площадей, а также развитие национального кинематографа и литературы, служат инструментами укрепления национальной идентичности.

7. Восприятие казахстанского кинематографа советского периода в зарубежной историографии прошло значительную эволюцию: от маргинального явления в контексте советского кино до признанного феномена мирового киноискусства. Этот процесс отражает не только развитие самого казахстанского кинематографа, но и изменение западного подхода к изучению культур бывшего СССР. Зарубежные исследователи выделяют несколько ключевых этапов в развитии казахстанского кино: от первых шагов Востоккино в 1920-е годы до появления “Казахской новой волны” в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Особое внимание уделяется периоду 1970-х - 1980-х годов, который характеризуется парадоксальным сочетанием расцвета национального киноискусства и нарастающего разрыва между кинематографическим сообществом и местной аудиторией. Феномен “Казахской новой волны” рассматривается как кульминация развития казахстанского кинематографа советского периода и одновременно как переход к новой эпохе независимости. Западные историки подчеркивают, что изучение казахстанского кино позволяет глубже понять процессы формирования национальной идентичности в условиях советской системы и постсоветского перехода, а также механизмы взаимодействия между национальными культурами и централизованной системой управления искусством в СССР.

Структура данной работы основана на проблемно-хронологическом подходе и включает в себя введение, три главы, заключение, а также список использованных источников и литературы.

1 ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА: ОТ СОВЕТОЛОГИИ К ПОСТСОВЕТСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

1.1 Формирование зарубежных представлений о Казахстане

Изучение культуры Казахстана в зарубежной историографии второй половины XX - начала XXI веков прошло несколько ключевых этапов развития. В 1950-60-х годах доминировала тоталитарная школа, рассматривавшая культурные процессы исключительно через призму идеологического контроля и русификации. Этот подход, представленный в работах В. Колларза и других исследователей, часто упрощал сложную культурную динамику в регионе.

В 1970-х годах формируется ревизионистское направление, предложившее более нюансированный взгляд на советскую культурную политику. Ревизионисты, среди которых выделяется Ш. Акинер, обратили внимание на активную роль местных элит в культурных процессах и способность казахского общества адаптировать советские институты к местным условиям.

К 1980-90-м годам происходит значительное расширение методологической базы исследований. Влияние культурной антропологии привело к повышенному вниманию к повседневным практикам и неформальным аспектам культурной жизни. Социологические подходы позволили глубже изучить трансформацию социальных структур, а гендерные исследования открыли новые перспективы в изучении роли женщин в культурных процессах. Особого внимания заслуживают работы М.Б. Олкотт этого периода, в которых автор мастерски применяет междисциплинарный подход к исследованию казахской культуры. В постсоветскую эпоху мы наблюдаем значительное расширение исследовательского инструментария: включение постколониальной теории и методов культурных исследований позволило увидеть в новом свете сложное взаимодействие советской и традиционной казахской культур.

История изучения казахской культуры через призму советологии представляет собой захватывающий интеллектуальный сюжет, разворачивавшийся на протяжении десятилетий в контексте меняющейся геополитической реальности. Эта история неразрывно связана с эволюцией советологии как научной дисциплины – от её зарождения в разгар холодной войны до трансформации после распада СССР.

Первоначальный интерес западного научного сообщества к Казахстану и Центральной Азии во многом формировался под влиянием работ эмигрантов и диссидентов. Особую роль здесь сыграли труды Мустафы Чокая, чья

концепция "советского колониализма" заложила фундамент для последующего осмысления советской политики в регионе.

В институциональном плане изучение Казахстана началось с создания специализированных исследовательских центров в западных университетах. Французская школа, представленная блестящими умами Александра Беннигсена и Оливье Руа, обогатила науку глубоким анализом национализма и исламского фактора в советской Центральной Азии, хотя их внимание было сосредоточено скорее на религиозно-национальных аспектах, нежели на колониальной проблематике.

Британская и американская советология, развивавшаяся в атмосфере холодной войны, сфокусировалась на анализе влияния советской политики на традиционные культуры региона. Труды Джеффри Уилера, Майкла Ривкина и Марты Брилл Олкотт создали прочный фундамент англо-американского подхода к изучению Казахстана, рассматривая его в широком контексте советской национальной политики.

Особый интерес представляют альтернативные подходы, развивавшиеся в странах Азии. Индийские, китайские и японские исследователи предложили свои, отличные от западных, интерпретации культурных и политических процессов в Казахстане. Турецкая историография внесла неоценимый вклад в изучение тюркских народов Центральной Азии, создав богатую традицию исследования казахской культуры.

Развитие советологических исследований Казахстана происходило на фоне тектонических геополитических сдвигов – от разрыва советско-китайских отношений и исламской революции в Иране до распада СССР. Эти события заставляли исследователей постоянно пересматривать и обогащать свои теоретические подходы.

После обретения Казахстаном независимости в 1991 году исследовательский фокус естественным образом сместился к изучению процессов государственного строительства, экономической трансформации и культурного возрождения страны. Это привело к появлению новых исследовательских программ и центров, специализирующихся на постсоветской Центральной Азии.

Важно отметить, что изучение культуры Казахстана через призму советологии не было свободно от идеологических влияний и геополитических интересов. Многие исследования были обусловлены политическим контекстом холодной войны, что влияло на интерпретацию культурных и социальных процессов в регионе.

Мустафа Чокай (1890—1941) — казахский и тюркский политический деятель, проживавший в эмиграции во Франции, оставил богатое наследие, ставшее одним из основных источников для изучения Средней Азии. Его антикоммунистическое произведение «У Советов в Средней Азии» [38] привлекло внимание к положению в Казахстане и других республиках региона. Работы Чокая были широко использованы западными исследователями, которые приняли его методологию и критический подход.

Благодаря Чокаю в западной литературе укрепилась концепция «советского колониализма», утверждающая, что Средняя Азия была колонией СССР. Эта идея получила дальнейшее развитие в работах таких исследователей, как Венсан Монтей и Элен Каррер д'Анкокс. Каррер д'Анкокс, например, прославилась своими предсказаниями распада СССР, изложенными в книге «Расколота империя» [29]. Александр Беннигсен, который написал более 200 трудов о Средней Азии и Казахстане, развил концепцию «национализма», охватывая все аспекты истории и современного положения региона.

Основные идеи концепции А. Беннигсена, представленные в его книге «Забывшие мусульмане» [66], сводятся к тому, что ислам был ключевым фактором в сохранении национальной идентичности советских мусульман. Распространение ислама, начавшееся в VII веке и продолжавшееся вплоть до 1928 года, было усилено российской экспансией и процессами советизации. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже подчёркивают, что казахи сохранили свою самобытность на трёх уровнях: субнациональном (жузы, племена и рода), национальном (общий казахский этнос) и наднациональном (тюркский и исламский мир). Мусульмане России стремились объединить ислам с коммунизмом, что привело к их поддержке большевистской революции. В работе «Суфии и Комиссары» [42] особое внимание уделяется влиянию суфизма и суфийских орденов, которые играли значительную роль в сопротивлении советскому режиму. События в Иране и Афганистане в 1978—1979 годах усилили концепцию «национализма», рассматривающую Среднюю Азию как потенциальную угрозу для советской империи. Вклад А. Беннигсена в изучение истории Средней Азии является неоспоримым; он руководил Институтом общественных наук, преподавал в Сорбонне и Чикагском университете, основал научную школу и оставил множество последователей во Франции, Великобритании и США.

Во французской историографии последних десятилетий сформировались различные направления, одно из которых сфокусировано на исследовании экономических аспектов, таких как влияние экономических перемен, индустриализация и модернизация Казахстана. Представителями этого направления были учёные Луи Бланшар, Франсуа Грийо, Мергерит Аймар, Марианн Сейду, Анри Шамбр и Шанталь Бокур, работавшие в Институте экономических наук и университетах Сорбонны и Страсбурга. Значимыми трудами этого направления являются исследования Л. Бланшара «Казахстан» [67] и А. Шамбра «Казахстан — советский третий мир?» [68].

Кроме того, существовало и просоветское направление, которое берет начало в пропагандистских трудах членов ФКП 1930-х годов, таких как П. Вайян-Кутюрье и М. Стебер. В 1959 году Марсель Эгрето издал книгу «Советский Восток» [69], где проводил сравнение между советской и французской политикой в Северной Африке, подчеркивая важность советской модернизации. Спустя четверть века Анри Аллег опубликовал книгу «Красная звезда и зеленый полумесяц» (1983) [70], в которой критиковал концепцию

«советского колониализма» и вступал в дискуссию с А. Беннигсеном и Э. Каррер д'Анкосс.

В последние годы во французской историографии появились исследования, посвящённые геостратегическим вопросам Центральной Азии, хотя и не в таком объёме, как в англо-американской традиции. Среди них выделяются книга Рене Канья и Мишеля Жана «Судьба Центральной Азии между империями: СССР, Китаем и исламом» [71], а также сборник под редакцией Реми Дора «Центральная Азия и её соседи» [72]. В 1990-е годы среди востоковедов, изучающих геополитическое положение региона, особое место занял Оливье Руа, опубликовавший серию политологических работ, связанных с историей Центральной Азии. В 1992 году Э. Каррер д'Анкосс завершила свою многолетнюю исследовательскую деятельность изданием книги «Жизнестойкость наций, или Конец Советской империи» [73], где подтвердила свои ранее сделанные в 1978 году прогнозы о распаде СССР, изложенные в книге «Расколота империя», хотя события развивались несколько иначе, чем она предполагала.

После Первой мировой войны востоковедение в Великобритании оказалось в кризисе, что было связано с распадом британской колониальной империи. Хотя потеря колоний не была единственной причиной деградации востоковедческих исследований, она явно способствовала упадку и застою в этой области. Британская система образования и научных исследований, основанная на университетах, оказалась недостаточно адаптированной к реалиям XX века, особенно на фоне советской системы, которая была централизованной и финансировалась государством. Дж. Уилер отмечал, что советские востоковеды решали крупные научные задачи более эффективно. Перенос центра научных исследований в США также оказал негативное влияние на британскую науку, что привело к оттоку ученых и формированию англо-американской историографии с 1950-х годов. Тем не менее, востоковедение в Великобритании продолжало развиваться благодаря сохранению традиций классического периода.

Дж. Уилер выделял два ключевых аспекта в истории Центральной Азии: сопоставление колониальных систем Великобритании и России и оценку советского правления. Он утверждал, что британская система управления в Индии была более эффективной, чем российская в Туркестане, так как она оставила после себя развитую парламентскую систему и прочную экономическую базу. Российская империя не справилась со своими задачами, и большевики решали их жестокими методами, добившись значительных успехов, но ценой потери национальной идентичности. Уилер подчеркивал, что успехи советской Средней Азии стали возможны благодаря жесткому централизованному планированию. В качестве директора Среднеазиатского исследовательского центра и главного редактора журнала «Среднеазиатское обозрение» (1952-1970), он публиковал разнообразные материалы по региону, включая аналитические статьи, статистику и исторические исследования, и активно вел полемику с советскими коллегами. Однако в 1970 году из-за

финансовых проблем журнал прекратил свое существование, хотя его вклад в западную историографию Центральной Азии был значительным.

«Среднеазиатское обозрение» не являлось единственным изданием в Англии, посвященным исследованиям Советского Союза; статьи о Средней Азии также выходили в таких журналах, как «Слэвоник Ревью» (1922—1932), который позже был переименован в «Слэвоник энд Ист Юропеан Ревью» и «Слэйвик Ревью», а также в журнале «Совет Стадис», который издавался с 1949 года в университете Глазго. Одной из заметных фигур среди британских советологов 1950—1960-х годов был Уолтер Коларз. Он эмигрировал из Чехословакии в Англию и продолжил свою карьеру в Лондонском университете. В своих книгах, таких как «Россия и её колонии» [74] и «Коммунизм и колониализм» (1964) [75], Коларз исследовал колониальную политику России и Советского Союза, утверждая, что Средняя Азия не может избавиться от своего колониального статуса из-за значительного присутствия русского этнического элемента, который доминирует в регионе.

Историческая наука того периода часто сравнивала советскую систему с британской колониальной практикой в Азии, особенно в Индии. Коларз полагал, что британская модель управления могла бы служить образцом для России и считал возможным превращение страны в «Соединённые Штаты России». Его прогнозы о распаде СССР и стремлении России сохранить влияние на Кавказе оказались точными. В отношении Средней Азии Коларз предсказывал России проблемы, аналогичные тем, с которыми столкнулась Франция в Алжире, видя для региона мрачные перспективы. По его мнению, Казахстан наглядно демонстрировал колониальный характер советской системы, в которой интересы казахов приносились в жертву экономическим нуждам СССР. Английские историки также предпринимали попытки переоценить советскую политику, акцентируя внимание на её экономических последствиях. В своей книге «За Уралом: экономическое развитие в Советской Азии» [76] Вайолет Конолли уделяет внимание исключительно экономическим аспектам, избегая обсуждения того, как эта политика повлияла на традиционные культуры.

Конолли задаётся вопросом: за чей счёт осуществлялись модернизация и индустриализация Средней Азии, а также создание системы образования и социальных служб? Она приходит к выводу, что без централизованного планирования и финансирования из общесоюзного бюджета эти процессы были бы невозможны. Однако она также отмечает, что советская система управления и культурная революция разрушили традиционную исламскую основу среднеазиатского общества. В исследованиях, проводимых в Англии в 1960—1980-х годах, внимание уделялось не только советологии, но и периоду до революции, истории Туркестана в XIX веке, а также англо-русским отношениям. Так, в Лондонском университете Д. Уильямс читал лекции о русском Туркестане, А. Боуджер занимался изучением XVIII века, а труды Эдварда Инграма и Джеральда Моргана были посвящены англо-русскому соперничеству в Центральной Азии. Дж. Морган обучался в Среднеазиатском

исследовательском центре, а Д. Рэйфилд из Лондонского университета в 1976 году выпустил биографию Н. Пржевальского, предложив новую интерпретацию его роли и личности в истории продвижения России в Центральную Азию.

Гленда Фрейзер, обучавшаяся в Среднеазиатском исследовательском центре, работала в Манчестерском университете. Там она исследовала басмаческое движение в Туркестане начала 1920-х годов, призывая пересмотреть существующие стереотипы о его лидерах. С. Эндерс Уимбуш способствовал популяризации идей А. Беннигсена в англоязычной историографии; их совместные работы исследовали мусульманский коммунизм и современные процессы в советской Средней Азии и Казахстане. Роберт Конквест в своих книгах «Великий террор» [32] и «Жатва скорби» [33] критически описывал сталинскую национальную политику, освещая трагические события в Казахстане, такие как голод 1931-1932 годов и репрессии. Экономические успехи и их проблемы в Средней Азии исследовал Френсис Ньютон, а Мартин Макколей посвятил свою работу освоению целинных земель в Казахстане, в том числе русской аграрной колонизации. Аластер Макколей предсказывал угрозы для советских позиций в Средней Азии, связывая их с экономическим застоём и ростом безработицы, а также с влиянием иранской революции.

Следующее поколение специалистов по Центральной Азии в Лондонском университете представлено такими учеными, как Ширин Акинер, которая в 1983 году выпустила книгу «Исламские народы Советского Союза» [77]. В начале 1990-х годов исследователь опубликовала небольшую книгу под названием «Формирование казахской уникальности: от рода к племени, от нации к народу» [78]. Это издание стало одним из первых западных академических исследований, посвященных Казахскому ханству и Республике Казахстан, и было представлено научному сообществу и студентам на Западе. С 1982 года региональные эксперты получили возможность публиковать свои исследования в новом ежеквартальном журнале «Центральноазиатское обозрение» (Central Asian Survey), основанном С.Э. Уимбушем и Мари Беннигсен-Броксап. Это издание отличалось высоким уровнем и интернациональной направленностью, включая статьи по истории Казахстана. В 1983 году М. Броксап и А. Беннигсен издали книгу «Исламская угроза советскому государству» [28], в которой была выдвинута концепция конфликта между исламом в Средней Азии и Россией. Эта работа, как и книга М. Ривкина «Вызов мусульман Москве» [47], отражала дух исследований по Средней Азии в начале 1980-х годов, хотя прогнозы о распаде СССР под влиянием мусульманских республик не сбылись. В середине 1980-х годов «Общество по изучению Центральной Азии» при Оксфордском университете начало переиздавать исторические источники по Казахстану и Средней Азии, что способствовало возрождению интереса к туркестанской истории.

В научно-публицистической жизни Германии значительную роль играли тюркские националисты Мустафа Чокаев и Вали Каюм-хан,

участвовавшие в создании Туркестанского легиона. Исследования по Центральной Азии, проводившиеся в нацистской Германии, имели военное значение для Третьего рейха. Баймирза Хайит, узбек по происхождению, после Второй мировой войны стал известным советологом, опубликовав более 200 работ, в основном посвященных теории «советского колониализма». Его труды также оказали влияние на антироссийскую и антикоммунистическую историографию в Турции, хотя его работы часто подвергались критике за предвзятость.

Баймирза Хайит, благодаря собранному им историческому материалу, стал признанным авторитетом в ориенталистике. Его книга «Туркестан между Россией и Китаем» [79] охватывает историю Средней Азии с XIV по XX век, выделяя пять ключевых периодов: от правления Тимура до присоединения Младшего жуза к России; русская и китайская экспансия в XVIII—XIX веках; национально-освободительное движение во второй половине XIX — начале XX века; первые национальные государства и их крушение в 1917—1924 годах; и, начиная с середины 1920-х годов, создание марионеточных псевдогосударств и процесс советизации. Работы Хайита характеризуются категоричными оценками, русофобскими настроениями и идеализацией тюркского прошлого, однако они также основаны на широкой источниковой базе и имеют энциклопедический характер. После распада СССР Хайит вновь посетил родной Туркестан. В ФРГ сохранились традиции исламоведения, в рамках которых ведутся историко-филологические исследования. Кафедры исламоведения действуют в университетах Бамберга, Байройта, Берлина, Бонна, Эрлангена, Гисена, Гамбурга, Гейдельберга, Йены, Кёльна, Майнца, Мюнстера и Тюбингена. Немецкие статьи по языкознанию, культуре и истории мусульманских стран привлекают внимание международного сообщества.

В Соединённых Штатах исследования Центральной Азии исторически тесно связаны с русистикой, что отличает американский подход от европейского. Ранним вкладчиком в развитие американской русистики был Джон Куинси Адамс, который с 1809 по 1814 годы служил первым официальным представителем США в России. Систематическое изучение России началось благодаря Джорджу Кеннану, чья «длинная телеграмма» 1946 года дала оценку советской стратегии и предложила ответные меры. В 1946 году при Колумбийском университете был основан Русский институт, а в 1948 году в Гарварде появился Центр русских исследований. В 1940—1950-е годы в США сформировалась мощная сеть советологических центров, которые активно изучали русский язык и публиковали научные работы. Часто создание этих центров основывалось на участии ученых-эмигрантов из России и Восточной Европы. Создание таких центров часто опиралось на участие учёных-эмигрантов из России и Восточной Европы. Например, в Университете Индианы был основан центр по изучению урало-алтайских народов во время войны под руководством венгерского востоковеда Дениса

Синора, предназначенный для подготовки специалистов в области алтайской языковой семьи.

В середине XX века американская этнография начала активно исследовать народы Центральной Азии. Первопроходцем в этой области стал Вальдемар Джокелсон, опубликовавший в 1928 году труд «Народы Азиатской России» [80]. Его работа, основанная на материалах для Американского музея естественной истории, включала описания жизни в Туркестане и степных регионах до эпохи коллективизации.

Хотя влияние российских и советских эмигрантов на американскую науку о Центральной Азии было заметным, оно не достигло масштабов, наблюдавшихся в Европе. Среди видных фигур этого направления выделяется Г. Вернадский, профессор Йельского университета, чье исследование монгольского периода в истории России получило высокую оценку научного сообщества.

Вторая мировая война дала толчок развитию алтаистики и тюркологии в США. Особенно это проявилось в Индианском университете, где был основан Центр уральских и алтайских исследований. Изначально центр был ориентирован на подготовку специалистов для военных нужд, но позже сфокусировался на изучении алтайских и тюркских народов в контексте холодной войны.

В 1957 году бывший полковник ВВС США Чарльз У. Хостлер опубликовал книгу «Тюркизм и Советы: тюрки мира и их политические цели» [81]. Это исследование, продолжающее работу Р. Пирса, рассматривало развитие пантюркистских идей и их влияние на политическую обстановку в тюркском мире. Хостлер подчеркивал возможность существования общих политических целей у тюркских народов, включая стремление к преодолению изоляции и борьбу за национальное самоопределение.

Другим значимым вкладом стала работа Сержа Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» [82], которая рассматривает историю тюркских народов России с конца XIX века до попыток создания национальных государств после революции. Зеньковский проанализировал рост тюркского национализма, националистические движения среди различных тюркских народов и их роль в русской революции. Его работа стала предшественницей исследований А. Беннигсена и С. Уимбуша о мусульманском национальном коммунизме.

В Соединённых Штатах значительный прогресс в изучении Центральной Азии был достигнут благодаря вкладу Эварда Элсуорта. На протяжении длительного времени он руководил программами в Колумбийском университете, посвящёнными исследованию советских национальных вопросов. Как специалист по узбекскому языку и литературе, Элсуорт в 1965 и 1971 годах опубликовал работы по анализу центральноазиатской коллекции документов Нью-Йоркской публичной библиотеки, предоставив научному сообществу доступ к многочисленным источникам на казахском языке. Его фундаментальная книга «Центральная

Азия: столетие русского правления» [24], впервые изданная в 1967 году и переизданная с дополнениями в 1989 и 1999 годах, стала важной вехой в академическом изучении региона.

Другим значимым исследованием стала работа Элизабет Бэкон «Центральная Азия под русским правлением» [83], в которой она рассматривала развитие и упадок кочевого пастушеского образа жизни под влиянием политических и социальных трансформаций.

В 1960-х годах Лоуэлл Тиллетт сделал значительный вклад в изучение региона, опубликовав книгу «Великая дружба: советские историки и нерусские национальности» [84]. В этом труде он проанализировал развитие советской исторической науки и её подходы к истории Центральной Азии, включая обсуждение известного дела Бекмаханова.

Майкл Ривкин, профессор с уникальным жизненным опытом, стал заметной фигурой в американской советологии 1960-1980-х годов. Родившись в довоенной Польше и проведя детство в Самарканде и Ташкенте после депортации, он сохранил глубокое понимание русского языка и культуры региона. В своих книгах «Россия в Средней Азии» [48] и «Мусульманский вызов Москве» [47] автор исследовал преобразования общества Средней Азии под влиянием Российской империи и Советского Союза, а также предсказывал возможные последствия этих изменений для советской власти.

В области археологии важным событием стала совместная работа американского специалиста Р. Дэвиса и советского археолога В.А. Ранова, опубликованная в 1970 году. Их исследование предложило новый взгляд на палеолит Средней Азии, оспаривая устоявшиеся западные теории и представляя новую периодизацию для региона.

В 1970-е годы исследование Центральной Азии в США значительно активизировалось. Появились важные сборники, которые освещали историю, культуру и этнографию региона в контексте национальных отношений и этнических проблем внутри СССР. Среди этих работ выделяются «Неславянские народы Советского Союза» [85] под редакцией К. Симмонса-Симонолевича и «Россия и Азия: влияние России на азиатские народы» [86], подготовленная В. Вусиничем.

Значительный вклад в исследование региона внесла Тереза Раковская-Хармстоун из Гарвардского университета, опубликовав в 1970 году фундаментальный труд «Россия и национализм в Средней Азии: пример Таджикистана» [46].

В 1980-е годы центральной фигурой в изучении Казахстана стала Марта Брилл Олкотт. Защитив диссертацию в Чикагском университете и став профессором в Колгейтском университете, она опубликовала в 1987 году монографию «Казахи» [44]. Эта работа, написанная в традициях западной советологии, развивала концепцию национализма, предложенную её наставником А. Беннигсеном. Олкотт, неоднократно посещавшая Казахстан с 1975 года, подчеркивала ключевую роль казахов-кочевников в продвижении России в степи и Центральную Азию.

Распад СССР и обретение Казахстаном независимости побудили Олкотт расширить свою книгу. Второе издание, вышедшее в 1995 году, включало новую главу о становлении суверенного Казахстана. Олкотт осторожно подходила к интерпретации этих событий, избегая прямых параллелей с прошлым. В предисловии она отмечала неопределенность положения казахов в новом государстве и сложность отношений с Россией.

В 1992 году Олкотт была приглашена в Белый дом как эксперт по Казахстану, но позже сфокусировалась на изучении ислама в Центральной Азии. В обновлённой монографии представлен анализ событий после 1986 года, включая период перестройки и процесс формирования независимого государства. При этом первые разделы книги, посвящённые средневековой и новейшей истории Казахстана, по-прежнему являются ценным источником информации о Казахском ханстве и интеграции казахских степей в состав Российской империи.

В изучении Центральной Азии индийскими учеными можно выделить два основных направления: марксистское и “буржуазное”. Марксистские исследователи, такие как Девендра Каушик из университета Курукшетра, придерживались концепций советской исторической школы с акцентом на антиколониальную тематику. Получив образование в Индии и СССР, Каушик сосредоточил свои исследования на исторических и культурных связях между Индией и Центральной Азией, а также на изучении индийских диаспор в Южном Казахстане и бывшем Туркестанском генерал-губернаторстве. Его работы охватывают вопросы современной истории Средней Азии, развития социализма в регионе и отношений Индии с центральноазиатскими странами [87-89].

Индийские учёные также уделяли значительное внимание роли ислама в этом регионе. Они предсказывали усиление исламского фундаментализма в постсоветских республиках Центральной Азии и его возможное слияние с посткоммунистическим национализмом, что могло бы повлиять на ситуацию в соседних областях, таких как Синьцзян и Тибет. В своей книге «Между Марксом и Мухаммедом» [90] Д. Хиро подчёркивает, что парадоксальное сочетание исламской идентичности и коммунистического наследия является ключевой характеристикой современной Центральной Азии.

В Турции заметный вклад в изучение региона внес Абдулуакап Октай. Получив образование в Ташкенте, Баку и Германии, он активно участвовал в издании журнала “Яш Туркестан” вместе с другими видными деятелями. После переезда в Турцию в 1939 году он продолжил свою научную деятельность, опубликовав в 1950 году книгу о гражданском движении Туркестана и Мустафе Чокае [91, 48].

Среди турецких учёных, работавших в США, особенно выделяется Кемаль Карпат, профессор Висконсинского университета. Он исследовал историю тюркских народов в широком геополитическом контексте, подчёркивая их уникальную культурную и этническую идентичность. Карпат

также предсказал возрождение идей пантюркизма в конце 1970-х годов, что внесло новое измерение в изучение региона.

В Китае исследование Центральной Азии прошло через несколько этапов развития. Изначально китайская историография региона опиралась на советские идеологические модели, включая классовый подход и признание положительного влияния России и СССР. Однако по мере ухудшения китайско-советских отношений в китайской исторической науке стали преобладать националистические тенденции и ориентация на китаецентричный подход.

Хотя первые китайские специалисты по России появились еще в имперский период, серьезное развитие русистики в Китае началось только после прихода к власти коммунистов в 1949 году. В 1950-е годы многие китайские студенты обучались в СССР, а советские эксперты помогали в развитии китайской экономики.

Сегодня в Китае существует ряд ключевых институтов, занимающихся изучением России и Центральной Азии. Среди них выделяются Китайская академия общественных наук (КАОН) и Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА). Особую роль играет КАСМО, связанная с Министерством госбезопасности КНР, которая оказывает значительное влияние на процесс принятия решений.

В последние годы в Китае Центральную Азию стали рассматривать как самостоятельный геополитический регион, часто в контексте Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Интересно отметить, что после распада СССР интерес к России в Китае не только не уменьшился, но даже возрос. Особое внимание уделяется анализу причин краха КПСС и разработке стратегии отношений с новой Россией.

Ведущие центры русистики в Китае сосредоточены в Пекине, но также существуют сильные региональные школы в Шанхае и северо-восточных регионах, например, в Харбине. Шанхайский Центр изучения России под руководством профессора Фэн Шаолэя стал одним из наиболее влиятельных в стране.

Таким образом, китайское изучение Центральной Азии и России прошло путь от следования советским моделям до развития собственного, более независимого и стратегически ориентированного подхода.

Японская политика в отношении Центральной Азии отражает сложное геополитическое положение страны. С одной стороны, Япония традиционно рассматривается как часть западного блока, сотрудничая с США и европейскими странами. В 1990-х годах это проявлялось в совместных проектах и выработке общей позиции по центральноазиатскому региону.

С другой стороны, за последние полтора десятилетия произошли существенные изменения в геополитическом и экономическом статусе Японии. Китай стал ключевым фактором во внешней политике Токио, а Россия приобрела значимую роль в японской евразийской стратегии. Энергетические интересы Японии в странах СНГ тесно связаны с Центральной

Азией, однако реализация политики в регионе сталкивается с рядом препятствий.

Некоторые эксперты, например, Т. Уяма из Университета Хоккайдо, ставят под сомнение наличие у Японии четкой стратегии в отношении центральноазиатских государств, в частности Казахстана. Уяма объясняет это экономическими причинами, указывая на приоритетность для Токио отношений с США, странами АТР и Юго-Восточной Азии, в то время как Центральная Азия не представляет значительного экономического интереса.

Япония не стремится к масштабному присутствию в регионе, не являясь полноценной геополитической силой, в отличие от США. Даже “Евразийская дипломатия” премьера Хашимото, направленная на улучшение отношений с Россией и поиск новых азиатских союзников, не привела к активизации японской политики в Центральной Азии.

Уяма выступает против подхода в стиле “Большой игры” и полагает, что Япония, как экономическая держава, может внести значительный вклад в развитие региона при стабильных условиях. Некоторые исследователи отмечают, что из-за географической удаленности и отсутствия исторических связей, политика Японии и Южной Кореи в Центральной Азии основывается преимущественно на экономических инструментах, что сближает их геоэкономические интересы с китайскими в контексте развития региона в направлении АТР.

Япония проявляет интерес к Центральной Азии в контексте расширения своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создания новых транспортных коридоров между Азией и Европой. Токио стремится укрепить свои позиции как региональный лидер, поддерживая предоставление центральноазиатским странам режима наибольшего благоприятствования в торговле с США и заручаясь их поддержкой в вопросе получения постоянного членства в Совете Безопасности ООН.

Однако в японской политике в регионе наблюдается определенное противоречие: страна одновременно является частью азиатско-тихоокеанского сообщества и активным участником западной коалиции в стратегическом партнерстве с США.

В начале XXI века Япония активно развивает инфраструктуру для исследований Центральной Азии и подготовки соответствующих специалистов. Крупнейшая в стране Восточная библиотека участвует в проекте “Исламские региональные исследования” и публикует работы по евразийской тематике. Институт развивающихся экономик при JETRO проводит комплексные исследования экономических, политических и социальных аспектов жизни центральноазиатских стран.

В 2004 году была учреждена Японская ассоциация исследований Центральной Азии (ЯАЦА), объединяющая учёных и аспирантов, занимающихся изучением этого региона, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. ЯАЦА регулярно организует конференции и издаёт информационный бюллетень.

За последнее десятилетие в Японии наблюдается значительный рост научного интереса к Центральной Азии: увеличилось число специалистов и исследовательских проектов, издаются монографии, энциклопедии и справочники. Развиваются международные связи через конференции и обмен учеными и студентами.

Однако, по мнению некоторых экспертов, таких как О. Нацуко, остаются нерешенные проблемы: недостаточное изучение отдельных стран региона (особенно Таджикистана и Туркменистана) и ограниченная доступность японских исследований для международной аудитории из-за языкового барьера. Поэтому увеличение числа публикаций на английском языке рассматривается как важная задача для японского академического сообщества.

Анализ развития зарубежных исследований культуры Казахстана советского периода во второй половине XX - начале XXI веков демонстрирует значительную эволюцию как в институциональном, так и в концептуальном плане. Эта эволюция отражает не только изменения в научных подходах, но и трансформации глобального геополитического ландшафта.

На начальном этапе, в 1950-1970-е годы, формирование базовых концепций происходило в контексте холодной войны. Доминировала теория "советского колониализма", предложенная такими деятелями, как Мустафа Чокай, и получившая развитие в работах западных советологов. Исследования этого периода были во многом идеологически обусловлены и сосредоточены на анализе национальной политики СССР в Центральной Азии. Ключевую роль в этот период сыграли французские исследователи, такие как Александр Беннигсен и Элен Каррер д'Анкосс, а также британские и американские ученые, среди которых выделяются Джеффри Уилер и Эдвард Эллуорт.

Второй этап, охватывающий 1980-е - начало 1990-х годов, характеризуется значительным расширением тематики исследований. В фокус внимания ученых попадают вопросы этнической идентичности и роль исламского фактора в регионе. Этот период отмечен развитием региональных школ изучения Центральной Азии, в частности, в США, Великобритании и Германии. Важным аспектом стало включение в научный дискурс работ ученых из стран Азии, в том числе Индии, Китая и Японии, что способствовало формированию более многогранного взгляда на культуру и историю Казахстана.

С середины 1990-х годов начался принципиально новый этап в изучении Казахстана, когда исследовательский фокус сместился от общей советологии к углубленному анализу процессов культурного возрождения и государственного строительства независимой страны. Этот период ознаменовался плодотворным синтезом различных национальных школ и подходов, что привело к формированию более глубокого междисциплинарного анализа. Особую роль в этой трансформации сыграли работы Марты Брилл Олкотт, отразившие переход от классической

советологии к тонкому пониманию культурных и социальных процессов в независимом Казахстане.

В это время мы наблюдаем бурное развитие институциональной базы исследований: создаются специализированные центры и программы, сфокусированные именно на Казахстане. Примечательно, что этот процесс охватил не только традиционные центры советологии в США и Европе, но и распространился на страны Азии. В Японии и Китае появились профильные институты и исследовательские ассоциации, предлагающие свежий взгляд на специфику казахской культуры и истории.

Интересно проследить, как зарубежные исследования, изначально отмеченные политической ангажированностью, постепенно эволюционировали в сторону более объективного и нюансированного понимания культурных процессов. При этом западные исследователи, работающие с аудиторией, не имеющей глубоких знаний о регионе, часто концентрируются на переосмыслении известных фактов, а не на представлении новых открытий.

Особого внимания заслуживает процесс активного переосмысления исторических личностей и событий культурными элитами Казахстана. Формирование новых национальных символов и нарративов стало ключевым элементом в создании уникальной постсоветской идентичности. Зарубежные историки отмечают мастерство, с которым культурные элиты интегрируют элементы советского наследия с новыми символами независимости, укрепляя национальную идентичность в эпоху глобализации.

Развитие исследовательской методологии отражает более глубокие изменения в глобальном понимании роли Центральной Азии. Включение в научный дискурс работ ученых из разных стран и научных традиций позволило преодолеть ограничения раннего периода исследований и создать более объемную картину культурного развития Казахстана.

Современный этап изучения казахской культуры характеризуется стремлением к интеграции различных подходов и методологий. Это позволяет создавать более полную и объективную картину культурных процессов, происходящих в стране. Это создает основу для более глубокого понимания сложных культурных, социальных и политических процессов, происходящих в стране и регионе в целом. Дальнейшее развитие этого направления исследований, вероятно, будет связано с усилением междисциплинарного подхода и расширением международного сотрудничества, что позволит сформировать еще более полное и объективное представление о культурном наследии и современном развитии Казахстана в контексте мировой истории и культуры.

1.2 Идеологические аспекты и их влияние на исследования истории культуры

Изучение культуры СССР и его национальных республик в зарубежной историографии второй половины XX века находилось под сильным влиянием идеологических факторов периода холодной войны. В работах западных советологов этого периода культурные процессы рассматривались преимущественно через призму идеологического контроля и пропаганды, при этом преобладала тенденция к анализу советской культурной политики исключительно как инструмента русификации и подавления национальных культур.

В изучении культуры Казахстана советского периода идеологические ограничения проявлялись особенно отчетливо. До 1970-х годов в зарубежной историографии преобладал подход, рассматривавший культурные процессы в Казахстане исключительно как результат внешнего воздействия советской системы. При этом практически не учитывалась специфика традиционной казахской культуры и ее влияние на процессы культурной трансформации, игнорировалась роль казахской интеллигенции в развитии национальной культуры, упрощенно трактовались процессы взаимодействия традиционной и модернизированной культуры.

Советология как междисциплинарное направление комплексных обществоведческих исследований, возникшая в США и Западной Европе в годы холодной войны, долгое время развивалась в условиях ограниченного доступа к источникам и сильного влияния политической конъюнктуры. Это приводило к доминированию определенных интерпретаций культурных процессов, когда акцент делался преимущественно на репрессивном характере советской культурной политики при недостаточном внимании к модернизационным процессам в сфере культуры.

В 1970-80-е годы, с развитием ревизионистского направления в советологии, появились более сбалансированные подходы к изучению культуры СССР и его республик. Исследователи начали обращать внимание на сложное взаимодействие между центральной культурной политикой и местными культурными традициями, роль национальной интеллигенции в формировании и развитии культуры, феномен культурного синтеза, возникавший в результате взаимодействия советской и национальных культур.

Важный перелом в изучении культурных процессов произошел в 1980-90-е годы, когда появились исследования, предлагающие более глубокий анализ культурных трансформаций в советском Казахстане. Эти работы отличались стремлением к объективности и комплексному рассмотрению культурных явлений, учитывали активную роль местных элит в культурном строительстве и специфику адаптации советских культурных моделей к местным условиям.

Развитие советологии как академической дисциплины в послевоенный период было тесно связано с политическим контекстом противостояния между Западом и Советским Союзом. Это привело к доминированию тоталитарной

модели в интерпретации советской действительности, которая часто упрощала сложные социокультурные процессы, происходившие в СССР и его республиках, включая Казахстан. Однако уже с 1960-х годов началось постепенное переосмысление методологических подходов, что привело к появлению более нюансированных и критических исследований.

Исследования советского общества как отдельное научное направление сформировалось в период противостояния между Западом и СССР. Изначально термин появился в европейской научной среде – французские исследователи начали использовать его в 1956 году, а спустя два года он был впервые упомянут в британском издании "The Observer". В 1960-х годах понятие "советология" прочно вошло в английский и американский научный лексикон.

Первоначальный этап развития этого направления начался после революционных событий 1917 года, когда западный мир проявил повышенный интерес к происходящему в России. До 1940-х годов основными информаторами о ситуации в стране выступали эмигранты революционного периода, а также иностранные специалисты, журналисты и представители левых движений, посещавшие СССР.

Послевоенный период ознаменовался становлением советологии как полноценной академической дисциплины. По наблюдениям М. Малиа, она эволюционировала от простого "регионального изучения" до комплексной науки [92, 80]. За короткий срок количество образовательных программ по данному направлению выросло более чем вдвое – с 13 в 1946 году до 29 в 1954 году, охватив около 700 студентов.

Значительный вклад в развитие американской советологии внесли русские ученые-эмигранты. Среди них особо выделяются фигуры Г. Вернадского из Йельского университета и М. Карповича из Гарварда, чьи труды и педагогическая деятельность заложили фундамент для подготовки нового поколения американских специалистов по истории России. По словам А. Вилдмана, "большинство американских специалистов в области русской истории являются учениками М. Карповича и Г. Вернадского или учениками их учеников" [93, 375].

Однако, как отмечает С. Коэн, развитие советологии сопровождалось определенными противоречиями. К началу 1950-х годов эта область исследований оказалась под сильным влиянием политической конъюнктуры, что привело к чрезмерной политизации научной деятельности и фокусу на изучении СССР как потенциального противника [94, 10-11].

Развитие зарубежной советологии до распада СССР можно разделить на четыре основных этапа. Первый этап охватывает период с 1917 года до начала 1940-х годов. Этот период характеризуется формированием первичного интереса к Советской России и накоплением базовых знаний о новом государстве. Второй этап приходится на 1940-е — середину 1960-х годов, когда советология оформляется как академическая дисциплина. Третий этап

длится с середины 1960-х до середины 1980-х годов, а четвертый — с середины 1980-х до 1991 года, завершаясь распадом СССР.

Процесс академической институционализации советологии в США и Западной Европе ознаменовал второй этап развития дисциплины. Ключевым событием стало открытие в сентябре 1946 года Русского Института при Колумбийском университете, за которым последовало создание аналогичных программ в Корнелле, Гарварде и Мичигане. Существенную поддержку исследованиям СССР и стран социалистического блока оказывали как частные фонды (Рокфеллера, Карнеги, Форда), так и государственные структуры, включая ВВС и ЦРУ.

Третья фаза развития советологии, пришедшаяся на рубеж 1960-1970-х годов, характеризовалась качественными изменениями в исследовательских подходах. Увеличение числа историков среди советологов привело к расширению тематического спектра исследований. Показательна статистика: если за период 1876-1950 годов в США и Канаде было защищено 250 докторских диссертаций по советской и российской тематике, то следующее десятилетие дало более 600 работ [95, 78].

Особую роль в становлении советологии сыграла научная эмиграция из СССР и Восточной Европы. Высококвалифицированные специалисты различных областей знания обогатили американскую академическую среду не только фактическими знаниями о Советском Союзе, но и альтернативными подходами к их интерпретации.

Среди ключевых фигур этого процесса выделяются Г. Вернадский и М. Карпович. Как отмечал Н. Болховитинов: "М. Карпович был прекрасным лектором и учителем, воспитавшим целое поколение гарвардских русистов, которые затем сыграли огромную, можно сказать, даже решающую роль в формировании школы славянских исследований в США" [96, 124]. Значительный вклад в развитие американской советологии внесли также Д. Даллин, М. Флоринский, Г. Флоровский, Р. и С. Якобсоны, Н. Ясный, Н. Тимашев и А. Ярмолинский.

Западные исследователи часто основывали свой анализ советской действительности на теории тоталитаризма, хотя позднее этот подход подвергся критическому переосмыслению. С. Коэн в своем труде "Переосмысливая советский опыт" подчеркивал, что советология конца 1940-х — начала 1960-х годов, развиваясь как динамичная область американской науки, испытывала сильное влияние холодной войны, что привело к формированию "консервативного согласия" в понимании развития от большевизма к сталинизму [94, 86]. Идеологическое влияние на исследования было неизбежным следствием послевоенного геополитического противостояния между СССР и западными странами.

Политизация советологии проявлялась в нескольких аспектах. Во-первых, выбор тем исследований часто диктовался актуальными политическими интересами США и других западных стран. Исследователи концентрировались на вопросах, связанных с военным потенциалом СССР,

его внешней политикой и возможными угрозами для западного мира. Во-вторых, интерпретация исторических событий и современных процессов в Советском Союзе нередко осуществлялась через призму идеологического противостояния.

Финансирование исследований также играло значительную роль в политизации советологии. Как отмечалось ранее, университеты и исследовательские институты получали гранты не только от частных фондов, но и от правительственных организаций, включая ЦРУ. Это создавало определенные ожидания относительно результатов исследований и их практической применимости в контексте холодной войны.

Политизация советологии была обусловлена не столько намеренным искажением фактов, сколько идеалистическими убеждениями самих исследователей. По наблюдению С. Коэна, университетские советологи 1940-1950-х годов руководствовались не циничными соображениями, а искренней обеспокоенностью коммунистической угрозой [94, 40].

Методологический фундамент советологии того периода во многом определялся политическим контекстом, что выразилось в преобладании тоталитарной модели анализа. Как отмечали Дж. Гетти и Р. Мэннинг, сочетание антисоветской риторики политиков, воспоминаний жертв режима и ограниченного доступа к советским источникам создавало образ монолитной диктатуры, основанной на терроре. В условиях доступной тогда информации тоталитарная концепция представлялась наиболее логичным и научно обоснованным подходом [97, 1].

Политическая ангажированность исследований проявлялась с обеих сторон: советские историки жестко критиковали западную "буржуазную" историографию, обвиняя ее в преднамеренном искажении истории СССР в интересах капиталистических государств.

К 1970-м годам тоталитарная модель начала терять свои позиции. С. Коэн в работе "Переосмысливая советский опыт" констатировал кризис советологии, отмечая, что исследования в этой области стали интеллектуально истощенными, ограничиваясь повторением и расширением давно установленных положений [94, 86]. В качестве альтернативы он предложил ревизионистский подход, свободный от "советофобии" и открытый для различных интерпретаций сложного советского опыта.

Критика тоталитарной модели была связана с осознанием ее ограниченности в объяснении сложных социальных, экономических и культурных процессов в СССР. Исследователи начали обращать внимание на многообразие форм взаимодействия между властью и обществом, на существование различных групп интересов внутри советской системы, на роль неформальных практик и повседневной жизни советских людей.

В то время как западная советология переживала трансформацию, советская историография развивалась в рамках собственных идеологических основ. Советская историческая наука базировалась на марксистской теории исторического процесса, которая рассматривала историю как борьбу классов.

Согласно этому подходу, движущей силой исторического развития является противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми классами.

Используя классовый подход, советские историки делили общество на враждебные классы - буржуазию и пролетариат. Они считали, что буржуазные историки выражают интересы эксплуататорских классов и поэтому не могут объективно освещать историю. В противовес этому, советские историки позиционировали себя как выразителей интересов трудящихся масс и рабочего класса.

Советские историки подвергали резкой критике западную, или "буржуазную", историографию, обвиняя её в искажении истории СССР в угоду идеологическим интересам капиталистических стран. Они утверждали, что западные историки намеренно фальсифицируют факты, чтобы очернить советский строй и оправдать антикоммунистическую политику. Критике подвергались такие аспекты буржуазной историографии, как преувеличение роли репрессий, игнорирование достижений советской власти и неприятие марксистско-ленинской методологии.

Победа пролетариата в Октябрьской революции 1917 года рассматривалась советскими историками как закономерный результат классовой борьбы. Это положение было ключевым в советской историографии и служило основой для интерпретации всех последующих событий советской истории.

Идеологические основы советской историографии накладывали существенные ограничения на исследовательскую деятельность. Многие темы оказывались под запретом или подвергались жесткой цензуре. Интерпретация исторических событий должна была соответствовать официальной идеологической линии, что часто приводило к упрощению сложных исторических процессов и игнорированию фактов, не вписывающихся в марксистско-ленинскую схему.

Кризис советологии, наметившийся в 1970-х годах, был обусловлен рядом факторов, связанных как с внутренними проблемами дисциплины, так и с изменениями в геополитической обстановке. Одной из главных причин кризиса стало накопление противоречий в интерпретации советской действительности. Доминирование тоталитарной модели, которая долгое время считалась наиболее адекватным объяснением советской системы, стало подвергаться сомнению. Исследователи начали осознавать, что эта модель не может полностью объяснить сложные социальные, экономические и культурные процессы, происходившие в СССР.

Кроме того, идеологическое давление и политизация исследований, характерные для периода холодной войны, стали вызывать все большее неприятие в академических кругах. Многие ученые стремились к более объективному и независимому анализу советской действительности, выходящему за рамки устоявшихся идеологических схем.

Ревизионистский подход стремился к более нюансированному пониманию советской истории. Он обращал внимание на такие аспекты, как

социальная мобильность в советском обществе, роль неформальных практик, взаимодействие между властью и обществом на различных уровнях. Ревизионисты критиковали упрощенное представление о тоталитарном характере советской системы и стремились показать ее сложность и противоречивость.

Значение ревизионистского подхода заключалось в том, что он открыл новые перспективы для исследования советской истории. Он способствовал расширению тематики исследований, применению новых методологических подходов, более активному использованию архивных материалов и устных источников.

Стремление к объективности и независимости в научных исследованиях стало важной тенденцией в развитии советологии в 1980-е годы. Это проявлялось в попытках деполитизации научных исследований в СССР и на Западе. Некоторые ученые начали открыто критиковать идеологическое давление и призывать к более свободному научному поиску.

В СССР эти тенденции проявились в публикациях, которые ставили под сомнение официальные нарративы и предлагали альтернативные интерпретации советской истории. В 1980-х годах, с ослаблением контроля со стороны государства, некоторые исследователи начали активно участвовать в международных конференциях и обменах, что способствовало расширению горизонтов научного общения и обмену идеями.

На Западе стремление к объективности выразилось в более критическом подходе к источникам и методам, использовавшимся в прошлом. Исследователи стали уделять больше внимания контексту создания документов, анализу дискурсивных практик, изучению повседневной жизни советских людей.

Стремление к объективности и деполитизации исторической науки сталкивалось с объективными ограничениями. Проницательное замечание А. Тойнби подчеркивает универсальную закономерность: исторические исследования, как и любая другая социальная деятельность, неизбежно отражают доминирующие тенденции своего времени [98, 14], что делает полную независимость от современного контекста практически недостижимой целью.

Тем не менее, кризис советологии и последовавшие за ним попытки деполитизации исследований привели к значительным изменениям в изучении советской истории. Они способствовали развитию более разнообразных и комплексных подходов к анализу советского опыта, что стало особенно важным после распада СССР, когда появился доступ к новым источникам и возможность более свободного обсуждения ранее табуированных тем.

Современные подходы к изучению советского периода характеризуются значительным развитием междисциплинарных исследований советской истории и культуры, а также появлением новых перспектив в изучении Центральной Азии и Казахстана в постсоветский период. Эти тенденции

отражают глубокие изменения в методологии и фокусе исторических исследований, которые произошли после распада СССР.

Развитие междисциплинарных исследований советской истории и культуры стало ответом на потребность в более комплексном и многогранном понимании советского опыта. Зарубежные историки отмечают, что такой подход позволяет преодолеть ограничения традиционной историографии и открыть новые аспекты советской действительности. Междисциплинарность проявляется в сочетании методов и подходов различных гуманитарных и социальных наук, включая историю, социологию, антропологию, культурологию и политологию.

Одним из ключевых направлений междисциплинарных исследований стал анализ повседневной жизни и культурных практик в СССР. Этот подход, сочетающий исторический и антропологический методы, позволяет раскрыть аспекты советской жизни, которые часто оставались за рамками официальных документов и традиционных исторических нарративов. Исследователи обращаются к таким темам, как бытовая культура, неформальные социальные связи, практики потребления и досуга, что дает более полное представление о реалиях советского общества.

Другим важным направлением стало изучение взаимодействия власти и общества, сочетающее методы политологии и социологии. Этот подход позволяет анализировать сложные механизмы функционирования советского государства, выходя за рамки упрощенных представлений о тоталитарном контроле. Исследователи рассматривают такие аспекты, как неформальные практики управления, стратегии адаптации населения к государственной политике, формы сопротивления и согласия.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется трансформации ценностей и идентичностей в постсоветский период. Этот аспект особенно важен для понимания социокультурных процессов в странах бывшего СССР, включая республики Центральной Азии и Казахстан. Сочетание культурологического и социологического анализа позволяет проследить, как советское наследие взаимодействует с новыми социальными и культурными реалиями.

Распад СССР открыл новую страницу в исследованиях Центральной Азии и Казахстана. После 1991 года западное центральноазиоведение преодолело ограничения советологических подходов времен холодной войны, что создало уникальные возможности для международного научного сотрудничества.

Значительную роль в развитии современных исследовательских подходов сыграл междисциплинарный журнал "Central Asian Survey" (CAS). Как пишет М. Акулов, история этого издания, отметившего 40-летний юбилей, наглядно иллюстрирует эволюцию центральноазиатских исследований. Журнал, тесно сотрудничающий с Обществом центрально-евразийских исследований (CESS), был создан в ответ на тревожные политические и военные события в регионе, о чем прямо заявлялось в его первом выпуске [99,

8]. На страницах "Central Asian Survey" публикуются работы ведущих специалистов по Центральной Азии, что позволяет проследить трансформацию методологических подходов к изучению региона. Тематическое разнообразие публикаций отражает как масштабные геополитические изменения, так и существенную эволюцию теоретических подходов в социально-гуманитарных науках.

Новые перспективы в изучении Центральной Азии и Казахстана характеризуются более комплексным подходом к анализу исторических, политических, культурных и экономических процессов в регионе. Исследователи стремятся преодолеть ограничения прежних парадигм, которые часто рассматривали регион через призму российского или советского влияния, и обратиться к изучению локальных особенностей и внутренней динамики развития центральноазиатских обществ.

Важным аспектом новых подходов является более глубокое внимание к вопросам идентичности, национального строительства и культурной трансформации в постсоветский период. Исследователи анализируют, как страны региона переосмысливают свое историческое наследие, формируют новые национальные нарративы и адаптируются к вызовам глобализации.

Анализ идеологических аспектов и их влияния на культурные исследования Казахстана советского периода демонстрирует сложный путь трансформации, который прошла зарубежная историография во второй половине XX - начале XXI веков. Эта эволюция была обусловлена рядом факторов, включая изменение геополитической ситуации и преодоление идеологических ограничений, характерных для эпохи холодной войны.

Развитие советологии как академической дисциплины в послевоенный период было тесно связано с политическим контекстом противостояния между Западом и Советским Союзом. Это привело к доминированию тоталитарной модели в интерпретации советской действительности, которая часто упрощала сложные социокультурные процессы, происходившие в СССР и его республиках, включая Казахстан. Однако уже с 1960-х годов началось постепенное переосмысление методологических подходов, что привело к появлению более нюансированных и критических исследований.

Кризис советологии, наметившийся в 1970-х годах, стал важным этапом в развитии зарубежных исследований культуры Казахстана советского периода. Он способствовал формированию новых подходов, стремящихся к большей объективности и независимости от идеологических установок. Ревизионистское направление в советологии открыло новые перспективы для изучения советской истории и культуры, обратив внимание на такие аспекты, как социальная мобильность, роль неформальных практик, взаимодействие между властью и обществом на различных уровнях.

Распад СССР стал поворотным моментом в развитии зарубежных исследований культуры Казахстана. Он открыл беспрецедентные возможности для международного научного сотрудничества и обмена идеями между исследователями из разных стран. Это привело к значительному

расширению источниковой базы и развитию новых методологических подходов. Современные исследования характеризуются междисциплинарностью, сочетая методы истории, антропологии, социологии, культурологии и политологии.

Важной тенденцией в современных зарубежных исследованиях культуры Казахстана советского периода стало стремление к более объективному и нюансированному пониманию исторических процессов. Исследователи стремятся учитывать как влияние советской системы, так и локальные особенности развития казахского общества. Это проявляется в возросшем внимании к вопросам идентичности, национального строительства и культурной трансформации.

Особое значение приобрел анализ взаимодействия традиционных и модернизационных элементов в культуре Казахстана советского периода. Исследователи обращаются к таким темам, как влияние советской модернизации на традиционные культурные практики, формирование новых форм идентичности, роль национальной интеллигенции в культурных процессах.

Преодоление ограничений ранних советологических парадигм открыло новые возможности для изучения культурных процессов в Казахстане. Это способствовало формированию более сбалансированного взгляда на советское наследие и его роль в современном развитии казахстанской культуры. Исследователи стремятся выйти за рамки упрощенных дихотомий "тоталитаризм vs. свобода" или "традиция vs. модернизация", обращаясь к более сложным моделям анализа культурных трансформаций.

Современные зарубежные исследования культуры Казахстана советского периода характеризуются также большим вниманием к повседневной жизни и культурным практикам. Этот подход позволяет раскрыть аспекты советской действительности, которые часто оставались за рамками официальных документов и традиционных исторических нарративов. Анализ бытовой культуры, неформальных социальных связей, практик потребления и досуга дает более полное представление о реалиях советского Казахстана.

Важным аспектом современных исследований стало изучение трансформации ценностей и идентичностей в постсоветский период. Это позволяет проследить, как советское культурное наследие взаимодействует с новыми социальными и культурными реалиями в независимом Казахстане.

2 ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.1 Трансформация культуры Казахстана в контексте советского влияния: взгляд зарубежных историков

Анализ работ зарубежных исследователей показывает, что культура Казахстана советского периода не становилась самостоятельным предметом изучения - она рассматривалась преимущественно в общем контексте культурных процессов Центральной Азии. Это создает определенные сложности при выявлении специфики культурной трансформации именно казахского общества.

В центре внимания зарубежных историков находились прежде всего вопросы идеологии и политики (концепция "советского человека"), языковой политики, трансформации литературы. При этом такие важные аспекты культурной жизни Казахстана как развитие театра, кино, изобразительного искусства, музыкальной культуры практически не получили освещения в их работах. Можно констатировать определенную односторонность и тематическую ограниченность зарубежных исследований.

Интерпретация культурных процессов в работах западных историков 1950-1980-х годов несет явный отпечаток идеологии холодной войны. Это проявляется прежде всего в упрощенном, прямолинейном понимании советской национальной политики и концепции "советского человека". Многие авторы того периода рассматривали культурную политику СССР исключительно через призму русификации и подавления национальных культур, игнорируя сложную диалектику взаимодействия советского и национального в культурном развитии народов СССР.

Тем не менее, зарубежная историография внесла важный вклад в понимание ряда аспектов культурной трансформации Казахстана советского периода. Особенно ценным представляется анализ противоречий между модернизационными процессами и сохранением традиционных культурных форм, исследование эволюции литературной традиции, а также внимание к демографическим процессам как фактору культурных изменений.

Концепция "советского человека" занимала центральное место в идеологической доктрине СССР и, согласно трудам зарубежных историков в советский период, являлась ключевым аспектом советской национальной политики в Центральной Азии. Эта концепция предполагала создание нового типа личности, свободной от прошлого, счастливой и полностью преданной идеалам коммунизма.

В своем анализе советской национальной политики Александр Беннигсен и Мари Броксап подчеркивают, что концепция "советского человека" предполагала полную культурную гомогенизацию населения СССР. Они указывают, что конечной целью было создание общества, где "не будет

духовных, интеллектуальных или даже физических различий между русскими и узбеками, эстонцами и киргизами, они будут разделять одну и ту же культуру, верить в один и тот же марксизм-ленинизм, есть одну и ту же пищу и обожать одних и тех же правителей" [28, 3]. Такой подход фактически означал стремление к полному нивелированию национальных особенностей народов Советского Союза.

Однако зарубежные исследователи подвергли эту концепцию критическому анализу, указывая на ее противоречия и несоответствие реальности. В частности, они обращали внимание на то, что, несмотря на декларируемое равенство всех народов СССР, русская культура и язык фактически занимали доминирующее положение.

Элен Каррер д'Анкокс подчеркивает, что большевики, включая Ленина, изначально руководствовались двумя основными убеждениями: социалистическое государство должно быть унитарным, а пролетарский интернационализм не должен оставлять места для национальных различий и стремлений. Однако реальность, возникшая после революции 1917 года, вынудила их создать федеративное государство, признающее существование наций [100, 39].

Исследователи из-за рубежа обращают внимание на существовавший в СССР парадокс: при декларируемом равенстве всех народов, официальная идеология последовательно выделяла особую роль русской нации. Майкл Ривкин приводит показательное высказывание Сталина на праздновании победы в 1945 году: "Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа... и прежде всего за здоровье русского народа. Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является самым выдающимся из всех наций, входящих в состав Советского Союза" [47, 112].

Концепция русского народа как "старшего брата" сохранилась и в послесталинский период. В подтверждение этого Ривкин цитирует московское издание 1972 года: "Нет, не было и, вероятно, не будет другой нации [этнической группы] в мире, которая, подобно русскому народу, трудилась и трудится для всех народов СССР, и не только СССР" [47, 103]. Подобные формулировки наглядно демонстрируют устойчивость идеи русского превосходства в советской национальной политике.

Зарубежные исследователи указывают на то, что концепция "советского человека" на практике часто вступала в противоречие с реальными национальными чувствами и культурными особенностями народов Центральной Азии. Они отмечают, что, несмотря на официальную идеологию, многие представители центральноазиатских народов сохраняли свою национальную идентичность и культурные традиции.

Зарубежные историки второй половины XX - начала XXI веков отмечают значительную эволюцию взглядов на роль России как "старшего брата" в советской идеологии и переоценку российского завоевания Центральной Азии в советской историографии. Эти изменения отражают

сложную динамику отношений между центром и национальными республиками в контексте советской национальной политики.

Исследователи указывают, что концепция России как “старшего брата” начала формироваться еще в ранние годы советской власти. Майкл Ривкин приводит слова Зиновьева, произнесенные в 1922 году: “Мы не можем обойтись без нефти Азербайджана или хлопка Туркестана. Мы берем эти необходимые нам продукты не как бывшие эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации” [48, 154]. Эта риторика отражала стремление большевиков представить свою политику как прогрессивную и цивилизаторскую миссию.

С приходом к власти Сталина роль России как “старшего брата” стала еще более подчеркиваться. Тереза Раковска-Хармстоун цитирует М. Курбанова, председателя Совета народных комиссаров Таджикистана, который в 1946 году заявил: “Трудящиеся Таджикистана никогда не забудут великой помощи, которую оказал им великий русский народ, великий русский народ, который является первым среди народов Советского Союза и старшим братом их всех” [46, 88].

Параллельно с эволюцией концепции “старшего брата” происходила и переоценка российского завоевания Центральной Азии в советской историографии. Джеффри Уилер описывает этот процесс как последовательную смену трех интерпретаций: от “абсолютного зла” через “меньшее зло” к “абсолютному благу” [101, 80].

Уилер иллюстрирует эту эволюцию на примере изменения оценки восстания Кенесары Касымова в казахской историографии. В издании 1943 года это восстание описывалось как “кульминационная точка и синтез всех последующих движений”, отражающих “свободолюбивый и боевой дух казахского народа, который нелегко было разлучить с его национальной независимостью”. Однако в издании 1957 года то же самое восстание характеризовалось как “реакционное феодально-монархическое движение, которое тянуло казахский народ назад к укреплению патриархальных и феодальных условий, к восстановлению средневекового ханского правления и к изоляции Казахстана от России и русского народа” [101, 80].

Зарубежные исследователи интерпретируют эти изменения как отражение более широких тенденций в советской национальной политике. Первоначальное признание негативных аспектов российского завоевания соответствовало ранней большевистской риторике о борьбе с империализмом. Последующий переход к концепции “меньшего зла” отражал прагматичный подход, признающий сложность исторического процесса. Наконец, интерпретация завоевания как “абсолютного блага” соответствовала усилению роли России как “старшего брата” и стремлению подчеркнуть позитивное влияние русской культуры на народы Центральной Азии.

Зарубежные историки второй половины XX - начала XXI веков отмечают глубокие изменения в литературной традиции Центральной Азии под влиянием советской культуры. Эта трансформация характеризуется

переходом от богатой устной эпической традиции к письменной литературе, основанной на принципах социалистического реализма.

Марк Дикенс подчеркивает, что Центральная Азия исторически обладала богатым литературным наследием, в котором особое место занимала устная литература. Это было обусловлено высоким уровнем неграмотности в регионе. Устная литература играла ключевую роль в сохранении истории и культуры народов Центральной Азии. Регион славился своими длинными устными эпическими поэмами [102, 14].

Первоначально, как отмечают исследователи, приход русских не оказал существенного влияния на литературную традицию Центральной Азии. Однако присутствие русской культуры часто вызывало литературную оппозицию. Дикенс приводит пример туркменского поэта Кор Муллы, который выражал обеспокоенность влиянием русских на веру своего народа: “Если эта [русская] нация останется среди нас надолго, она мало-помалу отделит наш народ от веры!” [102, 14].

Ситуация кардинально изменилась с установлением советской власти. Зарубежные историки отмечают, что по мере роста грамотности и развития национальных языков, писатели были вынуждены следовать советской литературной доктрине социалистического реализма. Эта доктрина требовала, чтобы литература была реалистичной, обращенной к массам, оптимистичной и соответствовала партийной линии.

Одним из наиболее значительных изменений стало отношение к традиционным эпосам. Дикенс указывает, что такие эпические произведения, как “Манас” и “Алпамыш”, были осуждены и запрещены из-за их “феодалного содержания”, хотя позже они были реабилитированы [102, 14]. Это свидетельствует о сложном и противоречивом процессе трансформации литературной традиции в советский период.

Русские авторы, особенно Максим Горький, основоположник социалистического реализма, стали образцами для подражания центральноазиатских писателей. Шараф Рашидов, бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана, так характеризовал влияние русской литературы на узбекских писателей: “Русская литература с ее революционными традициями, глубокой любовью к человечеству и ее истинно народным духом считается настоящим университетом, где узбекские писатели приобретают свое литературное мастерство” [102, 14].

Особенно ярко влияние советской культуры проявилось в сталинскую эпоху. Дикенс приводит пример сталинского лауреата, поэта Мирзо Турсунзаде, который в 1946 году писал: “Великий героический русский народ - это народ-орел; Их полет так высок! Вы дали нам крылья, вы дали нам силу, Вы воспитали в нас орлиную гордость... И мой таджикский народ теперь навсегда соединился с вами” [102, 15]. Эти строки отражают не только влияние русской литературной традиции, но и идеологические требования эпохи.

Зарубежные исследователи отмечают, что переход от устной эпической традиции к социалистическому реализму был сложным и неоднозначным

процессом. С одной стороны, он способствовал развитию письменной литературы на национальных языках и расширению литературных горизонтов центральноазиатских авторов. С другой стороны, этот переход часто сопровождался утратой традиционных форм и тем, а также ограничением творческой свободы писателей.

Зарубежные историки второй половины XX - начала XXI веков отмечают значительное влияние русской литературы на творчество центральноазиатских писателей, а также последующее возрождение интереса к тюркскому наследию в постсталинский период. Эти процессы отражают сложную динамику культурного взаимодействия и поиска идентичности в контексте советской реальности.

Влияние русской литературы на центральноазиатских авторов было многогранным и глубоким. Марк Дикенс указывает, что русские писатели, особенно Максим Горький как основоположник социалистического реализма, стали образцами для подражания. Шараф Рашидов, бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана, подчеркивал роль русской литературы в формировании узбекских писателей: “Русская литература с ее революционными традициями, глубокой любовью к человечеству и ее истинно народным духом считается настоящим университетом, где узбекские писатели приобретают свое литературное мастерство” [102, 14].

Зарубежные исследователи отмечают, что влияние русской литературы не ограничивалось только стилистическими аспектами. Оно также способствовало расширению тематического диапазона центральноазиатской литературы, включению в нее новых идей и концепций, связанных с социалистической идеологией и модернизацией общества.

Однако после смерти Сталина ситуация начала меняться. Дикенс указывает на возрождение интереса к тюркскому наследию среди центральноазиатских авторов в постсталинский период. Этот процесс характеризовался возвращением к традиционным темам и появлением критики советской политики в литературных произведениях.

Примером этой тенденции может служить роман узбекского автора Мамадали Махмудова “Олмас Каялар” (Бессмертные скалы), в котором изображены мусульманские герои, сопротивляющиеся российскому завоеванию. Дикенс отмечает, что этот роман был официально осужден [102, 15]. Это свидетельствует о том, что возрождение интереса к тюркскому наследию часто вступало в противоречие с официальной идеологией.

Другим примером является анализ киевского эпоса “Слово о полку Игореве”, проведенный Олжасом Сулейменовым, который подчеркивал тюркские влияния в этом произведении. Дикенс указывает, что эта работа подверглась резкой критике со стороны Академии наук СССР [102, 15]. Это показывает, что попытки переосмысления культурного наследия и подчеркивания тюркских корней встречали сопротивление со стороны официальных институтов.

Зарубежные историки отмечают, что даже признанные писатели, такие как киргизский автор Чингиз Айтматов, обращались к этим темам. В романе “И дольше века длится день” Айтматов затрагивает вопросы принудительной коллективизации и сталинских чисток через историю казаха, пытающегося похоронить своего друга по мусульманскому обычаю. Дикенс подчеркивает, что Айтматов акцентировал важность памяти о прошлом и тюркской гордости [102, 15].

На мой взгляд, реакция советских академических кругов на исследования Сулейменова отражает глубокие противоречия в подходе к изучению истории и культуры. С одной стороны, была официальная линия, направленная на унификацию и контроль над историческим дискурсом, с другой — потребность народов в осмыслении собственного культурного наследия. Позиция Сулейменова подчеркивает важность признания мультикультурности и многонациональности в формировании исторических памятников, что актуально и в современном контексте переоценки истории.

Считаю, что творчество Айтматова играет существенную роль в сохранении культурной памяти и национальной идентичности. Его произведения позволяют глубже понять переживания и сопротивление народов Центральной Азии в период репрессий и насильственной модернизации. Отражая тяготы и надежды своего народа, Айтматов способствует диалогу между культурами и поколениями, что является ценным вкладом в общее понимание исторических процессов.

Таким образом, анализ работ зарубежных историков показывает сложную динамику культурных процессов в Центральной Азии. Влияние русской литературы, доминировавшее в сталинскую эпоху, способствовало развитию новых форм и тем в творчестве центральноазиатских писателей. Однако в постсталинский период наблюдается возрождение интереса к тюркскому наследию, что отражает стремление к переосмыслению культурной идентичности.

Эти процессы свидетельствуют о постоянном поиске баланса между усвоением элементов советской культуры и сохранением национальной идентичности. Возрождение интереса к тюркскому наследию можно интерпретировать как форму культурного сопротивления и попытку восстановления связи с досоветским прошлым. В то же время, эти тенденции показывают, что влияние русской литературы не привело к полному вытеснению национальных культурных традиций, а скорее способствовало формированию сложной и многогранной литературной сцены в Центральной Азии.

Зарубежные историки второй половины XX века обращают особое внимание на демографические процессы в Центральной Азии. Этот феномен, по их мнению, представляет собой одну из ключевых тенденций в регионе, оказывающую значительное влияние на социально-политическую ситуацию в СССР.

Кристофер Добсон отмечает, что в основе проблемы лежит факт значительно более высокой рождаемости среди народов Центральной Азии по сравнению с так называемыми белыми русскими. Этот процесс имел серьезные демографические последствия. Согласно данным переписи населения СССР 1979 года, с 1970 года население Таджикистана и Узбекистана увеличилось на 30%, что почти в пять раз превышало темпы роста населения в Российской Республике [103, 45].

Добсон приводит прогнозы, согласно которым к концу XX века мусульмане должны были составить 20% от общей численности советского населения по сравнению с 15% в 1980 году, в то время как доля славян должна была снизиться с 53% до 46% или даже меньше. Эти демографические изменения имели далеко идущие последствия, в том числе для вооруженных сил СССР. По оценкам исследователей, к 1995 году от четверти до трети всех призывников должны были составлять выходцы из мусульманских регионов [103, 45].

Майкл Ривкин подчеркивает, что эти демографические тенденции имели серьезные политические последствия. Он отмечает, что если мусульмане Центральной Азии проявляют нежелание, а европейские поселенцы демонстрируют растущую склонность к эмиграции из региона, то широко распространенная коренизация (индигенизация) центральноазиатских республик, которая уже происходит в результате высокой рождаемости среди мусульман, может только ускориться. Это, по мнению Ривкина, должно было увеличить политическое значение советских мусульман и республик, в которых они проживают, в рамках более широкой политической системы СССР [104, 12].

Зарубежные исследователи отмечают, что демографические изменения в Центральной Азии оказывали влияние на различные аспекты жизни общества, включая сферу образования и занятости. Дэвид Монтгомери описывает ситуацию, когда некоторые советские европейцы не могли принять тот факт, что узбеки были квалифицированными специалистами, и приписывали их трудоустройство на высоких должностях взяткам и другим коррупционным практикам. Он приводит примеры слухов о том, что якобы большие бонусы за урожай хлопка использовались для “покупки” поступления неквалифицированных узбеков в медицинские и другие типы высших учебных заведений [105, 166].

Расмма Карклинс описывает ситуацию межэтнической напряженности в Казахстане, где казахские студенты требовали увеличения представительства своего народа в университетах, аргументируя это тем, что “это их земля”. Она приводит свидетельства о конфликтах, в ходе которых студенты кричали, что русские должны покинуть Казахстан, и даже о случаях физического насилия [106, 107].

Анализ зарубежной историографии культуры Казахстана советского периода позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, очевидна необходимость более детального и специализированного изучения

культурных процессов именно в Казахстане, без растворения их в общем контексте Центральной Азии. Во-вторых, требуется расширение тематического спектра исследований, включение в поле зрения таких малоизученных аспектов как развитие театра, кино, изобразительного искусства. В-третьих, современные исследования должны преодолеть ограниченность и идеологическую предвзятость работ периода холодной войны, предложив более сбалансированный взгляд на взаимодействие советского и национального в культурном развитии Казахстана.

Вместе с тем, нельзя не отметить значительный вклад зарубежных историков в разработку методологии изучения культурных трансформаций, в выявление ключевых противоречий культурного развития советского Казахстана, в анализ взаимосвязи демографических и культурных процессов. Эти достижения сохраняют свою актуальность и могут быть продуктивно использованы в современных исследованиях.

Демографические изменения, рассматриваются как важный фактор, влияющий на социально-политическую ситуацию в СССР. Более высокие темпы роста населения в Казахстане по сравнению с европейской частью СССР создавали новые вызовы для советской системы, включая изменение этнического баланса в вооруженных силах и сфере образования. Эти процессы, по мнению зарубежных историков, способствовали усилению межэтнической напряженности и создавали потенциал для социальных и политических конфликтов.

Особое внимание в исследованиях уделяется противоречиям между советской модернизацией и стремлением к сохранению национальной идентичности казахского народа. Зарубежные историки интерпретируют эти противоречия как ключевой фактор, определивший долгосрочные последствия советского влияния на Казахстан. С одной стороны, советская власть способствовала модернизации, повышению уровня образования и экономическому развитию. С другой стороны, эти процессы часто сопровождались подавлением национальных культур и традиций, что вызывало сопротивление и стремление к сохранению культурной самобытности.

Зарубежные исследователи также обращают внимание на эволюцию официальной интерпретации исторических событий, в частности, оценки российского завоевания Центральной Азии. Эти изменения в историографии отражали более широкие тенденции в советской национальной политике и демонстрировали сложность взаимоотношений между центром и национальными республиками.

Анализ работ зарубежных историков показывает, что трансформация культуры Казахстана в советский период привела к формированию уникального культурного ландшафта, сочетающего элементы советской модернизации и традиционных ценностей. Этот синтез, по мнению зарубежных исследователей, продолжает играть важную роль в формировании

постсоветской идентичности казахского народа и определяет современные культурные и социально-политические процессы в Казахстане.

Изучение этих процессов имеет важное значение не только для понимания исторического развития Казахстана, но и для осмысления современных вызовов, стоящих перед страной. Оно помогает понять истоки многих современных социально-политических процессов и культурных явлений, а также предоставляет ценную перспективу для анализа текущих тенденций в развитии казахстанского общества.

В целом, зарубежная историография рассматривает трансформацию культуры Казахстана советского периода как сложный и противоречивый процесс, который нельзя оценивать однозначно. Влияние советской культуры было глубоким и всеобъемлющим, но оно не привело к полному вытеснению национальной идентичности. Напротив, это влияние привело к формированию уникальной культурной среды, в которой элементы советской и национальной культур переплетались, создавая новые формы и смыслы. Эта сложная культурная динамика продолжает оказывать влияние на современный Казахстан, определяя его культурное своеобразие и пути дальнейшего развития.

2.2 Культурное сопротивление и компромисс: ислам в советском Казахстане глазами зарубежных ученых

Анализ зарубежной историографии показывает, что исследования ислама в советском Казахстане занимают относительно скромное место по сравнению с изучением других регионов Центральной Азии. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, западные исследователи часто рассматривали Казахстан как периферию мусульманского мира из-за специфики казахского ислама, его синкретического характера и менее выраженной роли исламских институтов в кочевом обществе. Во-вторых, закрытость Казахстана для зарубежных исследователей в советский период затрудняла сбор материала. В-третьих, внимание западных историков в большей степени привлекали регионы с более выраженной исламской традицией – Узбекистан, Таджикистан.

На мой взгляд, такой подход существенно обеднял понимание роли ислама в советской Центральной Азии, поскольку именно казахстанский опыт демонстрирует уникальный пример адаптации исламской традиции к условиям модернизации и секуляризации."

Особый интерес представляет освещение в зарубежной историографии вопроса о роли ислама в жизни казахской советской элиты. Западные исследователи отмечают интересный парадокс: многие видные казахские деятели, такие как Т. Рыскулов, С. Асфендиаров, активно участвовали в

советском строительстве и антирелигиозной политике, но при этом сохраняли сложное отношение к исламскому наследию.

В работах зарубежных исследователей прослеживается мысль о том, что казахские коммунистические лидеры, в отличие от представителей других регионов Центральной Азии, не пытались создать синтез ислама и коммунизма. Их путь был скорее путем секулярной модернизации с сохранением определенных элементов традиционной культуры. При этом в их личной жизни часто сохранялись традиционные обряды и обычаи, имевшие исламские корни.

Многие в своих исследованиях подчеркивает, что казахская советская элита демонстрировала особый тип отношений с исламской традицией - не столько религиозный, сколько культурно-исторический. Для них ислам был частью национального наследия, которое следовало сохранить, но не в его религиозной форме, а как элемент культурной идентичности."

Западные историки отмечают особую форму бытования ислама в советском Казахстане, где религиозные практики были тесно переплетены с народными традициями и обычаями. Это создавало своеобразный "народный ислам", который был менее уязвим для антирелигиозной политики, поскольку воспринимался не столько как религия, сколько как часть национальной культуры.

В этом контексте показательно, что в Казахстане, в отличие от других республик Центральной Азии, не сложилось влиятельное подпольное исламское движение. Западные исследователи объясняют это как особенностями казахского ислама, так и успешной интеграцией казахской элиты в советскую систему.

Западные историки отмечают, что идея несовместимости коммунизма с национализмом в теории никогда не подвергалась сомнению. Национальное рассматривалось как анахронизм, а политика СССР строилась на временных союзах с националистическими слоями общества, противостоящими советскому патриотизму. Однако западные этнологи указывают, что на практике национализм оказывался более влиятельной силой, чем марксизм: "Историческая реальность XX века делает неумолимым вывод о том, что национализм оказался намного более влиятельной силой, чем марксизм" [108, 148]. Они подчеркивают зависимость коммунистического режима от национализма среди религиозных меньшинств.

Методология советологических исследований выявляет, что большевики для привлечения поддержки использовали национал-коммунистов, которые пытались примирить коммунизм с исламом: "Большевики использовали для привлечения в ряды партии многих так называемых национал-коммунистов" [109, 383]. Эти национал-коммунисты стремились к автономии и сохраняли влияние на политику до 1923 года, а затем на протяжении следующего десятилетия. Исследования показывают, что сотрудничество националистов с большевиками, организованными по олигархическому принципу, вело к установлению тотальной диктатуры.

Историки также подчеркивают, что национальные лидеры, включая казахов, стремились к сотрудничеству, мотивированные идеей просветительства со стороны России. Это выразилось в защите географической целостности региона и права на сохранение кочевнической экономики: “Классически национальная общность ассоциируется с ее устремлениями к сбережению географической целостности региона” [110, 293]. Развитие казахского национализма происходило на фоне контактов с более продвинутым обществом, что укрепляло их культурное наследие и общую историю.

Западные историки отмечают, что пролонгация альянса между советскими властями и национальными лидерами региона была проблематичной из-за разницы политических акцентов и социального происхождения сторон. Мусульманские лидеры, такие как Т. Рыскулов и М. Султан-Галиев, видели в Советах возможность получения независимости и освобождения ислама от империализма. Однако большевистское правительство на местах систематически отстраняло «националов» от руководства: “Установление советской власти на южных окраинах бывшей царской империи было чисто русским делом” [111, 45].

А. Беннигсен и Э. Уимбуш в своей монографии отмечают, что мусульманская элита Центральной Азии выдвинула доктрину “мусульманского национал-коммунизма”, отвергая классовую борьбу и интернационализм, стремясь создать автономные коммунистические партии и национальные военные союзы: “Формирование самостоятельных или автономных коммунистических партий и национальных военных союзов”. Этот проект виделся “без русских, с минимальным присутствием русских или с русскими в подчиненном положении” [27, 123-124].

Противоречия между большевизмом и мусульманским национал-коммунизмом привели к политическим чисткам и уничтожению местных партийных кадров. Западные историки также подчеркивают несоответствие религиозности народов Центральной Азии и воинствующего атеизма большевиков. Антисоветские повстанческие движения, такие как басмаческое восстание, продемонстрировали отказ мусульманских масс признать русское присутствие и безбожный коммунизм. В произведениях туркестанских и кавказских коммунистических лидеров, таких как Т. Рыскулов, можно найти восхищение антагонистами: “Басмачи олицетворяли подлинную героическую традицию чистой и неподдельной преданности исламу” [112, 25].

Западные историки отмечают, что Сталин обвинял своих мусульманских товарищей, таких как Т. Рыскулов и М. Султан-Галиев, за их пробасмаческие симпатии: “Сталин был недалеко от истины, когда винил своих мусульманских товарищей” [113, 215]. Эти лидеры региона, сочетая идеи мусульманского социализма и национального самоопределения, способствовали политизации ислама в 20-30-х годах. Мусульмане Центральной Азии начали связывать свою национальность с исламом, что усложняло интеграцию в советскую систему.

Исследователи А. Беннигсен и Э. Уимбуш подчеркивают, что мусульманская элита Центральной Азии выдвинула свою доктрину, отвергая классовую борьбу и интернационализм, стремясь создать автономные коммунистические партии: “Формирование самостоятельных или автономных коммунистических партий” [27, 67]. Эти противоречия привели к политическим чисткам в регионе. Религиозность усиливала национализм, способствуя эмоциональной и культурной близости между мусульманами, что обостряло их религиозное самосознание: “Ислам увеличивал тягу к национализму” [114, 122].

Религия играла ключевую роль в сохранении национальной идентичности. Ислам выступал не только как религия, но и как социально-культурная система: “Ислам является одновременно и верой, и социально-культурной системой” [115, 6]. Советское наступление на ислам, основанное на европейских моделях, воспринималось как атака на религию и национальную идентичность. Это усиливало традиционализм и национализм в Центральной Азии, превращая ислам в защитную мембрану против советского атеизма.

Западные историки отмечают, что советский план изменения идентичности мусульман в СССР включал уничтожение исламских институтов и внедрение суррогатных идентичностей: “Советский план изменения идентичности мусульман советской империи состоял из двух составляющих частей” [116, 72]. С уничтожением религиозного тождества исчезало и само представление о Центральной Азии как культурно уникальном регионе, поскольку “Ислам, будучи образом жизни и мышления, имел глубокие повседневные корни” [117, 317].

Антагонизм между советской властью и мусульманскими лидерами усиливался, что привело к открытому военному противостоянию. В 1927 году началась кампания против ислама, включавшая пропаганду и насилие: “Началась фронтальная атака на ислам как на религию” [117, 317]. Разочарование в советской власти из-за невыполненных обещаний о самоопределении способствовало массовой поддержке повстанцев среди местного населения и их духовенства: “Бунтари пользовались безграничной поддержкой массового населения” [118, 36].

Концептуальная структура западной историографии подчеркивает полную несовместимость большевизма и местного центральноазиатского тождества. Коммунизм не терпел параллельных религий, таких как ислам, который был жизненной основой Центральной Азии. Политика советского режима ориентировалась на временное объединение с национальными лидерами, с последующим их устранением. Попытки переноса российской тоталитарной модели на местную почву не увенчались успехом из-за соперничества за лидерство и вмешательства в процессы национального самоопределения, что привело к распаду СССР.

Западные историки отмечают, что Центральная Азия всегда была ассоциирована с исламом, который играл ключевую роль в жизни региона.

“Центральная Азия выступала передовой цивилизацией, цитаделью ислама” [119, 651]. Ислам в регионе измеряется не только количеством верующих, но и симбиозом национального и религиозного сознания.

Исламская религиозная идентичность оказалась устойчивой даже в условиях советского атеизма. Исследователи подчеркивают, что ислам не был просто этнической тождественностью, его невозможно было вытеснить национальной идентичностью, как это происходило в других случаях: “Методы, благодаря которым мусульмане Центральной Азии должны были отступить от ислама, нельзя назвать частью естественной социальной эволюции” [120, 7-8].

Умма, или мусульманская община, продолжала существовать как субстанция национального самосознания: “Умма среди мусульман Центральной Азии существовала до революции и уцелела до сегодняшнего дня” [121, 15]. Это объясняет феномен устойчивости исламского тождества в Центральной Азии, несмотря на все усилия Советов по его искоренению.

Западные историки отмечают, что Центральная Азия исторически принадлежала к исламской цивилизации, охватывающей территорию от северо-западной Африки до Индии. Русское завоевание превратило этот регион в далекую окраину государства. Ислам в регионе измеряется не только количеством верующих, но и симбиозом национального и религиозного сознания: “Исламское сознание играет доминирующую роль” [120, 7-8].

Западные социологи выделяют различные уровни приверженности к исламу среди советских мусульман. По классификации А. А. Беннигсена, 20% составляют убежденные верующие, 15% - “верующие по традиции”, 15% - “колеблющиеся”, 30% - “неверующие”, но соблюдающие обряды, и 20% - атеисты: “Абсолютный атеист исключается из национальной общины” [122, 37-38]. Важно отметить, что даже в условиях советского атеизма религиозные обряды, такие как обрезание, свадьба и похороны, соблюдаются почти 100% населения: “Религиозные отправления соблюдают почти 100% населения” [121, 21].

Эти данные подчеркивают социальную значимость исламского тождества в регионе, несмотря на высокий уровень секуляризации. Исламская идентичность сохранялась даже у народов, ведущих кочевой образ жизни, таких как казахи и киргизы. У казахов, например, ислам играл скорее символическую роль из-за кочевого образа жизни, который не позволял строить мечети и семинарии: “Казахская аристократия была приобщена к исламу несколько столетий назад” [110, 290].

Западные историки отмечают, что после Таласского сражения в 751 году Центральная Азия оставалась вне исламской культуры до прихода Российской империи в конце XVII века. Ислам привлекал казахов и киргизов лишь временно, и они часто обращались к нему для защиты от внешних угроз. Однако попытки местных мусульманских правителей распространить свое влияние часто встречали сопротивление: “Ислам в настоящее время

принимается только потому, что позволяет более или менее свободно выразиться «тюркскости» в социалистическом окружении» [123, 8-9].

До революции 1917 года формальная религиозность была менее выраженной среди киргизов и казахов, чем среди других народов Туркестана. Их религиозные практики часто включали элементы древних анимистических верований. Например, казахи и киргизы никогда не скрывали женщин под чадрой, кроме случаев проживания в узбекских долинах. Они были более терпимы к соблюдению религиозных обрядов и часто выражали недовольство чрезмерными поборами со стороны узбекских мулл: «Формальная религиозность была менее очевидной среди киргизов и казахов» [124, 45].

Период буржуазно-либеральных преобразований в России не привел к успешному созданию государственности на исламских принципах. Мусульманские интеллектуалы пытались сформировать единое политическое целое под знаменем ислама, но эта идея не находила широкой поддержки среди мусульманских масс, за исключением консервативных элементов.

Западные историки подчеркивают, что сохранение и воспроизводство мусульманской идентичности в Центральной Азии в советский период были обусловлены устойчивым сопротивлением государственному вмешательству. Советская власть рассматривала религию как враждебную силу и стремилась ускорить её исчезновение через пропаганду и репрессии. Однако среди ортодоксальных верующих ислам превратился в инструмент оппозиционной борьбы, несмотря на лояльность официальных религиозных лидеров к атеистическому режиму.

Западные исследователи, такие как П. Жульен, отмечают, что наблюдение за исламом в советской Центральной Азии требовало активных усилий, так как признаки религиозности были скрыты: «Нужно быть готовым перенестись в мир фантомов и постараться проникнуть внутрь этого сложного сообщества» [125, 115]. Параллельный ислам, вне контроля государства, проявлялся в форме подпольного суфизма и достиг пика к 1980-м годам. В Таджикистане, например, было зарегистрировано 30 официальных мечетей, в то время как нелегальных было не менее тысячи [126, 12].

Сталинская депортация народов усилила религиозные верования и установила крепкие религиозные связи среди депортированных этнических групп. После Второй мировой войны среди чеченцев и ингушей в Казахстане появилось суфийское братство Виз Хаджи тарика, которое изолировало себя от русских и адаптировавшихся мусульман, считая себя хранителями чистой веры [127, 57].

Западные историки отмечают, что адепты Виз Хаджи живут по строгим правилам эндогамии, что делает это братство самым популярным и развивающимся на Кавказе: «Виз Хаджи тарика является самым популярным и самым динамично развивающимся братством на Кавказе» [121, 17]. Социализация мусульманской религии в советский период была обречена на неудачу, так как государство вело ожесточенную борьбу с исламом и подавляло религиозные институты.

Ислам как народная религия не стал на сторону модернизации, но приспособился к местным традициям и коммунистическому режиму. Большинство мусульман сумели сохранить свои религиозные обряды без официальных институтов: “Формальные исламские институты и духовенство практически не нужны для соблюдения верующими основных религиозных обрядов” [126, 31]. Исламская традиция, включающая элементы шаманизма и зороастризма, оставалась глубоко укорененной и устойчивой к внешним воздействиям.

Мусульманское тождество имеет способность влиять на светскую жизнь, и при препятствиях со стороны государства религия соединяется с политикой, часто в радикальных формах. Западные исследователи подчеркивают, что ислам реагирует на социальную несправедливость, тогда как при творческом сотрудничестве с государством религиозная идентичность развивается в традиционном лоне духовного и культурного самообогащения. Ислам представляет систему цивилизационных парадигм, в то время как советское государство пыталось свести его к отжившим институтам прошлого.

Западные историки отмечают, что ислам в Центральной Азии всегда был конкурентом коммунистической идеологии. Взаимоотношения между религией и государством были сложными, поскольку социалистические преобразования привносились извне, тогда как ислам был глубоко укоренен в народной культуре.

Антирелигиозные меры включали создание антирелигиозных ячеек, которые вели пропаганду среди населения. В Таджикистане в 1981-1982 годах внедрились систему, в рамках которой группы из 10 семей ежедневно посещались врачами, учителями и другими профессионалами для ведения антиисламской пропаганды. Несмотря на административные усилия, ислам продолжал оказывать влияние на социальную жизнь, и государство не смогло полностью искоренить религиозные институты.

Хотя советская власть уничтожила многие религиозные учреждения, ислам сохранял свою значимость. К 1943 году из 25 000 мечетей, существовавших в царской империи, действовало только 1200, но это не означало полного подавления религии: “На 45 млн мусульманского населения приходилось всего 450 открытых мечетей” [121, 21]. Эти данные показывают, что, несмотря на репрессии, ислам продолжал быть важным элементом идентичности народов Центральной Азии.

Западные историки отмечают, что ислам играл важную роль в жизни народов Центральной Азии, несмотря на усилия советской власти подавить его. Ислам оставался глубоко укорененным в сознании и культуре местного населения: “Корни религии глубоко проросли в сознании местного населения Центральной Азии и в большей мере - в образе жизни” [124, 44]. Даже при официальной поддержке атеизма и борьбе с религией, “ни одна национальность не стала в своей массе атеистической” [129, 17-18].

Ислам выполнял не только религиозные, но и общественные функции, что делало его важной частью национального самосознания. Мусульмане

принадлежали не только к религии, но и к определенному социальному социуму и культуре. “Ислам взял на себя не только религиозную, но общественную и социально-культурную функции” [114, 120]. Эта гибкость позволила исламу сохранить свое влияние даже после того, как его институты были формально упразднены советским режимом.

Западная историография отмечает способность народов региона адаптировать ислам к самым жестким формам правления. “Гибкость конечного симбиоза исламских законов (шариата) и обычной практики (адата) дала народам региона глубоко прочувствованное и устойчивое сознание общинных ценностей” [124, 8]. Религия, обычаи и традиции были настолько вплетены в структуру общественной жизни, что все попытки их искоренения потерпели поражение.

Западные историки отмечают, что ислам в СССР сохранялся и трансформировался, несмотря на усилия советской власти подавить его. Для советских мусульман ислам был не только религией, но и образом жизни и культурной идентичностью, противопоставленной русским и другим пришлым народам. Религиозные обряды, такие как обрезание, свадьбы и похороны, соблюдались всеми, включая антирелигиозных пропагандистов, и оставались важной частью повседневной жизни.

К середине 80-х годов на Западе констатировалось возрождение мусульманских обычаев в их чистом виде. Молодежь соблюдала пост в месяц Рамадан, новорожденным давали мусульманские имена, а брак регистрировали через исламский “никях”. Люди жертвовали деньги на строительство мечетей, и многие чайханы служили нелегальными молитвенными домами. Это возрождение также включало культовые места, такие как комплекс Шахи-Зинда в Самарканде и Ахмед Яссауи в Казахстане, которые стали объектами паломничества [131, 593].

Ислам в СССР претерпел разные стадии политической манипуляции, начиная с либеральной позиции с 1918 по 1928 годы, периода гонений до начала Второй мировой войны, и временного облегчения с 1941 по 1960 годы. С начала 60-х до 70-х годов вновь усилилось давление, а к началу 80-х годов отношение к исламу стало более терпимым. Это смягчение политики было связано с тревогой советского правительства по поводу ситуации в Иране и Афганистане, соседствующих с центральноазиатскими республиками.

Западные историки подчеркивают, что ислам в СССР связывал советских мусульман с народами Ирана и Афганистана не только религиозными узами, но и общими этническими группами [131,107]. Первоначальный “либеральный” этап советской политики был временным компромиссом, необходимым для установления власти на национальных окраинах. Однако позже, после укрепления власти, советское руководство отказалось от компромиссов, считая ислам угрозой своим модернизационным планам: “Советское руководство... дало ясно понять, что отныне исламу не будет позволено пребывать в качестве альтернативной системы идентичности” [116, 71].

Во время Второй мировой войны наблюдалась временная передышка в репрессивной политике, поскольку поддержка мусульман стала жизненно важной для партии. В обмен на уступки духовенство стало молиться за победу и поддерживать государство. Впоследствии ислам был легализован как официальная религия значительной части советского населения, хотя деятельность духовенства оставалась под строгим контролем.

В послевоенные годы временная веротерпимость продолжалась до середины 50-х годов, когда была инициирована мощная атеистическая кампания, поддержанная Хрущевым. Эта кампания существенно сократила свободу религиозной деятельности и привела к закрытию ряда мечетей: “Принятая ЦК КПСС резолюция... инициировала в 1954 году мощную атеистическую кампанию” [124, 32-33]. К этому периоду также сложилась атеистическая национальная элита, не заинтересованная в возрождении ислама.

Западные историки отмечают, что в борьбе с исламом советская власть предпочитала идеологическую борьбу и убеждение, а не репрессии. Власти использовали ислам для распространения социалистических идей за рубежом, но внутри страны продолжали считать его угрозой коммунистической доктрине: “Ислам в СССР продолжал рассматриваться... как явление, способное подорвать изнутри ценности коммунистической доктрины” [132, 150].

Существовал явный двойной стандарт в советской политике: за пределами страны Москва рекламировала религиозную свободу советских мусульман и поддерживала национально-освободительные движения, тогда как внутри страны пыталась избавить население от влияния религии. Внутренняя контрпропаганда не имела успеха, поскольку антирелигиозные курсы часто читали русские, а не местные жители: “Такие курсы и лекции читают обычно не узбеки, а русские, в чем прослеживается провал советских усилий” [133, 154].

В итоге, нерепрессированная религия приспособилась к диктату партии, и государство было вынуждено идти на уступки. Празднование Наурыза, проведение обряда обрезания и использование советов аксакалов стали частью советской реальности: “Советская власть больше не запрещает его, разрешено проведение обряда обрезания” [134, 28]. Произошел симбиоз мусульманских традиций и коммунистических идеалов, и многие коммунистические функционеры перестали скрывать свою религиозную приверженность.

Западные историки отмечают, что религиозная терпимость позволила советским мусульманам вступать в КПСС и ВЛКСМ, что усложняло задачи органов безопасности: “Противостоять исламу было бы намного легче, если бы духовенство открыто противопоставляло религию советскому государству” [135, 50]. Ислам допускал культурный и социальный плюрализм, но запрещал структурный плюрализм внутри религиозной общины, что совпадало с коммунистической идеологией: “Ислам настаивал на равенстве всех мусульман и их ответственности перед Аллахом” [136, 31-32].

Однако полный симбиоз коммунизма и ислама был невозможен. Ислам, как мировая религия, объединял людей на основе веры и культуры, в отличие от коммунизма, который пропагандировал классовую борьбу и атеизм: “Ислам представляет собой силу, объединяющую верующих и неверующих в одну нацию” [124, 56-57]. Это противоречие подчеркивало различие между советским и мусульманским единством, что затрудняло интеграцию ислама в советскую идеологию.

Судьба ислама при советском правлении оценивается по-разному. Одни утверждают, что советский ислам превратился в “интеллектуальную пустыню”, где религия стала личным делом [137, 239]. Другие считают, что ислам сохранил свою чистоту и ортодоксальность. Третьи видят победу религиозности над атеизмом, утверждая, что мусульманские лидеры внутренне считают ислам вечным, а коммунизм временной ошибкой.

Западная историография отмечает, что с середины прошлого века понятие “регионы традиционного распространения ислама” начало восприниматься как потенциальная угроза для СССР. Это связано с тем, что исламская идентичность в Центральной Азии, Кавказе и Поволжье глубоко укоренена и выходит за рамки чисто религиозных. Угроза заключалась в обострении политической составляющей, когда исламская идентичность могла противостоять коммунистической доктрине.

Анализ зарубежной историографии второй половины XX - начала XXI веков, посвященной феномену "советского ислама" в Казахстане, раскрывает сложную и многогранную картину взаимодействия религии, национальной идентичности и советской идеологии. Западные исследователи убедительно демонстрируют, что, несмотря на жесткую антирелигиозную политику советского режима, ислам в Казахстане не только выжил, но и трансформировался в уникальный социокультурный институт, выходящий далеко за рамки чисто религиозной сферы.

Ключевым выводом зарубежных историков является выявление механизма культурного сопротивления и адаптации, который позволил казахскому народу сохранить свою религиозную и национальную идентичность в условиях советского атеистического режима. Этот механизм характеризуется высокой степенью гибкости и адаптивности казахского ислама, его способностью интегрировать элементы традиционных верований и приспосабливаться к меняющимся политическим реалиям.

Западные исследователи подчеркивают, что ислам в советском Казахстане выполнял функции, далеко выходящие за пределы религиозной практики. Он стал инструментом сохранения национальных традиций, противодействия русификации и советизации, а также фактором формирования "параллельного" гражданского общества. Это позволило исламу сохранить свое влияние на казахское общество даже в условиях жесткого государственного контроля и репрессий.

Особое внимание в западной историографии уделяется синкретическому характеру казахского ислама, сочетающего элементы

традиционных верований с исламской догматикой. Эта особенность, по мнению исследователей, стала одним из ключевых факторов, обеспечивших выживание исламской традиции в условиях советского режима. Синкретизм позволил исламу адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свою сущность и значимость для казахского народа.

Зарубежные историки отмечают, что процесс адаптации ислама к советским реалиям не был однородным и линейным. Он включал в себя периоды относительной либерализации и жестких репрессий, что требовало от верующих и религиозных лидеров постоянной корректировки стратегий выживания и сохранения религиозной идентичности. Эта динамика привела к формированию уникального феномена "советского ислама" в Казахстане, который характеризовался сложным переплетением официальных и неофициальных религиозных практик.

Важным аспектом, выделяемым в западной историографии, является роль ислама в сохранении национальной идентичности казахов. Исследователи подчеркивают, что в условиях советской политики, направленной на создание единой советской идентичности, ислам стал одним из ключевых факторов, позволивших казахскому народу сохранить свою культурную уникальность. Религия выступала как форма культурного сопротивления, помогая сохранить традиционные ценности и обычаи в условиях модернизации и советизации.

Западные ученые также обращают внимание на феномен "параллельного ислама" - неофициальных религиозных практик, существовавших вне контроля государства. Этот аспект раскрывает сложную картину религиозной жизни в советском Казахстане, где официально разрешенные формы ислама сосуществовали с подпольными движениями и неформальными религиозными сообществами. Такая двойственность религиозной жизни способствовала сохранению исламской традиции и ее передаче новым поколениям, несмотря на официальную атеистическую пропаганду.

Зарубежные историки отмечают, что опыт культурного сопротивления и компромисса, накопленный казахским исламом в советский период, имеет важное значение для понимания современных процессов в области религии и культуры в независимом Казахстане. Этот опыт не только обеспечил преемственность исламской традиции, но и заложил основу для возрождения религиозной жизни в постсоветский период.

В заключение следует отметить, что западная историография внесла значительный вклад в понимание феномена "советского ислама" в Казахстане, раскрыв сложные механизмы взаимодействия религии, национальной идентичности и государственной идеологии. Исследования зарубежных ученых подчеркивают уникальность казахстанского опыта адаптации исламской традиции к условиям советского режима и ее трансформации в многофункциональный социокультурный институт. Этот опыт демонстрирует не только жизнестойкость религиозной традиции, но и ее способность к

эволюции и адаптации в самых сложных политических и социальных условиях.

2.3 Борьба с неграмотностью и языковая политика в Казахской ССР: оценки западных ученых

Языковая политика в многонациональном государстве играет ключевую роль в формировании общественного устройства и национальной идентичности. Советский Союз, объединивший множество народов с различными языками и культурами, представляет собой уникальный пример реализации масштабной языковой политики, направленной на создание единого социалистического общества. Казахстан, как одна из крупнейших республик СССР, стал важной площадкой для реализации этой политики, что привлекло внимание многих зарубежных исследователей второй половины XX - начала XXI веков.

Изучение языковой политики в советском Казахстане позволяет глубже понять механизмы социальной и культурной трансформации, происходившей в регионе на протяжении нескольких десятилетий. Зарубежные историки, анализируя этот процесс, обращают внимание на его сложность и многогранность, выделяя несколько ключевых аспектов: кампанию по ликвидации неграмотности, реформу алфавита, русификацию казахского языка и политику двуязычия.

Особый интерес представляет интерпретация зарубежными исследователями идеологических оснований советской языковой политики. Они подчеркивают тесную связь между языковыми реформами и политическими целями советского руководства, рассматривая языковую политику как инструмент построения социалистического общества и формирования нового типа гражданина.

Анализ работ зарубежных историков позволяет проследить эволюцию советской языковой политики в Казахстане от 1920-х до 1980-х годов. Этот процесс характеризуется переходом от первоначального лингвистического либерализма к более централизованной и русифицированной модели. Особое внимание уделяется реформе алфавита, которая рассматривается как ключевой элемент культурной трансформации казахского общества.

Важным аспектом исследований является анализ влияния языковой политики на национальную идентичность казахского народа. Зарубежные ученые отмечают сложность и противоречивость этого процесса, подчеркивая, как языковые реформы способствовали формированию новой советской идентичности при одновременном сохранении элементов традиционной культуры.

Особый интерес представляет рассмотрение гендерного аспекта языковой политики в Казахстане. Зарубежные исследователи подчеркивают,

что кампания по ликвидации неграмотности среди женщин была частью более широкой политики по изменению их социального статуса и вовлечению в общественную жизнь.

Анализ зарубежной историографии позволяет также проследить, как менялось восприятие советской языковой политики в академических кругах Запада на протяжении второй половины XX - начала XXI веков. Это дает возможность не только лучше понять саму политику, но и проследить эволюцию подходов к ее изучению в зарубежной исторической науке.

Изучение языковой политики в советском Казахстане через призму зарубежной историографии позволяет взглянуть на этот процесс с новой перспективы, выявляя аспекты, которые могли быть недостаточно освещены в отечественной историографии. Это способствует более полному и объективному пониманию исторических процессов, происходивших в Казахстане в советский период.

Языковая политика в многонациональном государстве, каким являлся Советский Союз, играла ключевую роль в формировании общественного устройства и национальной идентичности. Зарубежные историки второй половины XX - начала XXI веков уделяли значительное внимание этому аспекту советской истории, подчеркивая его важность для понимания социальных и политических процессов в СССР.

По мнению западных исследователей, советская власть осознавала критическую важность языковой политики для построения социалистического общества. Как отмечает Дж. МакЛейш, сам Ленин утверждал: “Невозможно построить коммунистическое общество в стране, где люди неграмотны” [138, 310]. Это высказывание отражает глубокое понимание советским руководством связи между языком, грамотностью и политической идеологией.

Зарубежные историки подчеркивают, что языковая политика в СССР была тесно связана с идеологическими целями режима. Коммунистическая партия в 1918 году заявила: “Общее образование [грамотность], в школе и вне школы, должно быть тесно связано с коммунистической пропагандой. Нет такой формы науки или культуры, которую нельзя было бы связать с великими идеями коммунизма” [138, 308]. Это заявление, по мнению исследователей, ясно демонстрирует инструментальный подход советской власти к языковой политике.

Особое внимание зарубежные историки уделяют дилемме, с которой столкнулся Советский Союз в реализации своей языковой политики. М. М. Шориш отмечает: “Советский Союз как многоязычное и многокультурное социалистическое общество официально стремился к развитию коммунизма с одной стороны, и к развитию и росту различных языков и этнических групп, говорящих на них, с другой” [139, 35]. Эта дихотомия между стремлением к стандартизированной пролетарской культуре и языковому плюрализму создавала постоянное напряжение в советской языковой политике.

Исследователи также обращают внимание на эволюцию языковой политики в СССР. А. Беннигсен и К. Лемерсье-Келькеже утверждают, что до революции 1917 года развитие языков мусульманских народов России происходило “естественным” образом, но после 1928 года это развитие стало направляться властями, которые могли “изгибать его по своей воле, манипулируя фактором, который является существенным для существования нации, а именно языком” [140, 16].

Зарубежные историки отмечают, что ранние советские политики использовали националистические настроения для продвижения единства в рамках коммунистической системы. Р. Аллардайс пишет: “Вместо подавления национальных языков и выражения культурной неоднородности, советы поощряли их, тем самым отражая любую критику со стороны националистических фракций” [141, 4]. Этот подход, по мнению исследователей, позволил советской власти эффективно управлять национальными движениями.

Эволюция советской языковой политики от 1920-х до 1980-х годов представляет собой сложный и противоречивый процесс, который привлек внимание многих зарубежных историков. Их исследования показывают, как менялись подходы советского руководства к языковому вопросу на протяжении десятилетий.

В начале 1920-х годов, согласно западным исследователям, советская власть проводила политику лингвистического либерализма. Эта стратегия была направлена на получение поддержки национальных групп. Однако, как отмечает Дж. Орнштейн, “этот период языковой свободы был недолгим, закончившись в начале 1930-х годов, когда советское правительство начало реализовывать свою собственную форму русификации” [142, 2-3].

Зарубежные историки подчеркивают, что в 1920-е годы проводилась активная работа по развитию языков различных этнических групп. Этот процесс, известный как “коренизация”, включал в себя продвижение чиновников, владеющих местными языками, на административные должности в нерусских регионах. Однако к 1930-м годам ситуация изменилась. Режим начал проводить политику “очищения” местных языков от архаичных и иностранных терминов, а также продвигать кириллический алфавит вместо латинского.

Исследователи отмечают ключевую роль Сталина в этом лингвистическом сдвиге. Изначально он выступал против идеи единого универсального языка, но позже поддержал концепцию постепенного слияния национальных языков в один общий социалистический язык. М. Брухис указывает на скрытую цель этой политики: “хотя на поверхности слияние многих тюркских языков в единый тюркский язык соответствовало бы программной позиции КПСС о 'стирании языковых различий', это противоречило бы реальной цели большевиков, то есть 'стиранию языковых различий' таким образом, чтобы русский язык в конечном итоге вытеснил все другие языки” [143, 135].

Западные историки отмечают, что после смерти Сталина наблюдалось возобновление интереса к сохранению национальных культур и языков. Однако это часто приходилось балансировать с продвижением русского языка. М. Б. Олкотт пишет о ситуации в Казахстане: “Несмотря на то, что продолжается официальная критика качества обучения русскому языку в Казахстане, советские власти добились значительных успехов в достижении казахского двуязычия” [144, 200].

К 1980-м годам, согласно зарубежным исследователям, языковая политика СССР была направлена на достижение всеобщего двуязычия, где русский язык играл доминирующую роль. Р. Солчаньк отмечает распространение практики преподавания специализированных дисциплин на русском языке в профессиональных и технических школах, а также использование русского языка для преподавания других предметов в старших классах общеобразовательных школ [145, 32].

Западные историки подчеркивают, что эволюция советской языковой политики отражала более широкие изменения в идеологии и национальной политике СССР. И. Крейндлер выделяет несколько факторов, которые, по мнению советского руководства, обосновывали особую роль русского языка: численное преобладание русских, богатство русской литературы, наличие классики марксизма-ленинизма на русском языке, а также роль русского народа в революционных традициях и развитии науки и культуры [146, 133-134].

Зарубежные историки, исследующие советскую кампанию по ликвидации неграмотности в Казахстане, подчеркивают, что политические мотивы и идеологическое обоснование этой кампании были неразрывно связаны с общими целями большевистского режима. По их мнению, борьба с неграмотностью рассматривалась советским руководством не только как образовательная задача, но и как ключевой инструмент политического и идеологического влияния.

Западные исследователи отмечают, что для большевиков массовая неграмотность представляла серьезную проблему в контексте построения социалистического общества. Е. П. Тонконогая приводит характерную для того времени формулировку: “массовая неграмотность препятствовала строительству социализма. Для успеха культурной революции было жизненно важно ликвидировать неграмотность” [147, 26]. Это высказывание, по мнению историков, отражает понимание советским руководством прямой связи между уровнем грамотности населения и возможностью реализации социалистического проекта.

Зарубежные историки отмечают, что высокопоставленные советские деятели открыто говорили о политической природе кампании по ликвидации неграмотности. Они приводят слова Калинина, ключевой фигуры в советской иерархии: “В обучении грамоте вся работа должна быть пропитана политическими взглядами революционного пролетариата - иначе говоря, революционной теорией марксизма-ленинизма” [138, 319]. Это

высказывание, по мнению исследователей, не оставляет сомнений в том, что образовательная кампания рассматривалась как инструмент идеологического воздействия.

Западные ученые подчеркивают, что советское руководство придавало кампании по ликвидации неграмотности почти религиозное значение. Они отмечают, что эта кампания проводилась с “почти религиозным пылом, вдохновленным представлением о том, что грамотность является ключом к будущей коммунистической утопии”. Историки указывают на использование таких лозунгов, как “Грамотные - научите одного неграмотного!”, которые мобилизовали грамотных граждан для участия в этом масштабном мероприятии.

Зарубежные исследователи обращают внимание на то, что для реализации кампании по ликвидации неграмотности были созданы специальные структуры, такие как Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Также было организовано добровольное общество “Долой неграмотность”. По мнению историков, создание этих организаций демонстрирует системный подход советской власти к решению проблемы неграмотности и ее стремление мобилизовать все возможные ресурсы для достижения поставленной цели.

Зарубежные историки, изучающие методы и особенности реализации кампании по ликвидации неграмотности в Казахстане, отмечают ряд уникальных подходов, применявшихся советской властью в этом регионе. Исследователи подчеркивают, что кампания была масштабной и всеобъемлющей, охватывая различные слои населения и используя разнообразные методы обучения.

По мнению западных ученых, одной из ключевых особенностей кампании в Казахстане была ее адаптация к местным условиям. Историки отмечают создание сети центров грамотности и школ как для неграмотных, так и для полуграмотных. Особое внимание уделялось организации читальных библиотек и изданию специальных газет и журналов для полуграмотных в различных республиках. Эти меры, по мнению исследователей, свидетельствуют о стремлении советской власти сделать образование доступным для широких масс населения.

Зарубежные историки обращают внимание на гибкость подходов, применявшихся в ходе кампании. Они отмечают, что для тех, кто не мог посещать регулярные занятия, были предусмотрены возможности индивидуального обучения. Это, по мнению исследователей, демонстрирует понимание советским руководством необходимости учитывать различные жизненные обстоятельства обучающихся.

Особый интерес у западных ученых вызывает адаптация методов обучения к кочевому образу жизни части населения Казахстана. Они отмечают создание мобильных центров грамотности, организованных в юртах - традиционных круглых войлочных палатках, используемых кочевыми тюркскими народами, такими как казахи и киргизы. Эти мобильные классы, по

словам историков, перемещались вместе с людьми, следуя за их стадами. Такой подход, по мнению исследователей, свидетельствует о стремлении советской власти охватить даже самые труднодоступные группы населения и адаптировать кампанию к местным культурным особенностям.

Западные историки уделяют значительное внимание гендерному аспекту кампании по ликвидации неграмотности в Казахстане. Они подчеркивают, что особой заботой организаторов кампании был высокий уровень неграмотности среди женщин. По мнению исследователей, это было в значительной степени обусловлено их затворничеством и низким статусом в традиционной мусульманской культуре региона.

Западные историки обращают внимание на то, что в силу культурных особенностей региона, занятия по ликвидации неграмотности для мужчин и женщин проводились отдельно. Это, по их мнению, демонстрирует определенную гибкость советской власти в реализации своей политики, готовность учитывать местные традиции и обычаи для достижения поставленных целей.

Исследователи подчеркивают, что кампания по ликвидации неграмотности среди женщин в Казахстане была частью более широкой советской политики по изменению положения женщин в обществе. Они отмечают, что эта политика включала не только образовательные инициативы, но и меры по вовлечению женщин в трудовую деятельность, политическую жизнь, а также борьбу с такими традиционными практиками, как ранние браки и многоженство.

Зарубежные историки интерпретируют эти усилия как попытку советской власти использовать образование в качестве инструмента социальной инженерии. По их мнению, кампания по ликвидации неграмотности среди женщин была направлена не только на повышение уровня их образования, но и на трансформацию традиционного общества Казахстана, создание нового типа советской женщины.

Зарубежные исследователи, изучающие языковую политику в советском Казахстане, уделяют особое внимание реформе алфавита, которая представляла собой переход от арабской письменности к латинице, а затем к кириллице. Эта реформа, по мнению западных историков, была ключевым элементом советской языковой политики и отражала более широкие политические и культурные цели советского руководства.

Исследователи отмечают, что до революции 1917 года казахский язык использовал арабский алфавит. Этот факт, по их мнению, отражал культурные и религиозные связи казахского народа с исламским миром. Однако, как указывает М. Б. Олкотт, “усилия по развитию казахского литературного языка начались всерьез в середине XIX века” [144, 184]. Это свидетельствует о том, что процесс формирования современного казахского языка начался еще до советского периода.

Западные историки подчеркивают, что в первые годы советской власти казахские педагоги сопротивлялись попыткам советских властей навязать

латинский алфавит. Как отмечает М. Б. Олкотт, они “предпочитали сохранять преемственность с дореволюционными казахскими текстами, написанными арабским шрифтом” [144, 184]. Это сопротивление, по мнению исследователей, отражало стремление казахской интеллигенции сохранить культурную преемственность и связь с исламской традицией.

Однако, как отмечают зарубежные ученые, к концу 1920-х годов советским властям удалось успешно осуществить латинизацию казахского алфавита. Этот процесс, по их мнению, был частью более широкой кампании по модернизации и секуляризации общества в Центральной Азии. Исследователи интерпретируют переход на латиницу как попытку советской власти ослабить связи местного населения с исламской культурой и облегчить распространение советской идеологии.

Западные историки обращают особое внимание на следующий этап реформы алфавита - переход с латиницы на кириллицу в 1940 году. Этот шаг, по их мнению, отражал изменение приоритетов советской языковой политики. Исследователи интерпретируют этот переход как часть более широкой политики русификации, направленной на культурную интеграцию национальных республик в советскую систему.

Зарубежные ученые подчеркивают, что переход на кириллицу был представлен советскими властями как прогрессивный шаг, способствующий развитию национальных языков. Они цитируют официальное постановление Верховного Совета Узбекской ССР (которое, по их мнению, отражает общий подход к этому вопросу в Центральной Азии): “... рассматривая эту меру как важнейший шаг на пути к дальнейшему укреплению нерушимой дружбы народов СССР” [148, 125]. Исследователи интерпретируют эту риторику как попытку советской власти представить языковую реформу как добровольный выбор национальных республик, а не навязанную сверху политику.

Западные историки отмечают, что переход на кириллицу имел далеко идущие последствия для развития казахского языка и культуры. По их мнению, это облегчило проникновение русских слов и концепций в казахский язык, способствовало развитию билингвизма и, в конечном итоге, усилило влияние русского языка и культуры в Казахстане.

Зарубежные исследователи, изучающие языковую политику в советском Казахстане, уделяют значительное внимание процессу русификации казахского языка и политике двуязычия. По их мнению, эти аспекты языковой политики были ключевыми инструментами советской власти в формировании новой социальной и культурной реальности в регионе.

Западные историки отмечают, что процесс русификации казахского языка был многогранным и затрагивал различные языковые уровни. М. Брухис подчеркивает: “Этот процесс, в котором тюркские языки подвергались фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим влияниям русского языка, привел, с одной стороны, к подрыву их структур и систем, а с другой - сузил их социальные функции, создавая необходимые предпосылки для того, чтобы доминирующий язык в конечном

итоге вытеснил их” [143,138]. Эта оценка отражает мнение многих зарубежных исследователей о глубине и масштабе влияния русского языка на казахский.

Исследователи обращают внимание на то, что русификация казахского языка проявлялась прежде всего на лексическом уровне. Они отмечают массовое заимствование русских слов, особенно в сферах политики, науки и техники. По мнению западных ученых, это было связано с официальной политикой “интернационализации” национальных языков. М. Б. Олкотт указывает: “Различные истории казахской лингвистики сходятся во мнении, что со времен Второй мировой войны существовала озабоченность введением новой международной [т.е. русской] терминологии” [144, 196]. Это наблюдение подчеркивает систематический характер лексических изменений в казахском языке.

Зарубежные историки также отмечают изменения в грамматической структуре казахского языка под влиянием русского. Они указывают на появление новых синтаксических конструкций, калькированных с русского языка, и изменения в использовании некоторых грамматических категорий. По мнению исследователей, эти изменения были менее очевидны, чем лексические заимствования, но имели глубокое влияние на структуру казахского языка.

Западные ученые подчеркивают, что русификация казахского языка была тесно связана с политикой двуязычия, проводимой советскими властями. Они отмечают, что эта политика была направлена на создание ситуации, в которой русский язык становился бы основным средством межнационального общения, при сохранении национальных языков в определенных сферах.

Зарубежные ученые интерпретируют политику двуязычия как стратегию советской власти, направленную на постепенное вытеснение национальных языков из важных сфер общественной жизни. М. Ривкин цитирует советские источники: “Слияние наций в будущем, отмирание и замена [их] национальных языков общим языком - все это произойдет в результате расцвета коммунистических наций... Русский язык становится все более общим языком для всех социалистических наций СССР” [48, 88]. Эта цитата, по мнению исследователей, отражает долгосрочные цели советской языковой политики.

Западные историки отмечают, что политика двуязычия в Казахстане привела к формированию сложной языковой ситуации. М. Б. Олкотт пишет: “Казахская элита принимает русский язык как лингва франка, но для подавляющего большинства казахов сохраняется примат родного языка” [144, 202]. Это наблюдение, по мнению исследователей, отражает сложность и противоречивость языковой ситуации в Казахстане.

Зарубежные исследователи, изучающие взаимосвязь языка и национальной идентичности в контексте советской национальной политики в Казахстане, отмечают сложность и противоречивость этих отношений. По их мнению, языковая политика была ключевым инструментом в формировании и

трансформации национальной идентичности казахского народа на протяжении советского периода и в ранние годы независимости.

Уильям Фирман в своей работе подчеркивает тесную связь между идентичностью Казахстана и казахского народа с идентичностью России и русского народа в советский период. Он пишет: “Идентичность Казахстана и казахского народа была тесно переплетена с идентичностью России и русского народа” [149, 171]. Это наблюдение, по мнению исследователей, отражает глубокое влияние советской национальной политики на формирование казахской идентичности.

Западные ученые отмечают, что в советскую эпоху большинство жителей СССР осознавали свою принадлежность к двум сообществам: “советскому народу” и своей “национальности” или “этничности”. Фирман указывает: “Хотя привитие этой последней принадлежности не было частью процесса социализации, который должны были продвигать школы, комсомол и партийная пропаганда, для отдельных граждан этническая идентификация была формализована через официальные документы” [149, 171-172]. Это наблюдение подчеркивает двойственность идентичности, характерную для советского периода.

Исследователи обращают внимание на трудности, с которыми сталкивался Казахстан в установлении отдельной идентичности, отличной от российской. Фирман отмечает: “Определение казахской [этнической] идентичности и ее отношение к элементам, центральным для русской идентичности, также очень проблематично” [149, 173]. Это наблюдение, по мнению западных ученых, отражает сложность процесса формирования национальной идентичности в условиях тесной исторической и культурной связи с Россией.

Зарубежные историки подчеркивают, что языковая ситуация в Казахстане усложняла процесс формирования отдельной национальной идентичности. Фирман отмечает: “По этой причине так же трудно отделить Казахстан от России в языковом отношении, как и в политическом или экономическом” [149, 174]. Это наблюдение, по мнению исследователей, указывает на глубокую интеграцию русского языка в общественную жизнь Казахстана, что создавало дополнительные сложности в процессе национального самоопределения.

Западные ученые отмечают, что языковая политика в Казахстане претерпела значительные изменения с конца 1980-х годов. Они указывают на принятие закона о языках в 1989 году, который объявил казахский единственным государственным языком, хотя русский язык также получил особый статус. Исследователи интерпретируют эти изменения как попытку укрепить казахскую национальную идентичность через языковую политику.

Зарубежные историки подчеркивают, что процесс формирования национальной идентичности через языковую политику продолжился и после обретения Казахстаном независимости. Они отмечают, что конституция 1993 года также определяла казахский как единственный государственный язык.

Однако, как указывает Фирман, новая конституция 1995 года и закон о языках 1997 года внесли изменения, предоставив русскому языку официальный статус в государственных организациях и органах местного самоуправления наряду с казахским. Фирман пишет: “Статьи в новой конституции, которые касались языка, ввели новые формулировки, которые, казалось, достигли нового уровня двусмысленности, которую противоборствующие стороны могли [и действительно] интерпретировать противоречивым образом” [149, 177]. Это наблюдение, по мнению исследователей, отражает сложность балансирования между укреплением казахской национальной идентичности и сохранением роли русского языка в обществе.

Анализ зарубежной историографии второй половины XX - начала XXI веков позволяет сделать вывод о том, что западные исследователи рассматривают советскую языковую политику в Казахстане как многогранный и комплексный инструмент социокультурной трансформации. По мнению зарубежных историков, эта политика была направлена не только на решение образовательных и лингвистических задач, но и на создание новой советской идентичности, интегрирующей казахский народ в единое советское культурное пространство.

Западные ученые интерпретируют кампанию по ликвидации неграмотности как ключевой элемент советской стратегии по модернизации казахского общества и распространению коммунистической идеологии. Они подчеркивают, что эта кампания выходила далеко за рамки простого обучения грамоте, становясь инструментом политического и идеологического воздействия. Особое внимание исследователи уделяют гендерному аспекту кампании, рассматривая ее как часть более широкой политики по изменению социального статуса женщин в традиционном казахском обществе.

Реформа алфавита, по мнению зарубежных историков, являлась не просто лингвистическим мероприятием, но и важнейшим элементом культурной трансформации. Переход от арабской письменности к латинице, а затем к кириллице интерпретируется как попытка советской власти ослабить связи казахского народа с исламской культурой и облегчить распространение советской идеологии. Исследователи подчеркивают, что эта реформа имела далеко идущие последствия для развития казахского языка и культуры, способствуя их сближению с русским языком и советской культурой.

Процесс русификации казахского языка и политика двуязычия рассматриваются западными учеными как ключевые инструменты советской власти в формировании новой социальной и культурной реальности в Казахстане. Исследователи отмечают, что эти процессы затрагивали различные языковые уровни и были направлены на создание ситуации, в которой русский язык становился бы основным средством межнационального общения. При этом зарубежные историки подчеркивают, что политика двуязычия привела к формированию сложной языковой ситуации, в которой казахская элита принимала русский язык как лингва франка, в то время как для большинства казахов сохранялся примат родного языка.

Важный вклад в изучение процесса латинизации в Казахстане внесла работа В. Фирмана "Language Politics in Kazakhstan" (1998), где автор детально анализирует архивные материалы о дискуссиях среди казахской интеллигенции 1920-х годов по вопросу перехода на латиницу. Фирман впервые в западной историографии показал активную роль казахских просветителей в этом процессе и их попытки использовать реформу алфавита для модернизации казахского языка.

Процесс коренизации в Казахстане подробно исследован в монографии М. Пэйна "Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism" (2001). На примере строительства Турксиба автор демонстрирует противоречия политики коренизации: с одной стороны, продвижение казахских кадров, с другой - фактическое доминирование русскоязычных специалистов."

Анализ работ западных историков позволяет выделить как их сильные стороны, так и определенные ограничения. К достижениям зарубежной историографии можно отнести:

- Введение в научный оборот новых архивных материалов по языковой политике в Казахстане

- Разработку методологии анализа взаимосвязи языковой политики и национальной идентичности

- Комплексный подход к изучению культурных и социальных аспектов языковых реформ

Однако в работах западных исследователей присутствуют и существенные пробелы:

- Недостаточное внимание к региональным особенностям реализации языковой политики в разных частях Казахстана

- Слабое освещение роли местных элит в формировании и реализации языковой политики

- Тенденция к преувеличению степени русификации казахского языка

Особое внимание западные исследователи уделяют взаимосвязи языковой политики и формирования национальной идентичности. Они отмечают сложность и противоречивость этого процесса, подчеркивая, что советская языковая политика способствовала формированию двойственной идентичности, балансирующей между принадлежностью к "советскому народу" и сохранением этнической специфики. При этом исследователи указывают на трудности, с которыми сталкивался Казахстан в установлении отдельной идентичности, отличной от российской, в силу глубокой интеграции русского языка в общественную жизнь республики.

Зарубежные историки подчеркивают, что процесс формирования национальной идентичности через языковую политику продолжился и после обретения Казахстаном независимости. Они отмечают сложность балансирования между укреплением казахской национальной идентичности и сохранением роли русского языка в обществе, что нашло отражение в законодательных изменениях постсоветского периода.

Таким образом, анализ зарубежной историографии позволяет сделать вывод о том, что западные исследователи рассматривают советскую языковую политику в Казахстане как комплексный и противоречивый процесс. С одной стороны, эта политика способствовала модернизации казахского общества, повышению уровня грамотности и образования. С другой стороны, она привела к значительной трансформации традиционной казахской культуры и языка, создавая новую форму национальной идентичности, тесно связанную с советской идеологией.

Подход зарубежных историков позволяет раскрыть сложную динамику взаимодействия между языковой политикой, культурными изменениями и процессами национального строительства в советском Казахстане. Они подчеркивают, что эта политика была направлена не только на решение лингвистических задач, но и на глубокую социокультурную трансформацию казахского общества. При этом исследователи отмечают, что результаты этой политики были неоднозначными и продолжают оказывать влияние на языковую ситуацию и процессы формирования национальной идентичности в современном Казахстане.

Такой комплексный взгляд на советскую языковую политику в Казахстане, представленный в зарубежной историографии, позволяет глубже понять механизмы социальной и культурной трансформации, происходившей в регионе на протяжении советского периода, и оценить долгосрочные последствия этих процессов для развития казахского языка, культуры и национальной идентичности.

3 ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

3.1 От советизации к независимости: культурные процессы в Казахстане через призму зарубежных исследований

Сравнительно позднее появление специализированных исследований по Казахстану в западной историографии объясняется несколькими факторами. Во-первых, западных исследователей больше привлекали регионы с ярко выраженной исламской спецификой (Узбекистан, Таджикистан) или стратегически значимые территории (приграничные с Китаем или Афганистаном). Во-вторых, кочевая культура казахов и процессы ее модернизации казались менее "экзотичными" и драматичными по сравнению с трансформацией оседлых обществ Средней Азии. В-третьих, до 1990-х годов Казахстан воспринимался преимущественно как часть советской России из-за высокой степени русификации и интеграции в советскую систему. Интерес к казахстанской тематике значительно вырос только после обретения независимости, когда страна стала важным геополитическим игроком в Центральной Азии и обозначила свой особый путь развития.

Культурные процессы в Казахстане от советского периода до обретения независимости представляют собой сложное и многогранное явление, привлекающее внимание зарубежных исследователей. Изучение этих процессов через призму работ западных историков позволяет взглянуть на собственную историю с новой перспективы, выявить неочевидные связи и тенденции, а также критически осмыслить устоявшиеся нарративы.

Советский период оставил глубокий след в культурной жизни Казахстана, заложив основу для современного понимания казахской идентичности. В трудах зарубежных историков второй половины XX - начала XXI веков устанавливается неоднозначность культурных процессов этого периода. С одной стороны, советская политика способствовала развитию казахской культуры и литературы, создавая институциональную базу для их функционирования. С другой стороны, эта же политика часто приводила к искусственному конструированию этнических идентичностей и подавлению традиционных форм культурного самовыражения.

Особый интерес представляет анализ зарубежными исследователями процесса институционализации казахской литературы в советский период. Этот процесс, характеризовавшийся трансформацией традиционных форм литературного творчества и созданием новых литературных институтов, оказал глубокое влияние на развитие национальной культуры и идентичности. Западные учёные отмечают, что советская институционализация литературы

не только способствовала сохранению культурного наследия, но и создала новые формы его интерпретации и трансляции.

После обретения независимости Казахстан столкнулся с необходимостью переосмысления своей национальной идентичности. Зарубежные историки обращают внимание на сложный процесс взаимодействия между советским наследием и стремлением к созданию уникальной национальной идентичности. Этот процесс находит отражение в переоценке исторических событий и личностей, создании новых национальных символов и нарративов.

Важным аспектом культурных процессов в Казахстане, привлекающим внимание западных исследователей, является трансформация гендерных отношений. Советская политика эмансипации женщин, её долгосрочные последствия и переосмысление роли женщин в постсоветский период представляют собой богатое поле для исследований. Анализ этих процессов позволяет лучше понять динамику социальных изменений в казахском обществе и их влияние на формирование современной национальной идентичности.

Интерес представляют дебаты о применимости постколониальной теории к советскому опыту в Казахстане. Зарубежные учёные обсуждают, насколько уместно использовать постколониальный подход для анализа отношений между Советским Союзом и его центральноазиатскими республиками. Эти дискуссии способствуют более глубокому пониманию специфики советского проекта и позволяют по-новому взглянуть на процессы культурной трансформации в регионе.

Изучение культурных процессов в Казахстане через призму зарубежных исследований открывает новые перспективы для понимания нашей собственной истории. Оно позволяет увидеть, как глобальные тенденции и теоретические подходы могут быть применены к анализу локальных культурных явлений. Вместе с тем это исследование подчёркивает уникальность казахстанского опыта, его сложность и многогранность.

Данная работа призвана не только обобщить взгляды зарубежных историков на культурные процессы в Казахстане, но и стимулировать дальнейшие исследования в этой области. Она может послужить отправной точкой для более глубокого изучения отдельных аспектов культурной трансформации, а также для развития диалога между казахстанскими и зарубежными исследователями.

В контексте современных глобальных вызовов и поиска путей сохранения культурной идентичности в условиях глобализации изучение опыта Казахстана приобретает особую актуальность. Анализ культурных процессов от советизации к независимости может предоставить ценные уроки и инсайты не только для Казахстана, но и для других постсоветских стран, а также для исследователей, занимающихся вопросами культурной трансформации и национального строительства в целом.

Анализ трудов зарубежных историков показывает, что советское наследие сыграло ключевую роль в формировании современной казахской национальной идентичности. Этот процесс, начавшийся в советский период и продолжившийся после обретения независимости, характеризуется сложным взаимодействием между советскими практиками нациестроительства и постсоветскими попытками создания уникальной национальной идентичности.

Исследователи отмечают, что советская политика в отношении национальностей существенно повлияла на трансформацию казахской идентичности. Как указывает Диана Кудайбергенова, «Советский Союз создал административные границы республик в Центральной Азии, чтобы ослабить пан-тюркизм и локальный национализм» [51, 178]. При этом важно подчеркнуть, что казахская идентичность сформировалась задолго до советского периода, о чем свидетельствует деятельность казахской интеллигенции начала XX века, в частности, издание газеты "Казах", развитие национальной литературы и общественной мысли. Советская политика не создавала, а скорее модифицировала существующие этнические идентичности, встраивая их в новую систему национально-государственного устройства, что продолжает оказывать влияние на развитие национального самосознания в постсоветский период.

Шерин Акинер в своей работе "Формирование казахской идентичности: от племенного союза к национальному государству" (1995) подчеркивает сложность культурных процессов в постсоветском Казахстане, где происходит одновременное возрождение традиционных культурных форм и создание новых национальных символов. По ее мнению, этот процесс отличается от подобных трансформаций в других постсоветских государствах благодаря уникальному сочетанию кочевого наследия и советской модернизации.

Примечательно, что относительно небольшое число зарубежных исследований посвящено именно культурным процессам в постсоветском Казахстане. Это объясняется несколькими факторами. Как отмечает Марта Брилл Олкотт в работе "Казахстан: непройденный путь" (2002), западные исследователи часто рассматривают культурные изменения в контексте более широких политических и экономических трансформаций, что приводит к недооценке самостоятельной значимости культурных процессов. Кроме того, существуют объективные сложности в изучении современной казахстанской культуры из-за языкового барьера и ограниченного доступа к местным источникам.

Западные историки подчёркивают, что советская политика «коренизации» и создания национальных культурных институтов, таких как Союзы писателей, способствовала развитию казахской культуры и литературы в рамках советской системы. Эта институционализация культуры, по мнению исследователей, создала основу для постсоветского культурного возрождения.

Однако советское наследие в формировании национальной идентичности не ограничивается только позитивными аспектами. Зарубежные

учёные отмечают, что период сталинизма, характеризовавшийся репрессиями, коллективизацией и депортациями, оставил глубокий след в коллективной памяти казахского народа. Эти травматические события стали частью национального нарратива и играют важную роль в современном понимании казахской идентичности.

После распада СССР новые независимые государства Центральной Азии, включая Казахстан, начали процесс переосмысления своей национальной идентичности. Как отмечает Кудайбергенова, «После распада СССР новые государства Центральной Азии начали формировать свои национальные "воображаемые сообщества", используя как советские, так и антисоветские образы и нарративы» [51, 174]. Это привело к созданию новых национальных символов и переоценке исторических событий и личностей.

Важным аспектом советского наследия в формировании казахской идентичности, по мнению западных историков, является концепция «титупной нации». Эта концепция, унаследованная от советской национальной политики, продолжает играть важную роль в постсоветском Казахстане, определяя отношения между этническими группами и влияя на государственную политику в области культуры и образования.

Зарубежные исследователи также обращают внимание на роль советского опыта в формировании современной казахской элиты. Как отмечает Кристин М. Риз, «Советское наследие продолжает оказывать влияние на формирование национальной идентичности в независимом Казахстане» [150, 449]. Это влияние проявляется в сохранении некоторых советских практик управления и в использовании советских символов и героев в новом национальном контексте.

Зарубежные исследователи отмечают, что процесс национального строительства в постсоветском Казахстане неразрывно связан с переосмыслением исторических личностей и событий. Этот процесс во многом определяется деятельностью культурных элит, которые играют ключевую роль в создании новых национальных нарративов.

В работах зарубежных историков констатируется, что после обретения независимости в Казахстане началась активная работа по переоценке исторических фигур и их роли в национальной истории. Особое внимание уделяется героям Великой Отечественной войны, таким как Алия Молдагулова и Маншук Маметова, которые трансформируются из символов советского патриотизма в символы казахстанского патриотизма. Как отмечает Кристин М. Риз, «После распада СССР образы героев, таких как Алия Молдагулова, были переосмыслены в контексте национального строительства» [150, 450].

Кроме того, в национальный пантеон героев включаются новые имена, ранее недостаточно освещённые в советский период. Например, Рахымжан Кошкарбаев, первый солдат, водрузивший знамя Победы на Рейхстаге, получил широкое признание в независимом Казахстане. В 1999 году ему было

присвоено звание Халық қаһарманы («Народный герой»), и его имя стало символом национальной гордости.

Западные исследователи подчёркивают, что процесс переосмысления исторических личностей не ограничивается советским периодом. Происходит также обращение к более древним историческим фигурам, которые становятся символами национальной идентичности. Диана Кудайбергенова указывает на использование образов таких деятелей, как Абылай хан и Кенесары Касымов, для легитимации новых режимов [51, 184].

Важную роль в этом процессе играют современные писатели и интеллектуалы. Среди них можно назвать Мухтара Шаханова и Олжаса Сулейменова, чьи произведения оказывают значительное влияние на формирование национального самосознания. Их работы способствуют осмыслению исторического опыта и поиску национальной идентичности в современных условиях.

Таким образом, культурные элиты Казахстана активно участвуют в процессе «изобретения традиций», создавая новые культурные символы и ритуалы, призванные укрепить национальную идентичность. Это проявляется в организации новых национальных праздников, создании музеев и мемориальных комплексов, а также в развитии национального кинематографа и литературы.

Анализ работ зарубежных историков показывает, что институционализация казахской литературы в советский период была ключевым процессом, который значительно повлиял на развитие национальной культуры и идентичности. Этот процесс включал создание официальных литературных институтов, таких как Союз писателей Казахстана и Литературный институт имени М. О. Ауэзова. Эти организации не только обеспечивали поддержку писателям, но и служили инструментом контроля и направления литературного процесса в соответствии с советской идеологией.

Важно отметить, что эти структуры сохранились и в постсоветский период, продолжая играть значимую роль в культурной жизни страны. В независимом Казахстане они стали платформой для развития национальной литературы, свободной от идеологического контроля.

Согласно зарубежным исследованиям, трансформация фольклора и эпоса в советской и постсоветской культуре Казахстана была тесно связана с процессом институционализации литературы и идеологическими изменениями. В советский период множество устных преданий и поэм было записано и опубликовано, что помогло сохранить культурное наследие [52, 212]. Однако этот процесс сопровождался переосмыслением национальных нарративов в соответствии с советской идеологией.

Советская политика эмансипации женщин в Центральной Азии представляет собой сложный и противоречивый процесс. Зарубежные историки отмечают, что кампания «Худжум», направленная на борьбу с ношением паранджи и чадры, проводилась в основном в Узбекистане и

Туркменистане. В Казахстане подобной кампании не было, что подчёркивает региональные различия в проведении советской политики. Более того, в некоторых регионах женщины после снятия паранджи надевали платки, что свидетельствует о сохранении элементов традиционной культуры. Об этом подробно пишет Мэриан Кэмп в своей работе «Новая женщина Узбекистана» [155, 47].

Зарубежные исследователи подчёркивают, что переоценка роли женщин-героев в Казахстане отличается от подходов, принятых в других постсоветских странах. В Казахстане образы женщин-героев, таких как Алия Молдагулова и Маншук Маметова, используются для символизации силы и отваги. К ним присоединяются и новые имена, например, Хиуаз Доспанова — первая казахская женщина-лётчик, участница Великой Отечественной войны, которая получила признание в независимом Казахстане.

Дебаты о применимости постколониальной теории к советскому опыту в Казахстане и Центральной Азии продолжаются в академическом сообществе. Некоторые исследователи, такие как Адиб Халид, отмечают уникальность советского проекта и предлагают осторожно использовать постколониальные концепции [151, 231].

Западные историки, изучающие советскую модернизацию в Центральной Азии, часто проводят сравнительный анализ с колониальными практиками европейских империй. Однако многие отмечают, что советский опыт имеет свои уникальные особенности. Адиб Халид подчёркивает, что Советский Союз представлял собой активистское государство, стремившееся к полной трансформации общества [151, 232].

На мой взгляд, сложившаяся ситуация с относительно небольшим количеством специализированных исследований культурных процессов в постсоветском Казахстане создает значительные пробелы в понимании трансформационных процессов. Культурные изменения заслуживают более пристального внимания, поскольку именно они во многом определяют успех или неудачу политических и экономических преобразований. Необходимо развитие более тесного сотрудничества между казахстанскими и зарубежными исследователями для создания более полной и многогранной картины культурных процессов в постсоветском Казахстане.

Советская модернизация характеризовалась масштабными преобразованиями во всех сферах жизни, включая образование, культуру и экономику. При этом навязывание европейских норм и практик иногда вызывало сопротивление среди местного населения. Например, требования по изменению одежды и бытовых привычек не всегда принимались населением и могли приводить к конфликтам.

Анализ работ зарубежных историков конца XX — начала XXI веков, посвящённых культурным процессам в советском и постсоветском Казахстане, выявляет сложную картину взаимодействия между советским наследием и стремлением к формированию уникальной национальной идентичности. Исследователи подчёркивают ключевую роль советской

политики в институционализации казахской культуры и литературы, что заложило основу для современного понимания казахской идентичности.

Зарубежные учёные обращают внимание на процессы переосмысления исторических личностей и событий, активное участие культурных элит в создании новых национальных нарративов, трансформацию гендерных отношений и дебаты о применимости постколониальной теории к советскому опыту.

В целом, зарубежная историография предоставляет многогранный и критический взгляд на культурные процессы в советском и постсоветском Казахстане. Этот взгляд способствует более глубокому пониманию казахстанского опыта и открывает новые перспективы для исследования культурных трансформаций в постсоветских обществах.

3.2 Казахстанский кинематограф в контексте советской культурной политики: анализ западных историков

Казахстанский кинематограф, развивавшийся в рамках советской культурной политики, представляет собой уникальное явление, привлекающее внимание западных историков кино. Эволюция казахстанского кино от его зарождения в 1920-х годах до международного признания в конце 1980-х — начале 1990-х годов отражает сложные процессы формирования национальной идентичности в условиях советской системы и последующего обретения независимости.

Важную роль в развитии кинематографа в Казахстане и Центральной Азии в 1920-е годы сыграла организация «Востоккино», основанная в 1928 году. Она стала инструментом реализации национальной политики и культурных преобразований Советского Союза того периода. Габриэль Хоментовски отмечает, что создание «Востоккино» отражало национальную политику и трансформации в культурной политике СССР в середине 1920-х годов [152, 33]. Организация занималась развитием кинематографической инфраструктуры в регионе, организуя первые кинопоказы и закладывая основы кинофикации, что способствовало распространению кинокультуры и формированию аудитории для будущего национального кинематографа Казахстана.

Советское руководство рассматривало кино как эффективное средство пропаганды среди «восточных народностей». Благодаря своей универсальной понятности и массовости, кино стало идеальным инструментом для передачи идеологических посланий. Хоментовски пишет: «Воспользовавшись свойствами кино как универсально понятного, эффективного, массового, прямого средства коммуникации, советский режим распространял свои пропагандистские фильмы среди всех "отсталых" народов, но особенно среди "восточных национальностей"» [152, 35]. Однако деятельность «Востоккино»

была неоднозначной: с одной стороны, организация стремилась продвигать идеи революции и модернизации; с другой — существовали опасения, что фильмы о советском Востоке могут способствовать экзотизации региона и укреплению имперских взглядов.

Одним из значимых фильмов этого периода стал документальный фильм «Турксиб» Виктора Турина, выпущенный в 1929 году. Этот фильм не только стал важной вехой в истории советского документального кино, но и оказал существенное влияние на формирование образа Центральной Азии в кинематографе. «Турксиб» получил широкое международное признание и был включен в список десяти лучших документальных фильмов мира, что свидетельствует о его выдающихся художественных достоинствах и новаторском подходе к документальному кино. Фильм продемонстрировал огромный потенциал кинематографа как средства художественного выражения и пропаганды.

Однако западные исследователи отмечают, что ранний казахстанский кинематограф остается малоизученным. Это связано с тем, что многие ранние казахстанские фильмы, такие как «Джип Улан» (1938) и «Песнь о великане» (1940), были утеряны или находятся в ограниченном доступе, затрудняя их исследование. Кроме того, фокус исследований долгое время был направлен на российский кинематограф, оставляя национальные кинематографии союзных республик в тени [58].

Важным этапом в развитии казахстанского кинематографа стало создание Алма-Атинской киностудии (ныне «Казахфильм») в 1934 году. Значимой вехой стало производство фильма «Амангельды» в 1938 году, который считается первым казахским художественным фильмом. Рико Айзекс пишет: «Фильм 1938 года "Амангельды" принято считать первым "казахским" художественным фильмом. Фильм рассказывает историю Амангельды Иманова, организатора восстания 1916 года против "июньского указа" царя Николая II» [56, 68]. Этот фильм заложил основы национального кинематографа, отражая исторические события и национальную тематику.

Во время Великой Отечественной войны Алма-Атинская киностудия стала важным центром советского кинопроизводства. Эвакуация в Алма-Ату киностудий «Мосфильм» и «Ленфильм» способствовала развитию профессиональных связей между московскими и казахстанскими кинематографистами. Питер Роллберг отмечает: «Эйзенштейн снимал своего "Ивана Грозного" в Алма-Ате во время эвакуации студии "Мосфильм" в годы Второй мировой войны» [58]. Это взаимодействие способствовало обмену опытом и повышению квалификации местных специалистов.

В послевоенные годы Алма-Атинская киностудия продолжила свое развитие, увеличивая количество выпускаемых фильмов и укрепляя свою роль в культурной жизни Казахстана. В 1950-е годы студия выпустила ряд фильмов, отражающих казахскую культуру и историю, что способствовало формированию национальной кинематографии.

В 1960-е — 1970-е годы казахстанские режиссёры начали активно обращаться к национальной культуре, фольклору и литературе, что способствовало формированию уникального киноязыка. Фильмы этого периода начали формировать «казахский мир» в кинематографе, иллюстрируя уникальность национального характера. Айзекс отмечает: «В кинематографе 1960-х годов начинает возникать "казахский мир", иллюстрирующий "уникальность казахского национального характера в быту, работе и действии"» [56, 75].

Западные исследователи выделяют Шакена Айманова как одну из ключевых фигур этого периода. Айманов, обладая уникальным режиссёрским почерком, внёс значительный вклад в развитие казахского кино, создавая фильмы, которые сочетали национальную тематику и универсальные человеческие ценности. Его работа «Наш милый доктор» (1957) считается одной из важных вех казахстанского кинематографа, отражая стремление к формированию собственного киноязыка [154, 4]. Айманов также известен своими фильмами «Земля отцов» (1966) и «Конец атамана» (1970), последний из которых стал всесоюзным хитом, собрав более 30 миллионов зрителей [154, 4].

Султан-Ахмет Ходжиков внёс существенный вклад в развитие национальной тематики в казахстанском кино. Его фильм «Кыз-Жибек» (1970), основанный на казахском эпосе, получил широкое признание и рассматривается как яркий пример использования национального фольклора в киноискусстве. Эта эпическая картина не только отразила богатство казахской культуры, но и привлекла внимание международной аудитории.

Мажит Бегалин также является значимой фигурой в истории казахстанского кинематографа. Его фильмы, такие как «Песнь о Маншук» (1969), отличаются глубоким исследованием человеческих характеров и обращением к национальной истории. Бегалин сумел объединить патриотические темы с личными историями героев, что придало его работам особую эмоциональную глубину и актуальность.

Несмотря на художественные достижения, в 1970-е — 1980-е годы начали ухудшаться отношения между кинематографическим сообществом и местной аудиторией. К середине 1970-х годов наблюдался рост отчуждения зрителей от национального кино. Причины этого явления западные исследователи видят в нескольких факторах. С одной стороны, идеологические ограничения и цензура могли препятствовать свободному творческому выражению, делая некоторые фильмы менее актуальными для местной аудитории. С другой стороны, существовал разрыв между стремлением режиссёров к художественным экспериментам и ожиданиями зрителей, привыкших к определённым жанрам и темам.

Интересным аспектом этого периода является гендерное представление в казахстанском кинематографе. В отличие от узбекского кино, где часто подчёркивалась роль материнства, в казахстанских фильмах главными героями нередко становились женщины-героини. Гульнара Абикеева

отмечает, что в казахском кино образ отца часто отсутствует, тогда как мать и бабушка играют ключевые роли. Это отражает особенности казахского общества и семейных ценностей, где женщины занимают центральное место в воспитании и передаче традиций.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов казахстанский кинематограф пережил значительный подъём благодаря появлению движения, известного как «Казахская новая волна». Это явление стало поворотным моментом в истории национального кино и привлекло внимание как отечественной, так и международной аудитории.

Ключевыми фигурами этого движения стали режиссёры Рашид Нугманов, Дарежан Омирбаев, Серик Апрымов, Ардак Амиркулов и Абай Карпыков. Получив образование во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК) в Москве, они вернулись в Казахстан в период, когда Советский Союз был на грани распада. Как отмечает исследователь: «Возвращение всей группы в Казахстан в то время, когда СССР был на грани распада, добавило к той роли, которую они смогли взять на себя в зарождающейся казахстанской киноиндустрии начала 1990-х годов» [153, 204].

Фильмы «Казахской новой волны» отличались новаторским подходом к тематике и стилю. Режиссёры обращались к ранее табуированным темам, исследуя вопросы национальной идентичности, культурного наследия и социальных проблем. Рашид Нугманов с фильмом «Игла» (1988) стал одним из пионеров этого движения. «Игла» привлекла внимание не только советской, но и международной аудитории своим смелым обращением к актуальным социальным вопросам и использованием новых художественных приёмов. Как отмечает исследователь, «"Игла" Нугманова (1988) стала культовым фильмом» [153, 204].

Дарежан Омирбаев получил признание за глубокий философский подход и уникальный авторский стиль. Его фильмы регулярно участвовали в международных кинофестивалях, способствуя росту интереса к казахстанскому кино за рубежом. Западные исследователи подчёркивают, что «влияние этих кинематографистов на кино — казахстанское, советское и российское, а также на европейском фестивальном круге — значительно» [153, 204].

Однако, несмотря на международное признание, фильмы «Казахской новой волны» часто оставались малоизвестными широкой аудитории внутри Казахстана. Как отмечает исследователь, «для нынешних международных ценителей кино казахстанское кино является синонимом фильмов Дарежана Омирбаева и Эмира Байгазина. Для обычных зрителей дома эти имена мало что значат» [154, 6]. Этот контраст между международным успехом и внутренним восприятием отражает сложные процессы трансформации, происходившие в казахстанском обществе в период обретения независимости.

Западные исследователи отмечают, что восприятие казахстанского кинематографа в зарубежной историографии прошло значительную

трансформацию. Изначально казахстанское кино часто воспринималось как периферийное явление в контексте советского кинематографа, и его достижения были малоизвестны за пределами СССР. Русскоцентричный подход, принятый советскими историками кино, повлиял на западную литературу, где национальные кинематографии союзных республик часто игнорировались [58]. Однако с появлением «Казахской новой волны» ситуация изменилась. Международное признание фильмов казахстанских режиссёров привлекло внимание западных исследователей к казахстанскому кино [154, 7]. Они стали более внимательно изучать не только современные фильмы, но и работы предыдущих периодов, что привело к переосмыслению роли казахстанского кинематографа в мировом киноискусстве.

Казахстанский кинематограф сыграл значимую роль в процессе формирования национальной идентичности, выступая одновременно средством культурного выражения и полем взаимодействия между национальной культурой и советской идеологией. В условиях централизованной системы управления искусством в СССР кино стало важным инструментом как для пропаганды идеологических ценностей, так и для отражения уникальности национальных культур.

Режиссёры стремились сочетать национальную тематику с требованиями советской идеологии. Фильмы должны были отражать достижения социалистического строительства и продвижение коммунистических ценностей, при этом учитывая культурные особенности казахского народа. Например, в фильме «Амангельды» (1938) рассказывается история Амангельды Иманова, что позволяло одновременно подчеркнуть героизм народного сопротивления и идею классовой борьбы [56, 68].

Использование казахской литературы и фольклора стало важным аспектом развития национальных тем и стилей в казахстанском кино. Режиссёры обращались к национальным литературным произведениям и легендам, чтобы отразить богатство казахской культуры на экране. Фильм Султан-Ахмета Ходжикова «Кыз-Жибек» (1970) является ярким примером такого синтеза, где народная легенда была представлена в эпическом кинематографическом формате, привлекая внимание как отечественной, так и зарубежной аудитории.

Анализ зарубежной историографии казахстанского кинематографа советского периода демонстрирует значительную эволюцию в восприятии и оценке этого феномена западными исследователями. От первоначального восприятия казахстанского кино как маргинального явления в контексте советского кинематографа оно прошло путь к признанию его в качестве важного и уникального феномена мирового киноискусства.

Западные историки подчёркивают, что изучение казахстанского кино позволяет глубже понять процессы формирования национальной идентичности в условиях советской системы и постсоветского перехода. Они отмечают, что казахстанский кинематограф отражает сложные механизмы

взаимодействия между национальными культурами и централизованной системой управления искусством в СССР.

В целом, эволюция восприятия казахстанского кинематографа в зарубежной историографии отражает более широкие изменения в подходах к изучению культур бывшего СССР. От первоначального восприятия национальных кинематографий советских республик как периферийных явлений западные исследователи пришли к признанию их уникальности и значимости в контексте мирового киноискусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования, посвященного анализу зарубежной историографии культуры Казахстана в советский период, были достигнуты результаты, позволяющие глубже понять, как развивалась культурная жизнь Казахстана под влиянием советской власти и как это отражалось в трудах зарубежных историков. Основной целью данной диссертации было всестороннее изучение и критическое осмысление того, как зарубежные исследователи интерпретировали культурные процессы в Казахстане в условиях советской системы, а также как их подходы эволюционировали с течением времени после распада СССР в 1991 году.

В процессе исследования была проведена всесторонне работа по анализу различных источников и литературы, отражающих развитие культуры Казахстана в контексте советской идеологии и политики. Важным аспектом стало изучение того, как идеологические установки и геополитические реалии влияния СССР на международной арене формировали восприятие культурных изменений в Казахстане среди западных ученых. Данная работа также охватывала широкий временной диапазон, начиная с середины XX века и заканчивая началом XXI века, что позволило выявить не только ключевые этапы в эволюции зарубежной историографии, но и показать, как трансформация политической и культурной ситуации в Казахстане повлияла на изменение исследовательских парадигм.

Диссертация включает три основные главы, каждая из которых посвящена отдельному аспекту изучаемой темы. В первой главе был рассмотрен процесс формирования зарубежных представлений о Казахстане и влияние советской идеологии на интерпретацию культурных процессов в регионе. Здесь были проанализированы труды западных историков, отражающие разные этапы советской политики в отношении Казахстана, а также то, как идеологические аспекты определяли направление культурных исследований.

Во второй главе акцент сделан на детальном обзоре зарубежной историографии культуры Казахстана до распада СССР. Эта часть работы охватывает широкий спектр вопросов, связанных с трансформацией казахской культуры под влиянием советского доминирования, анализирует сопротивление и адаптацию исламской культуры, а также рассматривает западные оценки советской языковой политики и борьбу с неграмотностью в Казахстане.

Третья глава диссертации посвящена анализу зарубежных исследований, которые освещают культурные процессы в Казахстане после распада СССР. Здесь особое внимание уделено тому, как западные историки интерпретировали переход Казахстана от советской культурной модели к независимому развитию, включая переоценку национальной идентичности и возрождение традиционных культурных элементов. Кроме того, в этой главе рассмотрены взгляды западных исследователей на казахстанский кинематограф в контексте советской культурной политики и его роль в формировании культурной идентичности.

В ходе исследования была проведена оценка трансформации зарубежной историографии, связанной с изучением культуры Казахстана в советский и постсоветский периоды. Одним из центральных аспектов анализа стало выявление ключевых этапов эволюции взглядов западных исследователей на культурные процессы в Казахстане, начиная с периода, который начался советский период, и заканчивая современными постсоветскими исследованиями. Этот процесс отражает не только изменения в восприятии советской политики на международной арене, но и развитие самих методологических подходов, используемых для анализа сложных культурных взаимодействий в контексте глобальных геополитических изменений.

На раннем этапе западные исследования культуры Казахстана развивались под мощным влиянием концепции "советского колониализма". Это неизбежно придавало работам того периода ярко выраженный идеологический характер: советская культурная политика рассматривалась преимущественно через призму колониальных практик.

Исследователи сосредоточили внимание на поиске признаков подавления национальной идентичности и ассимиляции, которые, как считалось, были прямым следствием советского культурного господства. Политика ликвидации неграмотности, языковые реформы, процессы русификации интерпретировались прежде всего как инструменты культурного контроля.

1980-е годы принесли существенные изменения в исследовательские подходы. По мере ослабления напряженности между Западом и СССР, а также роста интереса к национальным движениям внутри советских республик, изучение казахской культуры обрело новые измерения. В фокус внимания попали более тонкие аспекты: вопросы национальной идентичности, роль ислама, культурные компромиссы, позволившие сохранить национальные традиции в советских условиях. Исследователи начали замечать не только доминирование советской культуры, но и сложное взаимовлияние, элементы культурного синтеза.

Распад СССР и обретение Казахстаном независимости открыли новую главу в зарубежной историографии. Произошел решительный отход от жестких идеологических схем в пользу более комплексного анализа. В центре внимания оказались процессы культурного возрождения, восстановление национальной идентичности, переосмысление советского наследия в контексте современной казахстанской культуры. Особый интерес вызывал вопрос о том, как советская культурная политика продолжала влиять на культурные процессы даже после распада Союза, и как различные аспекты советского наследия трансформировались в новой национальной парадигме.

Постсоветский период ознаменовался существенным расширением исследовательской оптики: зарубежные ученые начали рассматривать культурные процессы в тесной связи с социальными, экономическими и религиозными факторами. Это позволило создать более сбалансированную картину культурной эволюции Казахстана, где традиционная и советская культуры не противостоят друг другу, а образуют уникальный синтез, продолжающий развиваться в условиях независимости.

Таким образом, эволюция зарубежной историографии от концепции "советского колониализма" к многомерному анализу постсоветской реальности отражает не только изменения в научной методологии, но и глубинные трансформации в международном интеллектуальном и политическом контексте. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к изучению культурных процессов в эпоху глобальных перемен.

Культурная трансформация Казахстана в советский период представляет собой уникальный феномен, где переплелись процессы модернизации, сопротивления и адаптации. Советское влияние проявлялось во всех сферах культурной жизни: от внедрения социалистического реализма в искусстве до утверждения коллективистских ценностей и постепенной русификации языковой среды. Однако эта трансформация не была линейным процессом – она сопровождалась сложным культурным диалогом, в котором казахское общество искало пути сохранения своей идентичности.

Двойственность советского влияния проявлялась особенно ярко. Стремление советской власти к модернизации традиционного общества, внедрение новых культурных и образовательных стандартов часто воспринимались как угроза традиционным ценностям. В этом контексте ислам стал важнейшим инструментом культурного сопротивления. Несмотря на жесткую атеистическую политику, исламские традиции продолжали жить в семейных и общинных практиках, становясь своеобразным щитом против полной культурной ассимиляции.

Западные исследователи отмечают особую форму культурного сопротивления в Казахстане – не через открытый протест, а через тонкую адаптацию традиционных ценностей к новым условиям. Этот культурный компромисс позволил казахскому обществу, принимая новые советские нормы, сохранять ключевые элементы своей идентичности. По мнению западных ученых, это яркий пример того, как национальная культура может не только выживать под внешним давлением, но и создавать уникальный синтез традиционного и современного.

Отдельного внимания заслуживает советская кампания по ликвидации неграмотности, начатая в 1920-х годах. С одной стороны, она значительно повысила образовательный уровень населения, создав условия для интеграции Казахстана в советское культурное пространство. С другой – сопровождалась усиленной русификацией, которую западные исследователи интерпретировали как инструмент культурной ассимиляции. Особенно показательна в этом контексте реформа письменности – переход от арабицы к латинице, а затем к кириллице, воспринимавшийся как попытка разорвать связь казахов с их исламским и тюркским наследием.

В центре внимания западных исследователей оказалась и советская языковая политика, рассматривавшаяся как инструмент формирования новой, советской идентичности. Однако, вопреки всем усилиям по русификации, казахский язык и культура не только выжили, но и продолжали развиваться параллельно с советской системой. Этот феномен западные ученые считают свидетельством необычайной жизнестойкости казахских культурных традиций.

Постсоветская историография культурных процессов в Казахстане представляет собой глубокий анализ уникального перехода от советизации к независимости. Зарубежные исследователи, изучающие этот переломный период конца XX – начала XXI века, особенно внимательны к тому, как советское наследие продолжало формировать культурный ландшафт даже после распада СССР, и как молодое государство переосмысливало свою национальную идентичность в новых условиях.

Процесс десоветизации в Казахстане, как отмечают исследователи, носил сложный и неоднозначный характер. Многолетняя советизация, глубоко укоренившая определенные ценности и культурные нормы, оставила настолько значительный след, что его невозможно было преодолеть одномоментно. На заре независимости страна столкнулась с необходимостью создания новой национальной идентичности, которая должна была органично соединить традиционные казахские ценности с вызовами современности. Западные ученые подчеркивают дуализм этого процесса: сознательное

дистанцирование от советского прошлого сочеталось с его творческим переосмыслением в контексте новых национальных задач.

Особый интерес зарубежных историков вызывает своеобразный культурный синтез в постсоветском Казахстане, где традиционные формы культурного выражения тесно переплетаются с модернизированными. В этом контексте исследователи отмечают ключевую роль государства в формировании новой культурной политики. Поддержка национальных традиций, возрождение казахского языка, восстановление исторической памяти, искаженной в советский период – все эти процессы, по мнению ученых, способствовали формированию гибкой и многогранной культурной идентичности, сохраняющей при этом определенную преемственность с советским периодом.

Отдельного внимания заслуживает анализ казахстанского кинематографа через призму советской культурной политики. Кино, будучи мощным инструментом культурного влияния, сыграло особую роль в трансляции советской идеологии и формировании общественного сознания.

Работы зарубежных исследователей помогают увидеть, как происходило постепенное освобождение казахстанского кинематографа от идеологических рамок, как менялись темы и художественные приемы, как национальное киноискусство искало свой уникальный голос в постсоветском пространстве.

Таким образом, постсоветская историография предлагает комплексный взгляд на культурную трансформацию Казахстана, показывая, как страна, сохраняя ценные элементы советского наследия, создавала свою уникальную культурную идентичность в условиях независимости. В советский период киноискусство в Казахстане находилось под строгим контролем государства и было одним из главных инструментов пропаганды, направленных на создание единого советского культурного пространства. Однако, несмотря на идеологические ограничения, казахстанский кинематограф сумел сохранить свою самобытность и внести значительный вклад в развитие национальной культуры.

Западные историки, изучавшие этот феномен, подчеркивали, что казахстанское кино, несмотря на давление со стороны советской власти, смогло стать платформой для выражения национальной идентичности. Фильмы, снятые в Казахстане в советский период, часто отражали специфику казахской культуры, её традиции, быт и народные обычаи, что позволило сохранить и передать эти элементы культуры новым поколениям. В этом смысле кинематограф играл роль своеобразного моста между советским прошлым и национальным будущим, способствуя сохранению культурной памяти и укреплению национального самосознания.

Кроме того, в постсоветский период казахстанский кинематограф стал важным инструментом для переосмысления советского наследия. Западные исследователи отмечают, что в новых фильмах, созданных уже после обретения независимости, все чаще стали появляться темы, связанные с критическим осмыслением советского опыта, восстановлением исторической справедливости и поиском новых смыслов в национальной истории. Этот процесс, по мнению западных ученых, свидетельствует о глубоком и сложном взаимодействии между советским прошлым и независимым настоящим Казахстана, что находит отражение и в современном кинематографе страны.

Научная новизна и вклад проведенного исследования заключаются в комплексном и междисциплинарном подходе к анализу культурных процессов в Казахстане через призму зарубежной историографии. Работа вносит оригинальный вклад в историографию, раскрывая, как трансформация казахской культуры в условиях советского и постсоветского периодов была воспринята и интерпретирована западными учеными. В исследовании уделяется особое внимание эволюции подходов зарубежных историков к изучению культурной идентичности Казахстана, начиная от первых попыток анализировать советский культурный империализм и заканчивая современными постсоветскими интерпретациями, ориентированными на восстановление и укрепление национальной идентичности. Этот аспект работы особенно важен, поскольку позволяет выявить не только общие

тенденции в зарубежной историографии, но и уникальные черты, присущие именно казахстанскому культурному пространству.

Одним из значительных аспектов новизны является детальное исследование взаимодействия советской культурной политики с традиционными казахскими ценностями, а также анализ сопротивления и адаптации этих ценностей в условиях идеологического давления. Это исследование демонстрирует, как западные ученые рассматривали сложные процессы трансформации культурных кодов и их сохранения в условиях значительного внешнего воздействия. Особое внимание уделяется роли ислама как элемента культурного сопротивления, что также представляет собой важный вклад в понимание культурной динамики в Советском Союзе.

Наше исследование вносит особый вклад в понимание постсоветского периода, когда культурные процессы в Казахстане претерпели кардинальные изменения, направленные на возрождение национальной идентичности и переосмысление советского наследия. Междисциплинарный подход, объединяющий методы истории, культурологии, политологии и социологии, позволил открыть новые перспективы в изучении культурной трансформации постсоветских республик.

Значимость работы выходит далеко за пределы академического интереса. В образовательной сфере результаты исследования могут стать основой для инновационных курсов по истории и культуре Центральной Азии, обогатить программы постсоветских исследований, помочь в создании образовательных модулей, исследующих сложную взаимосвязь культурной идентичности и политических процессов.

В сфере культурной политики наши выводы могут послужить опорой для разработки эффективных стратегий укрепления национальной идентичности и сохранения культурного наследия. Особую ценность представляют рекомендации по интеграции традиционных ценностей в современный культурный контекст, что критически важно в условиях глобализации.

Проведенное исследование также открывает новые горизонты для дальнейшего научного поиска. Особый интерес представляет более глубокое изучение трансформации отдельных элементов казахской культуры под влиянием советской политики. Требуется детального анализа то, как различные социальные группы воспринимали и адаптировали советские культурные нормы, как происходило их встраивание в традиционную систему ценностей. Этот аспект предполагает тщательное изучение архивных материалов, устных историй и других источников, способных пролить свет на повседневные практики культурной адаптации.

Заслуживает отдельного внимания роль интеллигенции в сохранении и трансформации национальной культуры, анализ тех тонких механизмов культурного сопротивления и адаптации, которые использовались для сохранения культурной самобытности в условиях советской системы. Понимание этих процессов может помочь в осмыслении современных культурных трансформаций в постсоветском пространстве.

Результаты нашего исследования создают прочную методологическую базу для дальнейшего изучения культурных процессов в постсоветском пространстве и могут служить ориентиром для будущих работ в этой области. Они помогают глубже понять сложные механизмы культурной трансформации и адаптации, что особенно важно в контексте современных глобальных изменений.

Важным направлением дальнейших научных изысканий представляется проведение сравнительного анализа культурных процессов в Казахстане и других постсоветских республиках. Такое исследование может раскрыть не только общие закономерности культурной трансформации постсоветского пространства, но и высветить уникальный путь каждой республики в процессе обретения и укрепления культурной идентичности.

Сравнительный анализ позволит глубже понять, как различные народы отвечали на схожие культурные и политические вызовы советской эпохи, какие механизмы сохранения национальной самобытности оказались наиболее

эффективными в разных контекстах. Особый интерес представляет изучение того, как разные республики справлялись с задачей интеграции советского наследия в новую национальную парадигму, как решали вопросы языковой политики и культурного возрождения.

Подобное исследование могло бы пролить свет на то, почему одни подходы к культурному строительству оказались более успешными в одних республиках и менее эффективными в других, как различные исторические и социальные контексты влияли на процессы культурной трансформации. Это позволило бы создать более полную картину культурных процессов на постсоветском пространстве и лучше понять уникальный опыт каждой республики в сохранении и развитии национальной культуры. Особенно важно изучить, как различные культурные элементы, такие как язык, религия и традиции, взаимодействовали с советской идеологией и каким образом это взаимодействие отразилось на культурной эволюции постсоветских обществ.

В контексте изучения культурных процессов в Казахстане наблюдается значимая эволюция исследовательского подхода от концепции "советского колониализма" к постколониальным исследованиям. Этот переход открывает новые перспективы для анализа и обладает мощным исследовательским потенциалом.

Постколониальные исследования предлагают более нюансированный взгляд на культурные трансформации в Казахстане, учитывая сложные взаимодействия и формирование гибридных идентичностей. Такой подход позволяет глубже изучить, как казахская культура интегрировала советские элементы, создавая уникальные культурные формы. Особый интерес представляет анализ стратегий, которые казахи использовали для адаптации к советской системе, сохраняя при этом свою культурную самобытность.

Потенциал постколониальных исследований раскрывается в возможности критически переосмыслить как советские, так и постсоветские нарративы о культурном развитии Казахстана. Это включает в себя изучение лингвистических трансформаций, в частности, влияния русского языка на казахский и

формирование билингвизма. Не менее важным аспектом является анализ изменений в религиозных практиках – их подавление в советский период и последующее возрождение в постсоветское время.

Исследование советской политики в области культуры и её влияния на такие культурные элементы, как кино, музыка и театр, представляет собой еще одно перспективное направление для дальнейших научных изысканий. Кинематограф, например, играл ключевую роль в формировании общественного сознания и пропаганде советских ценностей, и его влияние на культурное развитие Казахстана заслуживает более детального изучения. Важно понять, как кинематографические произведения отражали и формировали национальную идентичность в условиях доминирующей идеологии, а также какие изменения произошли в постсоветский период. Подобные исследования могут также быть расширены на другие виды искусства, такие как музыка и театр, которые, несмотря на идеологический контроль, оставались важными каналами для выражения национальной самобытности.

Следует отметить, что проведенное исследование вносит значительный вклад в понимание культурных процессов, происходивших в Казахстане в советский и постсоветский периоды. Оно освещает сложные и многоуровневые взаимодействия между советской идеологией и казахской культурой, а также подчеркивает важность сохранения и развития культурного наследия в условиях радикальных социальных и политических изменений. Значимость данного исследования заключается не только в его академической ценности, но и в его практическом потенциале, который может быть использован для разработки эффективных культурных и образовательных программ, направленных на укрепление национальной идентичности и поддержание культурного разнообразия.

Анализ зарубежной историографии выявил существенные пробелы в изучении конкретных деятелей казахской культуры. За редким исключением (как работы о Мухтаре Ауэзове и Абае), западные исследователи практически не обращались к

изучению творчества казахских художников, акынов, ученых и музыкантов. Это объясняется языковым барьером, ограниченным доступом к первоисточникам, а также тенденцией рассматривать культурные процессы в Казахстане в общем контексте советской Центральной Азии.

В зарубежной историографии наибольшее внимание уделялось политическим аспектам культурной трансформации, религиозному фактору (исламу) и языковой политике. При этом недостаточно исследованными остались специфика казахской кочевой культуры, традиционные формы искусства и роль устного творчества в сохранении культурной идентичности. Такое распределение исследовательского внимания объясняется преобладанием политологического подхода в западной советологии и недостаточным пониманием специфики традиционной казахской культуры.

Среди различных национальных школ наиболее плодотворной оказалась англоязычная историография, что объясняется развитой системой советологических центров в США и Великобритании, значительным финансированием исследований и активным привлечением специалистов из постсоветских стран. Немецкая и французская историографические школы, несмотря на давние традиции центральноазиатских исследований, уделяли меньше внимания культурным процессам в Казахстане.

К основным проблемам зарубежной историографии следует отнести недостаточное понимание специфики казахской культуры, особенно ее кочевых аспектов, тенденцию к обобщению культурных процессов в Центральной Азии без учета национальной специфики, слабое внимание к трансформации традиционных форм искусства и недооценку роли устной традиции в сохранении культурной идентичности.

Отдельного внимания заслуживает российская историография постсоветского периода, которая занимает особое положение - не являясь в полной мере "зарубежной" из-за глубоких исторических связей и общего советского прошлого, но и не будучи частью казахстанской историографии. Этот пласт

исследований требует отдельного изучения в контексте постсоветских культурных связей и взаимовлияний.

Исследование также подчеркивает необходимость дальнейшего изучения культурного наследия Казахстана с целью сохранения его уникальности и передачи будущим поколениям. Важно продолжать исследовать, как культурные процессы, начавшиеся в советский период, продолжают оказывать влияние на современную казахстанскую культуру и каким образом можно поддерживать и развивать эти процессы в условиях глобализации. Призыв к дальнейшему изучению и сохранению культурного наследия Казахстана должен стать центральным элементом в политике и стратегии развития страны, чтобы обеспечить сохранение её культурной самобытности и преемственности в условиях меняющегося мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 В Акорде был проведен ауызашар от имени Главы государства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/v-akorde-by-l-proveden-auyuzashar-ot-imeni-glavy-gosudarstva-735721> (дата обращения: 03.04.2024).

2 Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. – Общество с ограниченной ответственностью Издательство ЮРАЙТ, 2019.

3 Традиционный ислам и национальная культура [Электронный ресурс] // Qazaquni.kz: Қазақстан жаңалықтары. – Режим доступа: <https://qazaquni.kz/ru/161568-tradicionnyi-islam-i-nacionalnaya-kultura> (дата обращения: 03.04.2024).

4 Волобуев П. В. «Круглый стол» советских и американских историков. 9-11 января 1989 г. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 4-20.

5 Дахшлейгер Г. Ф. Проблема присоединения Казахстана к России и современная буржуазная историография // Навеки вместе. К 250-летию присоединения Казахстана к России. А.-А.: Наука, 1982. С. 315-323

6 Грошев И. И., Чеченкина О. И. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974. - 238 с.

7 Бегалиев Н. Критика буржуазных интерпретаций культурной революции в СССР (на примере КазССР) // Ленинское учение о социалистической культуре и идеологическая борьба. Тбилиси, 1980. С. 170-175

8 Бейсембаева Г. С. Культурная революция в Казахстане и несостоятельность ее буржуазных «критиков» // Вопросы истории Компартии Казахстана. Вып. 14. А.-А., 1979. С. 205-223

9 Коршунов В. И. Некоторые проблемы истории социалистического строительства в Казахстане в современной англо-американской буржуазной историографии // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. 1974. № 6. С. 27-35.

10 Амантаев Б. А., Бегалиев Н. К. Критика методологических основ современного антикоммунизма. А.-А.: Казахстан, 1979. 97 с.

11 Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1976. 376 с.

12 Кшибеков Д. Критика буржуазной фальсификации опыта строительства социализма в Казахстане. А.-А.: Казахстан, 1972. 112 с.

13 Есмагамбетов К.Л. Проблемы истории Казахстана XIX-начала XX вв. в англо-американской историографии. – Алма-Ата, 1972. – 307 с.

14 Есмагамбетов К. Л. Что писали о нас на Западе. Алматы: Казак университеті, 1992. 152 с.

15 Лаумулин М. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). — Астана: КИСИ, 2015. — 416 с.

16 Сужиков Б. М. Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центральноазиатских исследованиях. Алматы: Комплекс, 1997. 64 с.

17 Бырбаева Г. Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. – Дайк-Пресс, 2005. 484 с.

18 Абдуллин Р. Б. Западная школа среднеазиоведения: организационные основы, исследовательская база и историографические направления (1917-1991): Автореф. дис.... канд. ист. наук.-Алматы, 2005 //Автореф. канд. ист. наук. – 2005. – Т. 7. – №. 09. 34 с.

19 Несипбаева К. Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII-нач. XX вв.) //Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – 1997. – №. 1. – С. 89-94.

20 Таштемханова Р. М. История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XIX в. 11991 г.): автореф. дис....д-ра ист. наук : 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования. - Алматы: [б. и.], 2005. - 54 с.

21 Ковальская С.И. Судьбы модернизации Казахстана в англоязычной историографии. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2007. – 336 с.

22 Шаймарданова З. Д. Современные методологические подходы французской историографии по изучению истории Казахстана //Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2010. – №. 1. – С. 17-18.

23 Allworth E. Central Asian Publishing and the Rise of Nationalism. An Essay and a List of Publications in the New York Public Library. New York Public Library. – 1965. – 100 p.

24 Allworth E. Central Asia: A Century of Russian Rule. University Presses of California, Columbia and Princeton. – 1967. – 552 p.

25 Allworth E. A. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A Cultural History. Hoover Institution Press. – 1990. – 424 p.

26 Bennigsen A., Lemercier-Quelguy C. Islam in the Soviet Union / Foreword by Geoffrey E. Wheeler and Hubert Evans. London: Pall Mall. – 1967. – 272 p.

27 Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, London. – 1979. – 259 p.

28 Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State.London: Croom Helm. – 1983. – 170 p.

29 Carrère d'Encausse H. Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt / Transl. by Martin Sokolinsky, Henry A. La Farge. London: TBS The Book Service Ltd. – 1980. – 300 p.

- 30 Carrère d'Encausse H. Lenin, Revolution and Power / Transl. by Valence Ionescu. London: Longman. - 1982. – 279 p.
- 31 Carrère d'Encausse H. Stalin: Order Through Terror. Addison-Wesley Longman Ltd. – 1981. – 269 p.
- 32 Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. – 40th anniversary ed. Oxford University Press, U.S.A. – 2007. – 608 p.
- 33 Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine. Vintage UK. – 2002. – 432 p.
- 34 Karpat K. H. The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. Oxford University Press. – 2001. – 544 p.
- 35 Karpat K. H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. Princeton University Press. – 2016. – 538 p.
- 36 Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. Praeger. – 1964. – 272 p.
- 37 Wheeler G. Russia and Islam: New Trends in Soviet Policy // Central Asia Review. – 1956. – T. 4. – №. 1. – C. 1-3.
- 38 Tchokaieff M. Chez les Soviétés en Asie Centrale. Response aux communistes français. Avec préface de P. Revandel. — Paris, 1928. — 64 p.
- 39 Bennigsen Broxup M., ed. The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World. New York: St. Martin's Press. – 1992. - 252 p.
- 40 Henze P. B. The Plot to Kill the Pope. Scribner. – 1983. – 216 p.
- 41 Henze P. B. Layers of Time: The Geological and Human Foundations of Ethiopia // Layers of time: A history of Ethiopia. – 2000. – C. 1-21.
- 42 Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. Le soufi et le commissaire: Les confréries musulmanes en Urss. Paris: Seuil. – 1986. – 310 p.
- 43 Olcott M. B. The Kazakhs. – 2nd ed. Hoover Institution Press. – 1995. – 388 p.
- 44 Olcott M. B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise // Carnegie Endowment for International Peace. – 2002. – 323 p.
- 45 Rakowska-Harmstone T., Gyorgy A., eds. Communism in Eastern Europe // Indiana University Press. – 1979. – 338 p.
- 46 Rakowska-Harmstone T. Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan // The Johns Hopkins University Press. – 1970. – 342 p.
- 47 Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia // Routledge. – 1982. – 186 p.
- 48 Rywkin M. Russia in Central Asia. Collier. – 1963. – 191 p.
- 49 Fierman W. Language and education in post-Soviet Kazakhstan: Kazakh-medium instruction in urban schools // The Russian Review. – 2006. – T. 65. – №. 1. – C. 98-116.

- 50 Fierman W. Identity, symbolism, and the politics of language in Central Asia // Symbolism and Power in Central Asia. – Routledge, 2013. – C. 122-143.
- 51 Kudaibergenova D. T. National identity formation in post-Soviet Central Asia: the Soviet legacy, primordialism, and patterns of ideological development since 1991. Social and cultural change in Central Asia. – Routledge, 2013. – C. 160-173.
- 52 Kudaibergenova D. T. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lexington Books. – 2017. – 258 p.
- 53 Yilmaz H. The soviet construction of Kazakh batyrs. Social and Cultural Change in Central Asia. – Routledge, 2013. – C. 45-62.
- 54 Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. University of California Press. – 1999. – 400 p.
- 55 Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California Press. – 2007. – 253 p.
- 56 Isaacs R. Film and Identity in Kazakhstan: Soviet and Post-Soviet Culture in Central Asia. I.B. Tauris. – 2018. – 352 p.
- 57 Isaacs R. Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. Routledge. – 2017. – 240 p.
- 58 Rollberg P. Historical Dictionary of Russian and Soviet Cinema. Scarecrow Press. – 2008. – 832 p.
- 59 Rollberg P., Laruelle M. The Media Landscape in Central Asia: Introduction to the Special Issue // Democratizatsiya. – 2015. – T. 23. – № 3. – C. 227–232.
- 60 Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press. – 2000. – 312 p.
- 61 Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Reissue ed. Oxford University Press. – 1996. – 416 p.
- 62 Fitzpatrick S. Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press. – 2005. – 352 p.
- 63 Burke P. What is Cultural History? Polity. – 3rd ed. – Kindle Edition. – 2019. – 192 p.
- 64 Burke P. Social History of Knowledge: From Gutenberg to Diderot. Polity. – 2000. – 268 p.
- 65 Chartier R. Cultural History: Between Practices and Representations / Transl. by Lydia Cochrane. NCROL. – 1988. – 209 p.
- 66 Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union soviétique. Paris: F. Maspero. – 1981. – 315 p.
- 67 Blanchard L. Le Kazakhstan // Études et Conjoncture. Cahiers de l'INSEE. – 1961. – No 5. – Pp. 405–487.

- 68 Chambre H. *Le Kazakhstan: tiers-monde soviétique? // Union Soviétique et développement économique. 2-me partie.* – Paris: Aubier Montaigne, 1967. – Pp. 259–370.
- 69 Égretaud M. *L'Orient Soviétique: Kazakhstan-Ouzbekistan-Kirghizie-Tadjikistan-Turkmenistan-Azerbaïdjan.* Paris: Éditions sociales. – 1959. – 274 p.
- 70 Alleg H. *Etoile Rouge et Croissant Vert.* — Paris, 1983. — 267 p
- 71 Cagnat R., Jan M. *Le milieu des empires. Entre URSS, Chine et Islam, le destin de l'Asie Centrale.* Paris: Robert Laffont. – 1990. – 444 p.
- 72 Dor R., ed. *L'Asie Centrale et ses voisins.* Paris: Inalco. – 1990. – 238 p.
- 73 Carrère d'Encausse H. *The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations.* Basic Books. – 1992. – 304 p.
- 74 Kolarz W. *Russia and Her Colonies.* – 3rd ed. London: Philip. – 1953. – 335 p.
- 75 Kolarz W. *Communism and Colonialism.* London: Macmillan. – 1964. – 147 p.
- 76 Conolly V. *Beyond the Urals: Economic Developments in Soviet Asia.* Oxford University Press. – 1967. – 440 p.
- 77 Akiner Sh. *Islamic Peoples of the Soviet Union.* London: Paul Kegan. – 1983. – 462 p.
- 78 Akiner S. *The Formation of Kazakh Identity; From Tribe to Nation-State.* – Royal Institute of International Affairs, 1995. – 83 p.
- 79 Hayit B. *Turkestan zwischen Russland und China.* Amsterdam: Philo Press. – 1971. – 415 S.
- 80 Jochelson W. *Peoples of Asiatic Russia.* New York: American Museum of Natural History. – 1928. – 277 p.
- 81 Hostler Ch.W. *Turkism and the Soviets: The Turks of the World and Their Political Objectives.* London: Allen and Unwin. – 1957. – 244 p.
- 82 Zenkovsky S. A. *Pan-Turkism and Islam in Russia.* Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1960. – 356 p.
- 83 Bacon E.E. *Central Asia under Russian Rule: A Study in Cultural Change.* Ithaca, New York: Cornell University Press. – 1966. – 273 p.
- 84 Tillett L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities.* Chapel Hill: University of North Carolina Press. – 1969. – 468 p.
- 85 Symmons-Symonolewicz K., ed. *The Non-Slavic Peoples of the Soviet Union.* Meadville (PA): Maplewood Press. – 1972. – 170 p.
- 86 Vucinich W.S., ed. *Russian and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples.* Stanford: Hoover Institution Press. – 1972. – 521 p.
- 87 Kaushik D. *Central Asia in Modern Times.* Moscow: Progress. – 1970. – 271 p.
- 88 Kaushik D. *Socialism in Central Asia.* Bombay: Allied Publishers. – 1976. – 163 p.

- 89 Kaushik D. *India and Central Asia in Modern Times*. New Delhi: Satvakan. – 1985. – 134 p.
- 90 Hero D. *Between Marx and Muhammad: The Changing Face of Central Asia*. London: Harper Collins. – 1994. – 402 p.
- 91 История Казахстана: Хрестоматия: Учебное пособие для 11 кл. естеств.-мат. направления общеобразоват. шк. — 2-е изд., перераб., доп. — Алматы: Мектеп, 2011. — 168 с.
- 92 Malia M. *A Fatal Logic* // *The National Interest*. – 1993. – №31. – P. 80—90.
- 93 Wildman A. *More Controversy* // *The Russian Review*. – 1987. – Vol. 46. – P. 375-378.
- 94 Cohen S. F. *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. – Revised ed. Oxford University Press. – 1986. – 240 p.
- 95 Меньковский В. И. История и историография: Советский союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. — Мн. : БГУ, 2007. — 358 с.
- 96 Болховитинов Н. Н. "Отечественная история" и Российское зарубежье (заметки на полях журнала) // *Отечественная история*. – 2000. – №. 5 . – С. 123-127.
- 97 Getty J. A., Manning R. T., eds. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge University Press. – 1993. – 308 p.
- 98 Тойнби А. Дж. *Постижение истории* / Пер. Е. Д. Жарков; ред. В. И. Уколова. Санкт-Петербург: Академический проект, 2021. – 800 с.
- 99 Акулов М. Тенденции в западных исследованиях истории центральной азии: пример журнала *Central Asian Survey* // *Вестник Евразийского национального университета имени ЛН Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. – 2022. – №. 3 (140). – С. 7-20.
- 100 Carrère d'Encausse H. *Determinants and Parameters of Soviet Nationality Policy* // *Soviet Nationality Policy and Practices*. – 1978. – P. 39-59.
- 101 Wheeler G. *The Peoples of Soviet Central Asia*. Dufour Editions. – 1966. – 128 p.
- 102 Dickens M. *The impact of russo-soviet culture in Central Asia* // on line available at www.oxuscom.com. – 1989. – P. 1-25.
- 103 Dobson C. *Second-Class Soviets* // *Far Eastern Economic Review*. – 15 October 1982. – Pp. 44-46.
- 104 Rywkin M. *Central Asia and Soviet Manpower* // *Problems of Communism*. – 1979. – Vol. 28. – Pp. 1-13.
- 105 Montgomery D. C. *Return to Tashkent* // *Asian Affairs*. – 1979. – Т. 10. – №. 2. – С. 166-179.

- 106 Karklins R. Nationality power in Soviet republics: Attitudes and perceptions // *Studies in Comparative Communism*. – 1981. – T. 14. – №. 1. – C. 70-93.
- 107 Karklins R. Ethnic politics and access to higher education: The Soviet case // *Comparative Politics*. – 1984. – T. 16. – №. 3. – C. 277-294.
- 108 Connor W. *The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy*. Princeton University Press. – 1984. – 608 p.
- 109 Mortimer E. *Faith and Power: The Politics of Islam* // New York: Random House. – 1982. – 432 p.
- 110 Olcott M. B. The Emergence of National Identity in Kazakhstan // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. – 1981. – Vol. VIII. – No. 2. – Pp. 285-300.
- 111 Lemercier-Quelquejey C. Muslim national minorities in revolution and civil war // *Soviet Nationalities in Strategic Perspective*. – Routledge, 2021. – C. 36-60.
- 112 Rywkin M. Islam and the new Soviet man: 70 years of evolution // *Central Asian Survey*. – 1987. – T. 6. – №. 4. – C. 23-32.
- 113 Bennigsen A. Soviet Muslims and the Muslim world // *Soviet Nationalities in Strategic Perspective*. – Routledge, 2021. – C. 207-226.
- 114 Karpat K. H. The Turkic Nationalities: Turkish-Soviet and Turkish-Chinese Relations // *Soviet Asian Ethnic Frontiers*. – 1979. – C. 117-144.
- 115 Karpat K. H. The Geographical Scope of Central Asia. Introduction: Opening Remarks // *Central Asian Survey*. – London, 1984. – Vol. 3. – No. 3. – Pp. 3-13.
- 116 Wimbush S. E. The politics of identity change in Soviet Central Asia // *Central Asian Survey*. – 1984. – T. 3. – №. 3. – C. 69-78.
- 117 Seton-Watson H. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colo.: Westview Press. – 1977. – 563 p.
- 118 Fraser G. Basmachi—II // *Central Asian Survey*. – 1987. – T. 6. – №. 2. – C. 7-42.
- 119 Allworth E., ed. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview*. Durham: Duke University Press. – 1994. – 650 p.
- 120 Rywkin M. National symbiosis: vitality, religion, identity, allegiance // *The USSR and the Muslim World*. – Routledge, 2015. – C. 3-15.
- 121 Lemercier-Quelquejey Ch. From Tribe to Umma // *Central Asian Survey*. – 1984. – Vol. 3. – Pp. 15-26.
- 122 Bennigsen A. Religious belief in Soviet Islam: the current status // *Institute of Muslim Minority Affairs. Journal*. – 1980. – T. 2. – №. 2. – C. 37-41.
- 123 Imart G. G. Kirgizia-Kazakhstan: a hinge or a fault-line? // *Problems of Communism*. – 1990. – T. 39. – C. 1-13.

124 Rakowska-Harmstone T. Islam and nationalism: Central Asia and Kazakhstan under Soviet rule //Central Asian Survey. – 1983. – T. 2. – №. 2. – C. 7-87.

125 Julien P. In Quest of the Holiest Place in Central Asia // Central Asian Survey. – London, 1985. – Vol. 4. – No. 1. – Pp. 115-119.

126 Lemercier-Quelquejay C. Sufi brotherhoods in the USSR: A historical survey //Central Asian Survey. – 1983. – T. 2. – №. 4. – C. 1-35.

127 Henze P. B. The Central Asian Muslims and their Brethren abroad—Marxist solidarity or Muslim brotherhood? //Central Asian Survey. – 1984. – T. 3. – №. 3. – C. 51-68.

128 Burg S. L. Muslim cadres and Soviet political development: Reflections from a comparative perspective //World Politics. – 1984. – T. 37. – №. 1. – C. 24-47.

129 Henze P. B. The spectre and implications of internal nationalist dissent: historical and functional comparisons //Soviet Nationalities in Strategic Perspective. – Routledge, 2021. – C. 1-35.

130 Subtelny M. E. The cult of holy places: religious practices among Soviet Muslims //Middle East Journal. – 1989. – T. 43. – №. 4. – C. 593-604.

131 Critchlow J. Islam and Nationalism in Soviet Central Asia // In: Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics, ed. P. Ramet. – Durham, North Carolina: [Publisher], 1984. – Pp. 107-109.

132 Ro'i Y. The impact of the Islamic fundamentalist revival of the late 1970s on the Soviet view of Islam //The USSR and the Muslim World. – Routledge, 2015. – C. 149-177.

133 Montgomery D. C. The Uzbeks in two states: Soviet and Afghan policies toward an ethnic minority // Soviet Asian ethnic frontiers. – 1979. – C. 147-174.

134 Simon G. Das nationale Bewusstsein der Nichtrussen in der Sowjetunion. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. – 1986. – 101 p.

135 Krickus R. J. The Superpowers in Crisis: Implications of Domestic Discord // Potomac Books Inc. – 1987. – 236 p.

136 Shahrani M. N. “From tribe to umma”: comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet Central Asia //Central Asian Survey. – 1984. – T. 3. – №. 3. – C. 27-38.

137 Bennigsen A. Modernization and Conservatism in Soviet Islam //Religion and Modernization in the Soviet Union. – Routledge, 2019. – C. 239-279.

138 McLeish J. The Soviet Conquest of Illiteracy //Alberta Journal of Educational Research. – 1972. – T. 18. – №. 4. – C. 307-326.

139 Shorish M. M. Planning by decree: The Soviet language policy in Central Asia //Language Problems and Language Planning. – 1984. – T. 8. – №. 1. – C. 35-49.

140 Bennigsen A., Quelquejay C. The Evolution of the Muslim Nationalities of the USSR and Their Linguistic Problems / Transl. by Geoffrey Wheeler. London: Central Asian Research Centre in Association with St. Antony's College (Oxford) Soviet Affairs Study Group. – 1961. – 57 p.

141 Allardyce R. Planned Bilingualism: The Soviet Case //Journal of Russian Studies. – 1987. – T. 52. – C. 3-15.

142 Ornstein J. Soviet language policy: Theory and practice //The Slavic and East European Journal. – 1959. – T. 3. – №. 1. – C. 1-24.

143 Bruchis M. The Effect of the USSR's Language Policy on the National Languages of Its Turkic Population //The USSR and the Muslim world. – Routledge, 2015. – C. 129-148.

144 Olcott M. B. The politics of language reform in Kazakhstan //Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, and Future. ed. Isabelle Kreindler. – 1985. – T. 345. – p. 184-204.

145 Solchanyck R. Language and Education in Soviet Schools //International Journal of the Sociology of Language La Haye. – 1982. – №. 36. – C. 113-118.

146 Kreindler I. Lenin, Russian, and Soviet language policy //International journal of the sociology of language. – 1982. – №. 33. – C. 129-135.

147 Tonkonogaja E. P. Illiteracy eradication in the Soviet Union //Literacy Discussion. – 1976. – T. 7. – №. 1. – C. 25-52.

148 Allworth E. A document about the cultural life of Soviet Uzbeks outside their SSR //Central Asian Survey. – 1982. – T. 1. – №. 2-3. – C. 103-125.

149 Fierman W. Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987–1997 //Communist and Post-Communist Studies. – 1998. – T. 31. – №. 2. – C. 171-186.

150 Rees K. M. Recasting the nation: transforming heroes of the Soviet Union into symbols of Kazakhstani patriotism //Central Asian Survey. – 2020. – T. 39. – №. 4. – C. 445-462.

151 Khalid A. Backwardness and the quest for civilization: early Soviet Central Asia in comparative perspective //Slavic Review. – 2006. – T. 65. – №. 2. – C. 231-251.

152 Chomentowski G. Vostokkino and the foundation of Central Asian cinema //Cinema in Central Asia. Rewriting Cultural Histories. – 2013. – C. 33-45.

153 Beumers B. Waves, old and new, in Kazakh cinema //Studies in Russian and Soviet Cinema. – 2010. – T. 4. – №. 2. – C. 203-209.

154 Rollberg P. The Cinema of Soviet Kazakhstan 1925–1991: An Uneasy Legacy. – Rowman & Littlefield, 2021. – 449 p.

155 Kamp M. The new woman in Uzbekistan: Islam, modernity, and unveiling under communism. – University of Washington Press, 2011. – 319 p.